

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

Дин Лина

**Русские и китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов:
тематическая классификация и лингвокультурологическая
интерпретация**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
М.В. Лысякова

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	15
1.1. Понятие и классификация фразеологизмов в русистике и китаистике	15
1.1.1. Понятие и классификация фразеологии в русском и китайском языках	15
1.1.2. Русская и китайская фразеология и её отражение в различных источниках словесной культуры	23
1.2. Фразеологизмы духовно-религиозных текстов как объект исследования ...	28
1.2.1. Духовно-религиозные тексты	28
1.2.2. Источники фразеологизмов духовно-религиозных текстов.....	33
1.2.3. История изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов	39
1.3. Фразеология: лингвокультурологическая интерпретация.....	52
1.3.1. Фразеологизмы как основные единицы языковой картины мира	52
1.3.2. Картина мира, представленная во фразеологии духовно-религиозных текстов.....	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I	64
ГЛАВА II. ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ	66
2.1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом.....	67
2.1.1. Морские животные	75
2.1.2. Птицы	76
2.1.3. Наземные животные	78
2.2. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом.....	89
2.2.1. Названия травянистых растений	95
2.2.2. Названия хлебных зерновых культур	96
2.2.3. Названия овощей.....	98
2.2.4. Названия фруктов	99
2.2.5. Названия древесных растений.....	100
2.2.6. Названия цветов	105
2.2.7. Названия частей растения	107

2.3. Фразеологизмы с компонентом-нумеративом	109
2.3.1. Нумеративный компонент <i>один</i>	112
2.3.2. Нумеративный компонент <i>два</i>	115
2.3.3. Нумеративный компонент <i>три</i>	117
2.3.4. Нумеративный компонент <i>пять</i>	121
2.3.5. Нумеративный компонент <i>семь</i>	122
2.3.6. Нумеративный компонент <i>десять</i>	125
2.3.7. Нумеративные компоненты <i>четыре</i> и <i>шесть</i>	126
2.3.8. Нумеративные компоненты <i>тысяча</i> и <i>десять тысяч</i>	129
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II	132
ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КАРТИНА МИРА	135
3.1. Микрополе «семейные отношения».....	135
3.1.1. Брачные отношения – муж и жена.....	142
3.1.2. Кровные отношения – родители и дети.....	147
3.1.3. Кровные отношения – братья и сёстры	152
3.2. Микрополе «Бог»	157
3.3. Микрополе «богатство».....	162
3.3.1. Отношение к богатству	166
3.3.2. Способы получения богатства.....	174
3.3.3. Потребление и сбережение	176
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III	180
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
БИБЛИОГРАФИЯ	190
Список использованной литературы.....	190
Список использованных словарей.....	212
Список Интернет-ресурсов	216
ПРИЛОЖЕНИЯ	219
Приложение 1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом	219

Приложение 2. Соотношение фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках.....	223
Приложение 3. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом.....	227
Приложение 4. Соотношение фразеологизмов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках.....	229
Приложение 5. Фразеологизмы с компонентом-нумеративом	230
Приложение 6. Соотношение фразеологизмов с компонентом-нумеративом в русском и китайском языках.....	234
Приложение 7. Фразеологизмы микрополя «семейные отношения».....	235
Приложение 8. Соотношение фразеологизмов микрополя «семейные отношения» в русском и китайском языках.....	238
Приложение 9. Фразеологизмы микрополя «богатство».....	239
Приложение 10. Соотношение фразеологизмов микрополя «богатство» в русском и китайском языках.....	242

ВВЕДЕНИЕ

Фразеология является неотъемлемой, лингвистически значимой частью любого языка, ярко отражающей специфику национальной картины мира, менталитета этноса. Фразеологический фонд языка формируется веками и пополняется из различных источников. Один из важнейших ресурсов расширения фразеологического запаса языка – духовно-религиозная литература, религиозные каноны и ритуалы. Религиозные тексты глубоко интегрированы в духовную жизнь общества. Религия, важнейший элемент культуры народа, средство социальной интеграции, имеет важное мировоззренческое значение, формирует систему ценностей и национальную картину мира, со временем становится частью традиционной жизни этносов.

Диссертационная работа посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русской и китайской лингвокультурах. В диссертации рассматривается взаимодействие языка и культуры, особенности категоризации окружающего мира носителями русского и китайского языков.

Актуальность настоящего исследования определяется следующими факторами:

1) значительным интересом современных лингвистов к феномену этнической культуры и проблеме раскрытия культурного компонента фразеологических единиц языка, источниками которых являются духовно-религиозные тексты. Такие фразеологизмы представляются весьма значимыми для понимания менталитета той или иной этнической общности;

2) насущной потребностью во всестороннем развитии межкультурных связей, этнокультурного обмена между российским и китайским обществами;

3) недостаточностью сопоставительного изучения разных картин мира, отражённых во фразеологии духовно-религиозных текстов, в русской и китайской лингвокультурах. В частности, с помощью компонентного, этимологического и лингвокультурологического анализа рассмотрена универсальная и национальная

специфика мировоззрений двух наций на материале философских, духовно-религиозных и лексикографических источников русского и китайского языков.

Степень разработанности темы. В российском языкознании значительное количество работ посвящено изучению картин мира, закреплённых во фразеологических единицах духовно-религиозных текстов русского и других европейских языков: Е. В. Каминская (2004), Н. М. Глушкова (2013), Л. Г. Павленко (2018) и др. В китайской лингвистике имеется большое количество научных работ, посвящённых изучению фразеологизмов из буддизма: Ван Жань (王冉, 2008), Сунь Мэнмэн (孙萌萌, 2012), Дин Ли (丁莉, 2017) и др.; из даосизма: Пань Айфэн (潘爱锋, 2011), Чжан Цзяньчао (张建超, 2016), Сун Цзэнмин (宋增民, 2018) и др. и из конфуцианства: Ли Юйе (李玉叶, 2015), Чжоу Цзыцзин (周子靖, 2019), Сюй Япинь (徐亚斌, 2021) и др., а также русских библеизмов как информативного способа толкования русской культуры, русского духовного мира: Нин Синь (宁欣, 2011), Ван Синсун (王兴松, 2016), Вэй Яньли (魏彦莉, 2017) и др.

Сопоставление фразеологизмов из текстов библейского, конфуцианского, буддийского и даосского учений на материале русского и китайского языков представлено лишь в некоторых научных статьях, в частности: Ван Шуцзе (王淑杰, 2009), Ян Шуан (杨爽, 2017), Ромеро Интриаго Д. И. (Ромеро Интриаго Д. И., 2014). Следует отметить, что системный, многоаспектный анализ фразеологизмов духовно-религиозных текстов в двух лингвокультурах до настоящего времени не проводился.

Материалом исследования послужили фразеологизмы духовно-религиозных текстов, в том числе, библейские фразеологизмы и некоторые фразеологизмы языческого происхождения, полученные методом сплошной выборки из следующих источников: «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной (Дубровина, 2010), «Словарь русской фразеологии, историко-этимологический справочник» (Бирих, Мокиенко, 1998).

Фрагменты иллюстративных текстов, включающих фразеологизмы библейского происхождения, взяты из Синодального перевода Библии (Библия, 2006).

Китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов получены из ряда книг и словарей: «Буддийская фразеология» (Чжу Жуйвэнь, 2006); «Интерпретация фразеологии в «Лунь Юй»» (Сюй Япинь, 2021); «Фразеология в «Чжоуи»» (Дун Чжэннань, 2017); «Большой этимологический словарь китайской фразеологии» (Чжу Жуйвэнь, 2010). В этих словарях представлены источники происхождения фразеологизмов и фрагменты иллюстративных текстов, включающих рассматриваемые фразеологизмы. Поэтому китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов в основном взяты из таких древних китайских духовно-религиозных произведений, как: «Беседы и суждения» (Лунь Юй, 论语), «Книга перемен» (Чжоу И, 周易), «Великое учение» (Да Сюэ, 大学), «Гармония срединности» (Чжун Юн, 中庸), «[Писания] Учителя Мэна» (Мэн-цзы, 孟子), «Книга песен» (Шицзин, 诗经), «Чтимая книга» (Шан Шу, 尚书), «Книга ритуалов» (Ли Цзи, 礼记) и других, принадлежащих к конфуцианским философским трактатам. «Книга пути и достоинства» (Дао Дэцзин, 道德经), «Чжуан-цзы» (庄子), «[Трактат] учителя Ле» (Ле-цзы, 列子), «Баопу-цзы» (抱朴子), «Ле-цзы» (列子) и т.д., восходящие к древней даосской философии. Также в сферу нашего исследования включены устойчивые обороты буддийского происхождения из таких книг, как: «Алмазная сутра» (Цзиньган цзин, 金刚经), «Лотосовая сутра» (Фахуа цзин, 法华经), «Сурангама сутра» (Лэн-янь цзин, 楞严经), «Вималакирти нирдеша сутра» (Вэймоцзе цзин, 维摩诘经), «Сутра совершенного просветления» (Юаньцзюэ цзин, 圆觉经), «Вудэнхуйюань» (五灯会元), «Запись Цзиндэ о передаче лампы» (Цзиндэ Чуаньдэнлу, 景德传灯录), «Собрание жемчужин из сада Учения [Будды]» (Фа юань чжу линь, 法苑珠林), «Собрания из зала патриархов» (Цзу тан цзи, 祖堂集) и др.

Для интерпретации китайских фразеологизмов перевод на русский язык получен из ресурсов на сайте «Большой китайско-русский словарь» [URL:

<https://bkrs.info/>] и Китайско-русского словаря фразеологизмов (Хубэйское народное издательство, 1984). Всего проанализировано 1139 фразеологизмов: 518 фразеологизмов русского языка и 621 фразеологизм китайского языка. Составлено 15 таблиц и 7 диаграмм.

Цель исследования – выявить языковые и национально-культурные особенности русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов в сопоставительном аспекте, охарактеризовать их сходства и различия в тематическом, семантическом, историческом, национально-культурном, философском планах.

Достижение поставленной цели требует выполнения **ряда задач**.

1. Рассмотреть традиции изучения фразеологии в русской и китайской лингвистической науке.

2. Уточнить понятия «духовно-религиозные тексты» и «фразеологизмы духовно-религиозных текстов».

3. Определить источники фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русской и китайской научных традициях.

4. Выявить роль и место фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русской и китайской языковой картине мира, источником которых являются Священные тексты и духовно-религиозные каноны.

5. Отобрать фразеологизмы духовно-религиозных текстов из различных справочных источников.

6. Разработать тематическую классификацию фразеологических единиц духовно-религиозных текстов.

7. Провести системный лингвокультурологический анализ исследуемых фразеологических единиц русского и китайского языков, выявив их культурный и экстралингвистический компонент через описание ключевых фразеосемантических микрополей.

Объектом исследования являются фразеологизмы духовно-религиозных текстов русского и китайского языков.

Предмет исследования – языковые и национально-культурные особенности русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов.

Теоретической основой исследования послужили фундаментальные труды русских и китайских учёных по:

– лингвокультурологии: Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров (1990), Е. С. Яковлева (1994), В. Н. Телия (1996), В. В. Воробьёв (1997, 2006), О. А. Корнилов (2003), В. А. Маслова (2004б), Л. Г. Золотых (2006), Н. Ф. Алефиренко (2010а), В. М. Шаклеин (2012), З. К. Сабитова (2013), Е. И. Зиновьева (2016), Чжао Аиго (赵爱国, 2006), Ян Сюэцзе (杨秀杰, 2007), Дин Димэн (丁迪蒙, 2012) и др.

– фразеологии: В. В. Виноградов (1953), В. М. Мокиенко (1980), В. П. Жуков, А. В. Жуков (1986), Н. М. Шанский (1996), В. Н. Телия (1996), О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко (2018), Т. А. Глотова, М. Т. Бекоева, Т. Г. Цакалиди (2019), П. П. Ветров (2007), Ма Гофан (马国凡, 1978), Дин Синь (丁昕, 2001), У Цзюнь (吴军, 2006), Чжу Жуйвэнь (朱瑞玟, 2006), Сюй Япинь (徐亚斌, 2021) и др.

Гипотеза исследования заключается в том, что сопоставление фразеологических единиц русского и китайского языков позволяет выявить национально-культурную специфику фразеологизмов, обнаружить и интерпретировать сходства и различия двух лингвокультур. Духовно-религиозные и этно-культурные различия обусловили лакунарные явления, отражённые во фразеологии русского и китайского языков.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Фразеологизмы духовно-религиозных текстов русского и китайского языков, отличаясь в формальном отношении, обнаруживают семантическое сходство, детерминированное в том числе сходством их образно-символической структуры. Лингвокультурологические различия русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов обусловлены отличиями духовно-религиозного характера, особенностями понятийных и денотативных сфер изучаемых языков, несовпадением их фразеологических систем.

2. Фразеологические единицы духовно-религиозных текстов русского и китайского языков являются организованными подсистемами, поддающимися всестороннему описанию по различным структурно-семантическим и лингвокультурологическим основаниям, в частности, параметрическому описанию на основе компонентов «зооним», «фитоним», «нумератив» и выделению трёх микрополей: «семейные отношения», «Бог», «богатство».

3. Принадлежность носителей русского и китайского языков к различным конфессиям обуславливает значительные расхождения в национально-культурных коннотациях образов животных, растений и символах чисел: образ одного и того же объекта в изучаемых в диссертации культурах порождает несовпадающие символы и языковые репрезентации.

4. Картины мира русского и китайского этносов, отражённые в трёх важных микрополях: «семейные отношения», «Бог», «богатство», - интегрируют как общие (универсальные) культурологические характеристики, так и частные (национальные). Комплексное сопоставление данных микрополей на материале фразеологии духовно-религиозных текстов русского и китайского языков позволило получить представление о различиях в восприятии мира представителями двух лингвокультур.

5. Этимологический анализ фразеологии духовно-религиозных текстов способствует установлению источников культурных и мировоззренческих различий двух лингвокультур, отражающих, в частности, самобытность Древней Руси и Древнего Китая.

Научная новизна. Настоящая диссертация является первым комплексным сопоставительным исследованием фразеологизмов русского и китайского языков духовно-религиозных текстов в тематическом, семантическом, этимологическом, религиозно-философском и национально-культурном аспектах. **Впервые** на основе анализа истории изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов в двух разноструктурных языках (в русском языке: фразеологизмы, в основном, из христианства и единичные из язычества; в китайском языке: фразеологизмы, в

основном, из конфуцианства, даосизма и буддизма) выявлены особенности этих единиц в диахроническом аспекте. **Впервые** создана модель значимого фрагмента языковой картины мира русских и китайцев в аспекте традиционных религий и духовных традиций. **Впервые** установлены различия в восприятии картин мира русских и китайцев на основе комплексного сопоставления обширного объёма фразеологических единиц духовно-религиозных текстов русского и китайского языков.

Теоретическая значимость исследования состоит в описании лингвистических традиций изучения русской и китайской фразеологии, установлении соотношения фразеологизмов духовно-религиозных текстов русского языка и содержательно соотносимых с ними китайских фразеологизмов, определении источников происхождения фразеологизмов духовно-религиозных текстов, уточнении положений и выводов о значимости духовно-религиозного источника пополнения фразеологического фонда обоих языков и становления национального мировоззрения двух наций, описании лингвокогнитивной специфики фразеологизмов во фразеосемантических полях. Описание фразеологии русского и китайского языков в религиозно-культурологическом аспекте даёт ценный материал для изучения как особенностей духовной культуры наций, так и специфики национальных менталитетов. С помощью лингвокультурологического подхода к изучению фразеологических единиц интерпретируются культурологические свойства тематических групп фразеологизмов, раскрывается взаимодействие русской и китайской лингвокультур.

Практическая ценность работы заключается в том, что её материалы, выводы и результаты могут использоваться при подготовке общих и специальных курсов, лекций и семинаров по фразеологии, когнитивной лингвистике, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, этносоциологии, а также курсов углублённого изучения языка в общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях, способствуя интеграции обучающихся в русскую и китайскую лингвокультурную среду. Словники фразеологизмов духовно-

религиозных текстов могут стать основой создания «Русско-китайского фразеологического словаря» и «Историко-этимологического словаря фразеологизмов религиозной тематики».

Системный характер исследования потребовал применения комплекса **методов и приёмов исследования:**

Описательный метод использовался при систематизации теоретических основ исследования, сборе и интерпретации конкретных языковых фактов и явлений.

Лингвокультурологический анализ применялся при выявлении и описании национально-культурных коннотаций, узуально сопровождающих значение в форме образных ассоциаций с эталонами, стереотипами и другими культурными знаками.

Сопоставительный метод был использован с целью выявления национально-культурного своеобразия одного языка относительно другого языка.

Статистический метод применялся для обнаружения количественной представленности исследуемых языковых единиц.

В диссертации также используется метод тематической классификации и систематизации языкового материала, метод сплошной выборки, этимологический анализ, дефиниционный анализ, компонентный анализ.

Степень достоверности результатов проведённого исследования подтверждается привлечением большого объёма научно-исследовательской литературы по теме диссертации, а также анализом значительного числа лексикографических источников.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы были представлены на X межвузовской конференции молодых исследователей «История – язык – литература – культура коренных народов» (Москва, РУДН, 24 мая 2022 г.), X научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, Томский государственный университет, 13-15 апреля 2023 г.), I Международном лингвокультурологическом

форуме «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» (Москва, РУДН, 19-21 октября 2023 г.), Международном педагогическом форуме Енисейской Сибири «Развитие региональных кластеров непрерывного образования педагогических кадров» (Красноярск, КГПУ, 16-17 ноября 2023 г.). Положения диссертации также обсуждались на аспирантском семинаре кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы и в публикациях автора по теме диссертации. Всего опубликовано 8 работ, изданных в авторитетных научных изданиях: Scopus (Q1) – 1 статья, ВАК – 4 статьи, РИНЦ – 3 статьи.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и десяти приложений. Общий объём работы – 242 страницы.

Глава I «Теоретические основы изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках» посвящена методологическим подходам к определению русской и китайской фразеологии, рассмотрению её понятий, особенностей и имеющихся классификаций, анализу происхождения и истории изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов, исследованию специфики картины мира, представленной во фразеологии духовно-религиозных текстов. В Главе II «Тематическая классификация фразеологизмов духовно-религиозных текстов» изучаются фразеологизмы трёх тематических групп: фразеологизмы с компонентом-зоонимом, с компонентом-фитонимом и компонентом-нумеративом. В Главе III «Лингвокультурный аспект изучения фразеологии духовно-религиозных текстов: язык, культура, картина мира» анализируются семантические и лингвокультурологические особенности фразеологизмов духовно-религиозных текстов, вербализующих три важнейших микрополя: «семейные отношения», «Бог», «богатство». Выявляются связи религиозной этики с материальной жизнью человека и с формированием мировоззренческих представлений двух народов. Подтверждаются роль и значение религий в человеческой жизни. В Заключении подводятся итоги диссертационного

исследования, излагаются его основные выводы и обобщающие результаты по вопросам, составляющим предмет исследования и имеющим как теоретическое, так и практическое значение. Библиография включает 277 наименований. В десяти приложениях содержатся таблицы исследованных фразеологических единиц русского и китайского языков, представлены классификации фразеологизмов по различным основаниям.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Понятие и классификация фразеологизмов в русистике и китаистике

1.1.1. Понятие и классификация фразеологии в русском и китайском языках

Фразеология является лингвистической дисциплиной, которая рассматривает устойчивые (идиоматические) словосочетания – фразеологизмы. Кроме того, фразеологией называется всё разнообразие фразеологизмов определённого языка. В отличие от свободных сочетаний слов фразеологизмы представляют собой устойчивые словосочетания со следующими дифференциальными признаками: воспроизводимостью (как готовые языковые единицы), целостностью по своему значению, постоянством в своём составе и структуре образований. Главным свойством фразеологического оборота является воспроизводимость, т.е. при употреблении такие словесные единицы прямо извлекаются из памяти целиком, а не образуются в процессе общения [Шанский, 1996, С. 32-33].

История изучения фразеологических единиц в русском языкознании, в первую очередь, тесно связана с именем академика В. В. Виноградова, создавшего наиболее распространённую классификацию фразеологизмов на основе учения Ш. Балли о типах устойчивых сочетаний слов. В. В. Виноградов считал, что по семантической слитности компонентов фразеологизмы делятся на 1) фразеологические сращения (тип устойчивых сочетаний абсолютно неделимых, немотивированных внутренней формой. Например, *Перемывать косточки; Так себе; Куда ни шло, то и дело; Собаку съел; Очертя голову; Бить баклуши*), 2) фразеологические единства (тип устойчивых сочетаний семантической производности, мотивированности, с прозрачной внутренней формой.

Например: *Из мухи делать слона; Закинуть удочку; Ноль внимания; Тянуть лямку; Зарыть талант в землю; Пальчики оближешь (оближете); Семь пятниц на неделе* и т.д) и 3) фразеологические сочетания (устойчивые обороты, в которых есть слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным. Например, *Расквасить (разбить) нос; Затронуть гордость; Щекотливый вопрос; Заклятый враг; Скалить зубы; Закадычный друг*) [Виноградов, 1977, С. 151]. Пословицы и поговорки в подходе В. В. Виноградов выведены за пределы фразеологизмов.

Академик Н. М. Шанский в своём труде «Фразеология современного русского языка» предложил более сложную классификацию фразеологических единиц русского языка по различным основаниям:

- 1) по значению фразеологического оборота (эквивалентные предложению и слову или словосочетанию),
- 2) по эквивалентности к той или иной части речи (семь групп),
- 3) по структуре,
- 4) по происхождению,
- 5) с точки зрения экспрессивно-стилистических свойств,
- 6) по первоначальной сфере употребления.

Классифицируя фразеологизмы по степени семантической слитности, Н. М. Шанский, на основе теории В. В. Виноградова, выделил четыре группы фразеологических оборотов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения. Фразеологическое выражение отличается от фразеологического сочетания тем, что в его составе нет слов с фразеологически связанным значением: *Волков бояться – в лес не ходить; Рыночная экономика; Оптом и в розницу*. Образующие их слова не могут иметь синонимов [Шанский, 1996, С. 24].

В современной российской лингвистической науке существует два подхода к пониманию фразеологии. Н. М. Шанский, представитель широкого понимания фразеологических единиц, полагал, что главные особенности фразеологизмов заключаются не в целостном значении, а в воспроизводимости и устойчивости

значений, структуры и состава. При узком понимании данный тип фразеологизмов носит характер целостности значения и десемантизации компонентов фразеологических единиц.

А. И. Молотков характеризовал фразеологическую единицу как единицу, состоящую «не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» [Глотова, 2019, С. 20]. Таким образом, к фразеологизмам относятся только группы фразеологизмов с целостным значением (сращения и единства). В современной российской лингвистической науке под фразеологизмами обычно понимаются устойчивые словосочетания следующих типов: идиомы, в том числе крылатые слова, афоризмы и библеизмы; коллокации; пословицы и поговорки, грамматические фразеологизмы, фразеосхемы [URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/FRAZEOLOGIYA.html].

Формирование теоретических основ китайской фразеологии имеет свою специфику. В эпоху династий Цинь – Хань (221 г. до н.э. – 220 г. н.э.) фразеология именовалась термином «Юй» (语, речения) или «Янь» (谚, пословицы), «Биюй» (鄙语, слова народной мудрости) или «Биянь» (鄙谚, пословицы или поговорки народной мудрости). Фразеологизм 唇亡齿寒 (Если губы погибнут, то и зубы замёрзнут. Обр. в знач.: быть неразрывно связанными, зависеть друг от друга, разделять одну и ту же участь) – в книге «Цзючжуань» сказано, что «谚所谓‘辅车相依, 唇亡齿寒’» (Существует один янь: взаимосвязанное отношение как губы и зубы), а в «Летописи Гуляна» данный фразеологизм переименован в Юй. В «Лицзы · Университет» приводится утверждение, что янь (пословица) – эквивалент су (поговорка) [Лю Юнхун, 2002, С. 5]. В современной лингвистике юй включает в себя чэньюй, яньюй, суюй, сехоуюй. Китайские лингвисты переводят термины «фразеологизм», «фразеология» как «чэньюй» или идиома (成语, chengyu). Во многих авторитетных словарях, в том числе в «Большом китайско-русском словаре» [Ма Юньжан, 1992, С. 699], составленном в Хэйлуунцзянском университете, и в «Китайско-русском словаре фразеологизмов» [Чжоу Цзишэн,

1984, С. 455], «фразеологизм» и «фразеология» переведены как «чэньюй» (成语, идиома) и «чэньюй сюэ» (成语学, chengyu хуе «наука, посвящённая изучению идиом»). В «Русско-китайском словаре», который был создан Чжан Цзяньхуа, «чэньюй» (成语, chengyu) – это идиома или фразеологизм, а «шуйюй» (熟语, shuyu) – это устойчивые словосочетания и фразеология [Чжан Цзяньхуа, 1998, С. 389]. В «Новый большой китайско-русский словарь», изданный филологами Хэйлунцзянского университета в 2019 году, также включён термин «шуйюй» (熟语, shuyu) как вариант перевода понятия фразеологизм [Чэн Шупу, 2019, С. 699]. В 50-ые годы прошлого века из русского языка было заимствовано понятие «фразеологизм» и предано термином «шуйюй», принятым большинством китайских исследователей. Как с точки зрения значения, так и с точки зрения стилистической окраски, термин «фразеологизм» более точно переводится как «шуйюй», соответственно, фразеология как «шуйюй сюэ» (熟语学). В последние годы свою позицию по переводу терминов «фразеологизм» и «фразеология» сформулировали некоторые китайские учёные, в том числе, Лю Юнхун, Ву Фань, Чжан Цзяньхуа и другие. «Китайский термин 熟语 (шуйюй) вообще имеет три значения: 1. ‘фразеология как намечающийся раздел китайского языкознания, – раздел, ориентированный на изучение устойчивых оборотов речи’; 2. как собирательный термин – 4 состав / фонд фразеологических единиц данного языка; 3. фразеологическая единица [в самом широком смысле]» [Ветров, 2007, С. 17]. К третьему значению относятся фразеологические словосочетания, фразеологические предложения, поговорки, паремии, поговорки и так далее.

В китайской лингвистической традиции под фразеологизмом понимают устойчивые единицы, обладающие лаконизмом, образностью, частотностью употребления. Это определение мы нашли в авторитетном словаре «Большой словарь китайского языка», в котором собраны более 50 млн. иероглифов [Ма Гофан, 1997, С. 18].

В настоящее время в китайской науке всё ещё существуют разногласия по вопросам объёма и классификации фразеологического фонда. Как и в русском

языкознании, некоторые китайские лингвисты применяют к фразеологии широкий подход, включая в неё различные разряды фразеологических единиц, в том числе, чэньюй, пословицы, поговорки, афоризмы, гуаньюньюй (привычные выражения), термины и т.д. В соответствии с принятым подходом в рамках китайского языкознания предполагается, что фразеологический фонд (в узком понимании) включает в себя лишь четырёхсложный «чэньюй». Представитель подобного подхода к определению границ фразеологии Лю Цзесю акцентировал внимание на двух характерных признаках, присущих фразеологической единице: устойчивости и воспроизводимости в речи. Также он полагал, что диалектные образования, элементы сленга, поговорки не должны относиться к фразеологии. В определённых случаях пословицу используют как чэньюй только после изменения или сокращения.

Теория Ма Гофана, внёсшего значительный вклад в изучение китайской фразеологии, занимает промежуточное положение. В 1978 году Ма Гофан опубликовал научное исследование «Фразеология», посвящённое данной проблеме, в котором описал основные типы китайских фразеологизмов [Чжан Юйэ, 2002, С. 127]. Лингвист считал, что фразеологизм – это «шуйюй» (熟语, shuyu), при этом шуйюй также обозначает обобщение всяких устойчивых выражений. Ма Гофан составил свой перечень типов китайских фразеологизмов: идиома – «чэньюй» (成语, chengyu), пословица – яньюй (谚语, yanyu), недоговорка или иносказание – сехоуёй (歇后语, xiehouyu), поговорка – суйюй (俗语, suyu), афоризм – гэянь (格言, geyan), привычные обороты или крылатые слова – гуаньюньюй (惯用语, guanyongyu).

Можно заметить, что «термин «шуйюй» постепенно обретает статус общепринятого собирательного названия различных фразеологизмов вообще, а термин «чэньюй» в основном используется в качестве названия одного из классов фразеологизмов в рамках наиболее общепринятой классификационной парадигмы» [Ветров, 2007, С. 15].

Мы, вслед за ведущими специалистами в области фразеологии, представляем некоторые типы фразеологизмов с примерами из русского и китайского языков (в следующих далее таблицах).

Хотя русские и китайские фразеологизмы отличаются графической формой и звучанием, но главные признаки единиц двух фразеологических систем оказываются сходными, например, частотность употребления, устойчивость, воспроизводимость и т.д.

Таблица №1. Типология русских фразеологизмов

Типология русских фразеологизмов				
Идиомы	Крылатые слова (библеизмы и др.)	Коллокации	Пословицы и поговорки	Грамматические фразеологизмы
Бить баклуши; Пить горькую; Вернёмся к нашим баранам; Горе луковое.	Адамовы веки (времена); Блудный сын; Волк в овечьей шкуре; Не хлебом единым жив человек.	Внести изменения; Идёт дождь; Высокая температура; Оказать влияние.	Рука руку моет, вор вора кроет; Коротка речь и ясна – оттого и прекрасна; Лучшее лекарство – всегда говорить правду.	Бабушка надвое сказала; След простыл; Как корова языком слизала.

Таблица №2. Типология китайских фразеологизмов

Китайские фразеологизмы					
Чэньюй (идиома)	Яньюй (пословица)	Сехоуюй (иносказание- недоговорка)	Суюй (поговорка)	Гэянь (афоризм)	Гуань юньюй (привычные обороты)
老马识途 <i>Букв.</i> Старый конь дорогу знает (Обр. в знач.: старый конь борозды не испортит, многоопытный человек); 一目十行 Пробегать глазами.	路遥知马力, 日久见人心 Преодолев длинное расстояние, ты познаёшь выносливость лошади, а через долгое время ты узнаёшь, что у человека в сердце; 机不可失, 时不再来 Не упускай возможность, лови момент, пока он не исчез.	耗子过街 – 人人喊打 <i>Букв.</i> Мышь перебегает через улицу, все кричат: «Бей её!» (Обр. в знач.: ополчиться всем миром); 猪八戒照镜子, 里外不象个人 <i>Букв.</i> Чжу Бацзе смотрится в зеркало – ни там ни сям (ни внутри ни снаружи) не похож на человека (Обр. в знач.: кругом виноват).	家有一老人, 如有一宝 Если есть старый человек в доме, значит в доме есть драгоценность; 天下没有免费的午餐 В мире не бывает бесплатных обедов; 天下没有不散的筵席 Ничто не вечно под луной.	美是美德和意志的体现 Доброта – это согласие воли с совестью; 活到老, 学到老 И живи, и учись до старости; 世界上三样东西失去了永远无法收回来–逝去的时间, 说出去的话和失去的机会。 Три вещи никогда не возвращаются обратно – время, слово, возможность.	赶鸭子上架 Требовать от человека невозможного, принуждать человека к чему-либо против его воли; 红包 Красный конверт; 打如意算盘 Строить радужные планы.

1.1.2. Русская и китайская фразеология и её отражение в различных источниках словесной культуры

Для понимания смысла фразеологизмов, их исторически сложившегося переносного значения необходимо знать происхождение фразеологизмов в русском языке. Их появление считается естественным процессом, создателями фразеологизмов являются представители разных социальных групп.

Академик Н. М. Шанский в своём труде «Фразеология современного русского языка» предложил более полную, по сравнению с разработанной академиком В. В. Виноградовым, классификацию фразеологических единиц русского языка по различным основаниям, в том числе, по происхождению. По его мнению, фразеологические единицы подразделяются на четыре пласта: исконно русские фразеологизмы, заимствованные фразеологизмы, фразеологические кальки и фразеологические полукальки. Отметим, что значительную часть фразеологической системы составляют исконно русские обороты, которые по времени появления в языке подразделяются на общеславянские, восточнославянские и собственно русские. Именно эти фразеологизмы формируют глубоко своеобразный национальный характер фразеологической системы русского языка. Заимствованными называют обороты, которые пришли в язык уже в готовом виде и используются без перевода. Среди заимствованных фразеологизмов значительная группа представлена старославянизмами, меньшая по количеству группа фразеологизмов заимствована из разных языков [Шанский, 1996, С. 24].

Известно, что фразеологизмы отражают историю и культуру народа, его обычаи и традиции, нравственные и духовные ценности. Особенности образования фразеологизмов также обусловлены характером лингвистического материала, на котором они создаются. При этом каждое последующее поколение вносит свой вклад в их усовершенствование.

Первую группу составляют фразеологизмы, вышедшие из народного творчества, в том числе, фольклора, например: *Авось да небось; Без царя в голове; В гостях хорошо, а дома лучше; Любовь не картошка* и т.д.

Вторая группа фразеологизмов – это фразеологизмы, пришедшие из произведений художественной литературы, где они употреблялись в определённом контексте, но, в силу своей популярности, были неоднократно использованы в русской речи в готовом виде. К фразеологизмам относятся и крылатые слова – меткие и яркие выражения писателей, учёных, общественных деятелей. Так, басни И. А. Крылова стали источником большого количества русских фразеологизмов, в том числе следующих: *А Васька слушает, да ест* («Кот и повар»); *Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела* («Стрекоза и Муравей»); *Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать* («Волк и ягнёнок»); *А ларчик просто открывался* («Ларчик»). Сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина являются источником таких фразеологизмов, как: *Держать камень за пазухой* («Дикий помещик»); *Моя изба с краю* («Вяленая вобла»); *Ступай за семь вёрст киселя хлебать* («Премудрый пескарь») и т. д. В классической литературе возник богатый запас фразеологизмов, например, *Счастливые часов не наблюдают* («Горе от ума»); *Лишние люди* («Дневник лишнего человека»); *Всем смертям назло* («Жди меня, и я вернусь»); *Любви все возрасты покорны* («Евгений Онегин») [URL: <https://kurl.ru/Consd>].

Третья группа фразеологизмов по своему происхождению восходит к Библии. Автор «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» профессор К. Н. Дубровина даёт следующее определение: «Библейские фразеологизмы – это выражения, восходящие по своему происхождению к Библии – Священному Писанию, состоящему из книг Ветхого и Нового Завета, которые написаны в разное время, в разных местах, разными авторами и с разными целями» [Дубровина, 2010, С. 4]. Словарь включает 540 словарных статей и, соответственно, 540 лексикографических единиц, например, *Адамово яблоко; Алчущие и жаждущие; От альфы до омеги; Вавилонская башня; Блудный сын; В костюме Евы* и т.д. «Потенциал библейских сюжетов, символика библейских образов,

метафоричность многочисленных изречений, афоризмов, крылатых слов из Священного Писания неисчерпаемы как источник творческого вдохновения многих выдающихся личностей – художников слова, мастеров изобразительного и других видов искусства» («Возвращение блудного сына» Рембрандта, «Явление Христа народу» А. А. Иванова) [Дубровина, 2010, С. 7].

Нередко происхождение фразеологизмов связано с историческими событиями, например, выражение *Мамаево побоище* связано со сражением между общерусским войском во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем и войсками темника Мамая и его марионеточного хана Тюляка. В современном русском языке фразеологизм *Мамаево побоище* имеет значение «крупная ссора, беспорядок, полный разгром» [URL: <https://kurl.ru/AqiJC>].

Источником русской фразеологии может являться разговорная речь представителей различных профессий, ремесленников: *Попасть на крючок* (рыбаки); *На одну колодку* (сапожники); *В час по чайной ложке* (медики). Некоторые фразеологизмы заимствованы из иностранных произведений художественной литературы, мифов, сказаний: *Разбить наголову* («победить») (немец. яз.); *Потерянное поколение* (неуспешное, нравственно надломленное) (франц. яз.).

В китайской лингвистической традиции исследователь китайской фразеологии Ма Гофан разделил китайские фразеологизмы на типы: идиома – чэньюй, пословица – яньюй, недоговорка или иносказание – сехоуэй, поговорка – суюй, афоризм – гэянь, привычные обороты или крылатые слова – гуаньюньюй.

В типах русских и китайских фразеологизмов много общего. Отметим наиболее характерный признак. В русской и китайской фразеологии особое место занимают крылатые слова, источником возникновения которых является общеизвестное произведение литературы, исторические события, фольклор, религия. В каждой этнокультуре общеизвестную и значимую роль играют различные тексты. Например, в русской языковой картине мира важное место занимает Библия и иные литературные произведения, которые пополнили запас

русской фразеологии. Эти крылатые выражения отражают особенности картины мира народа, его характера. В китайском языке источником многих фразеологизмов является народная и классическая литература, подобно тому, как в русском языке – философские трактаты и притчи, исторические хроники, художественная литература, легенды и мифы, крылатые слова и выражения, заимствованные из других языков.

«Одним из самых ценных ресурсов в китайской культуре является фольклорное творчество, включающее сказки, мифы, предания. Народное творчество создавалось и существовало на протяжении долгого времени исключительно в устной форме, однако большинство китайских фразеологизмов берут своё начало именно из него. Такой тип идиом тесно связан со своей предысторией, поэтому если человек не знаком с историей возникновения фразеологизма, то понять его смысл, исходя только из буквального значения составляющих его иероглифов, представляется затруднительным» [Шоева, 2020, С. 259]. Например, *鸡鸣狗盗* (Петух поёт, а собака крадёт. Обр. в знач.: ловкий трюк, тонкое мошенничество); *愚公移山* (Юй Гун передвинул горы. Обр. в знач.: преодолеть все препятствия) и другие.

Вторым источником китайских фразеологизмов могут служить исторические факты и исторические рассказы из таких книг, как «*战国策*» («Документы эпохи воюющих царств»), «*左传*» («Летопись Цзо Цюмина»), «*三国志*» («Анналы Троецарствия») и др. Стоит отметить, что в Китае «*史记*» («Исторические записки») занимает первое место среди множества других исторических источников. Это историческая книга, написанная Сыма Цянем, историографом империи Хань. В китайской культуре эта книга играет роль, примерно сопоставимую с ролью, которую сыграла «История» Геродота для западного мира. Созданные между 109 и 91 гг. до н. э., Ши-цзи охватывают период от мифического Жёлтого Императора до империи Западная Хань включительно. Памятник содержит 130 глав (пяней) и состоит из 526 500 иероглифов. Наиболее известны следующие фразеологизмы: *坐山观虎斗* (Сидеть на горе и наблюдать, как

дерутся тигры. Обр. в знач.: занимать позицию третьего радующегося); *左提右挈* (Поддерживать слева и вести за правую руку. Обр. в знач.: заботливо опекать); *一鸣惊人* (Первым же возгласом ошеломить. Обр. в знач.: а) сразу приобрести славу; б) выплатить вдруг что-л. ошеломляющее).

Третьем крупнейшим источником фразеологизмов китайского языка являются литературные произведения, например, четыре классических китайских романа: «Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад» и «Сон в красном тереме». Со временем некоторые выражения, содержащиеся в этих произведениях, стали идиомами. Например, *无精打采* (Не в духе, удручённый, мрачный) берёт своё начало из романа «Сон в красном тереме» из «*小红待要过去; ...无精打采; 自向房内躺着。*» (Сяохун не осмелилась пройти мимо него ... В расстроенных чувствах отправилась она в свою комнату и легла на кровать) [URL: https://librebook.me/son_v_krasnom_tereme/vol3/25]. Также источником многих идиом стал роман «Ручей персиковых цветов» поэта Тао Юаньмина: *世外桃源* (Персиковый источник вне пределов людского мира. Обр. в знач.: страна блаженства).

Четвёртым источником фразеологизмов стали философские трактаты, такие как книги «Лунь Юй» («Беседы и суждения», или «Аналекты Конфуция»), «Весна и Осень», «Книга Песен», «Книга Перемен» Конфуция; книга «Дао-дэ цзин» (т.е. Книга о пути и благодати) Лао-цзы; буддийские книги «Алмазная Сутра», «Буддийский канон» и т.д. Эти тексты стали не только основой формирования китайской культуры, но и источником национальной идиоматики. Например, *送佛送到西* (Уж если провожаешь Будду, так провожай до самого западного неба. Обр. в знач.: если взялся помогать, так помогай до конца); *无事不登三宝殿* (Без дела в храм не ходят); *察言观色* (Прислушиваться к речам и вглядываться в выражение лица, чтобы угадывать отношение, настроение, желания человека).

Хотя происхождение русских и китайских фразеологизмов имеет свои особенности, но очевидно, что основные источники двух фразеологических систем

оказываются сходными – это религиозные тексты, философские трактаты, исторические хроники, художественная литература и т.д.

1.2. Фразеологизмы духовно-религиозных текстов как объект исследования

1.2.1. Духовно-религиозные тексты

В настоящее время изучение духовно-религиозной лексики в русской и китайской лингвистической и культурной средах стало заметно актуальнее. Следует отметить, что исследователи используют различные, но синонимичные по содержанию наименования, определяющие фразеологизмы духовно-религиозных текстов: «фразеологизмы духовно-религиозных текстов», «фразеологические сочетания религиозного происхождения», «фразеологизмы с религиозным кодом культуры», «религиозная составляющая» и т.д.

Фразеологизмы духовно-религиозных текстов буквально понимаются как фразеологизмы, взятые из духовно-религиозных текстов.

Исторически слова *религиозный* и *духовный* использовались как синонимы для описания всех аспектов религии, но в современном употреблении *духовность* часто стала ассоциироваться с внутренней жизнью человека, в то время как *религия* относится к организационным или общинным измерениям.

Теоретический анализ осмысления терминов «духовность» и «религиозность», а также их соотношения показал недостаточную разработанность и неоднозначность понимания данных терминов как в зарубежной, так и в российской науке. Например, по Р. Эммонсу, духовность и религиозность входят в область жизни, относящейся к конечному назначению и смыслу жизни, набору принципов и этических установок, к служению Богу или высшей силе, признанию трансцендентного в повседневном опыте, самозабвенной сосредоточенности и набору верований и практик, созданных для установления отношений с трансцендентным [Эммонс, 2004, С. 45]. По Т. Легере, духовность – это опыт, а

религия – это концептуализация опыта [Legere, 1984, С. 75]. У. Джеймс разделяет внешнюю, обрядовую религию и личную, внутреннюю, имеющую опыт совести, одиночества, долга, несовершенства человека, позволяющую выйти на встречу с Богом [James, 1902, С. 121]. Анализируя психологические представления о духовности и религиозности, Р. В. Агузумцян заключает, что религия может выступать более широким понятием по отношению к духовности и включать её в себя [Агузумцян, 2012, С. 76]. В то же время, если рассматривать духовность как опыт внутренних, личных переживаний, как поиск сакрального, то можно предположить, что с религиозными переживаниями человек может испытывать и эстетические, познавательные, нравственные переживания, способные вывести его из эмпирического в трансцендентный мир. С такой точки зрения духовность предстает более широким, по отношению к религиозным переживаниям, понятием, и включает его наряду с другими переживаниями [Агузумцян, 2012, С. 74-80].

В русской психологии фундаментальными вопросами духовности занимаются такие исследователи, как Б. С. Братусь, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, В. А. Пономаренко. Следует отметить, что на данный момент ещё не оформлено единого толкования и понимания феномена духовности. По мнению Степановой, «...духовность отличается от религиозности тем, что источником последней является внешний мир в виде предписаний и традиций, тогда как источником духовности является внутренний опыт человека...» [Степанова, 2011, С. 128].

Христианские богословы и учителя мудрости иных религий, например буддизма, зачастую отождествляют духовность с религией. Многие философы полагали, что именно из религии происходят все духовные проявления человеческой личности.

В статье Н. С. Пичко «Духовность и религия: культурологический аспект» проанализировано соотношение категорий «духовность и религия» в культурологическом аспекте. По мнению автора, сам термин «духовность» в христианском богословии часто использовался в очень узком смысле. Так, например, говорилось о «духовности» как особом «свойстве» души. Под

«духовностью» подразумевалось не что иное, как «неосвязаемость», «нематериальность», «невещественность», «безвидность» души».

Несмотря на преобладание этой узкой трактовки, в ряде богословских сочинений духовность трактуется более широко, рассматриваясь в контексте учения о человеке как «образе и подобию» Божию: «Духовность, то есть преобладание духа, может и должна быть господствующим состоянием человека, потому что духовность – норма человеческой жизни и только тогда он стоит на уровне с человеческим достоинством» [Пичко, 2011, С. 111].

Признавая, что духовность может быть направлена и к добру и к злу, иметь множество видов и форм, Н. С. Пичко, по формально-логическим основаниям, выделила несколько возможных вариантов соотношения духовности и религии, утверждая, что духовность не отождествляется с религией, но включает религию (религии) в качестве своего важного компонента. Отдавая должное многообразию религиозной духовности, следует отметить, что духовность даёт разным религиозным системам нравственные оценки, различая направленность человеческого духа на добро или зло. В этом плане мы согласны с точкой зрения Н. С. Пичко и включаем в наше исследование конфуцианские каноны в качестве китайских духовно-религиозных текстов.

В русской православной духовной культуре на протяжении веков сосуществовали христианство как «дневная» вера и язычество как «ночная» духовная жизнь. Причём, как отмечал протоиерей Г. Флоровский, эта «ночная» жизнь «протекает под спудом и не часто прорывается на историческую поверхность. Но всегда чувствуется под нею, как кипящая и бурная лава» [Пичко, 2011, С. 111]. Таким образом, мы включили в сферу нашего исследования некоторые фразеологизмы языческого происхождения.

В «Словаре русского языка» (1985 г., том1) представлены следующие дефиниции слова *духовный*: 1. Связанный с внутренним, нравственным миром человека. 2. Связанный с религией, с церковью, относящийся к ним; *противоп.* Светский. 3. В знач. сущ. духовная [Евгеньева, 1985, С. 455].

Таким образом, в нашем исследовании термин «духовно-религиозный» мы будем понимать как нечто, связанное с внешней, обрядовой религией и внутренним, нравственным опытом человека.

Ю. Г. Матушанская считает, что «религиозным текстом в широком смысле слова можно назвать всё, что кодифицируется символически» [Матушанская, 2012, С. 135]. Кроме того, она утверждает, что «...сакрализованный текст принимает на себя функцию хранения и высказывания абсолютной истины. Система существующих символических обозначений сохраняется и передаётся в процессе социализации, в большинстве случаев, через систему мифологических представлений» [Матушанская, 2012, С. 135]. Древнейшие сакральные тексты возникли на ранней стадии первобытной культуры в виде заклинаний и мифов. Позднее появляются молитвы, гимны, песнопения богам [Гриненко, 2006, С. 126-127].

В диссертации А. И. Кузнецовой «Бытование религиозного текста в русской православной традиции второй половины XX – начала XXI вв.» под религиозным текстом понимаются «тексты трёх уровней. Первый – это Священное Писание Ветхого и Нового Заветов (Библия). Второй – церковная гимнография, богослужебные чинопоследования и святоотеческие творения (Священное Предание), синодики и помянники, поминальные записки, – то есть те тексты, которые могут быть напрямую включены в богослужение. Третий уровень – тексты, созданные в народе в рамках православной традиции, имеющие коммуникативную направленность к Богу, Богородице, ангелам и святым или содержащие выражение определённого религиозного опыта в рамках православной церковной традиции (духовные стихи, народные молитвы и гимнография, различные агиографические тексты, рассказы о чудесах)» [Кузнецова, 2006, С. 10].

Под религиозными текстами В. Ю. Балабушевич понимает феномены культуры, имеющие текстовую природу и обладающие определённым статусом, который обусловлен выполняемыми текстом функциями [Балабушевич, 1997, С. 7].

Понятие «религиозный текст» шире понятий «сакральный текст» или «духовный текст», хотя, подобно им, он характеризуется такими чертами, как полисемантичесность, притчевый характер повествования, внутренняя полнота и непротиворечивость, основанные на христианской этике и гносеологии и т.д.

В основе русской картины мира лежит одно из направлений христианского вероучения – православие, отражённое в Священном Писании – Библии. Очевидно, что определение религиозного текста, предложенное А. И. Кузнецовой, в основном связано с православием.

Наше исследование посвящено анализу фразеологизмов русского и китайского языков, что требует обоснования категории духовно-религиозных текстов русского и китайского языков. Основу духовной жизни и картины мира китайского этноса определяют три философско-религиозных учения: конфуцианство, даосизм и буддизм. С целью адекватного представления и интерпретации фразеологического материала двух языков мы, принимая за основу определение религиозного текста А. И. Кузнецовой, понимаем духовно-религиозный текст как текст, имеющий центральное значение для религиозных традиций различных религий. Такие тексты часто содержат обсуждение верований, ритуальных практик, моральных заповедей и законов, этического поведения, духовных устремлений и наставлений для укрепления религиозной общины [Соловьёва, 2021, С. 412]. В рамках каждой религии эти тексты почитаются как авторитетные источники руководства, мудрости и божественного откровения. Они считаются священными, репрезентирующими основные учения и принципы, разделяемые их последователями.

В некоторых религиях (например, христианстве) канонические тексты включают определённый текст (Библию). В других (индуизме, буддизме) «никогда не было окончательного канона» [Юджин Найда, 1994, С. 194-195]. Хотя термин «Священное Писание» происходит от латинского *scriptura*, что означает «письменность», большинство Священных Писаний основных религий мира

изначально были частью их устной традиции и передавались путём запоминания из поколения в поколение, пока, наконец, не были записаны.

На портале Википедии под заглавием «Список религиозных текстов» приведён неполный список ссылок на конкретные религиозные тексты. Указано, что главный текст в христианстве – это Библия.

В рубрике «Религии Восточной Азии» перечислены конфуцианство и даосизм; в конфуцианство включены следующие духовно-религиозные тексты: Тринадцать классических текстов («И цзин», «Шу цзин», «Ши цзин», «Чжоу ли», «И ли», «Ли цзи», «Цзо чжуань», «Гуньян чжуань», «Гулянь чжуань», «Лунь юй», «Сяо цзин», «Эрья», «Мэнцзы»). К основным духовно-религиозным текстам даосизма принадлежат «Дао Дэ Цзин», «Чжуанцзы», «Лизи», «Цинцзин Цзин», «Тайпин Цзин», «Саньхуанцзин», «Хуанди Иньфуцзин», «Сишэнцзин», «Хуахуцзин», «Баопузи», «Сяньэр», «Зуованглун», «Юньци Цицянью», «Учжэнь пянь» и др. В рубрике о буддизме выделена часть, посвящённая китайским буддийским сутрам Махаяны, в том числе, «Алмазная сутра», «Сутра сердца», «Великая мантра сострадания», «Буддизм чистой Земли», «Сутра лотоса» и др. [Ссылка: [List of religious texts - Wikipedia \(turbopages.org\)](https://turbopages.org/wiki/List_of_religious_texts). Дата обращения: 10.12.2024].

1.2.2. Источники фразеологизмов духовно-религиозных текстов

Особенности характера того или иного народа, его картины мира можно проследить на примере фразеологических выражений духовно-религиозных текстов. Так, в русской языковой картине мира важным источником пополнения запаса фразеологических единиц являются фразеологизмы духовно-религиозных текстов.

Основным материалом нашего исследования являются фразеологизмы христианского происхождения. Также рассмотрены некоторые фразеологизмы языческого происхождения. Фразеологизмы духовно-религиозных текстов

получены из следующих источников: «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной (Дубровина, 2010), «Словарь русской фразеологии, историко-этимологический справочник» (Бирих, Мокиенко, 1998). Фрагменты иллюстративных текстов, включающих фразеологизмы библейского происхождения, взяты из Синодального перевода Библии (Библия, 2006).

В современном русском языке известно более двухсот выражений библейского происхождения. Автор «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровина считает библеизмами только фразеологизмы, источником которых является Библия. Это дословные цитаты из Библии и выражения, появившиеся в результате переосмысления библейских фраз.

Фразеологизмы библейского происхождения учёные условно делят на три группы:

1) Фразеологизмы, заимствованные из старославянского варианта Нового Завета: *Алчущие и жаждущие (правды); Плоть и кровь; Власть предержащие; Во главу угла; Глас вопиющего в пустыне; Камень преткновения; Хлеб насущный.*

2) Фразеологизмы из русского текста Библии: *Бросить камень; Взывший меч мечом и погибнет; Кесарево кесарю; Какою мерою мерите, такою же отмерится и вам; Кто не со Мною, тот против Меня; Не судите, да не судимы будете; Соль земли.* Книги Священного Писания были переведены на русский язык в XIX веке при митрополите Филарете (Дроздове). Некоторые из фразеологических оборотов данной группы вытеснили известные ранее церковнославянские обороты.

3) Фразеологические обороты, возникшие в русском языке на основе новозаветных образов и ситуаций путём их переосмысления: *Блудный сын; Бревно в глазу; Внести (свою) лепту; Волк в овечьей шкуре; Избиение младенцев; Нести (свой) крест; Нет пророка в своём отечестве; Строить на песке; Иудин поцелуй; Тайное становится явным; Зарыть (свой) талант (в землю).*

Следует отметить, что фразеологизмы христианского происхождения включают в себя не только библеизмы (библейские фразеологизмы, восходящие по своему происхождению к Библии), но и фразеологические обороты, связанные с

церковными реалиями, традициями и ритуалами (например, *Адвокат Божий; Адвокат дьявола; Петь (читать) акафист; Предавать/предать анафеме кого-что*), христианскими праздниками (например, *До морковкина заговенья; Наготовить, как на маланьину свадьбу*), использовании в православном богослужении церковнославянского языка (например, *Ни аза в глаза [не знать (видеть, смыслить)]*) и т.д.

В древней Руси, до Крещения Руси в 988 году, было официально признано язычество. Славяне ассоциировали природные явления с богами, обладающими волшебными силами. Многобожие оказало значительное влияние на культуру, быт славян, их картину мира. Уважение к богам закрепились во фразеологических единицах с компонентом *Бог*, например, *Бог Яровит (Бог весны); Бог войны; Бог плодородия и вина; Бог славян (Перун); Взывать к богам и богиням; Лесной бог; Огневейный бог; Олимпийский бог* и т.д.

Очевидно, что фразеологизмы, которыми мы пользуемся, передаются из поколения в поколение. Это сгусток истории и культуры народа. Далее мы рассмотрим происхождение фразеологизмов духовно-религиозных текстов в китайском языке.

Китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов получены из ряда книг и словарей: «Буддийская фразеология» (Чжу Жуйвэнь, 2006); «Интерпретация фразеологии в «Лунь Юй»» (Сюй Япинь, 2021); «Фразеология в «Чжоуи»» (Дун Чжэннань, 2017); «Большой этимологический словарь китайской фразеологии» (Чжу Жуйвэнь, 2010). В этих словарях представлены источники происхождения фразеологизмов и фрагменты иллюстративных текстов, включающих рассматриваемые фразеологизмы. Поэтому китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов в основном взяты из таких древних китайских духовно-религиозных произведений, как:

Конфуцианские каноны:

В Китае одним из древнейших мыслителей и педагогов считается Конфуций (551 года до н. э. – 479 год до н. э.). Его учение оказывало глубокое и всестороннее

влияние на развитие духовной культуры, политической жизни и общественного строя Китая на протяжении более чем двух тысяч лет. Благодаря Конфуцию была сформирована своеобразная национальная картина мира.

Конфуцианский канон складывался постепенно, он состоит из двух групп текстов: «Четверокнижие» и «Пятикнижие». В «Четверокнижие» входят такие каноны как «Лунь Юй» («Беседы и суждения», 论语), «Да-сюэ» («Великое учение», 大学), «Чжун-юнь» («Гармония срединности», 中庸) и «Мэнцзы» (孟子); к «Пятикнижию» относятся «Книга песен» («Ши-цзин», 诗经), «Книга документов» («Шан Шу», 尚书), «Книга Перемен» («И-цзин», 易经), «Книга ритуалов» («Ли-цзи», 礼记) и летопись «Вёсен и осеней» («Чуньцю», 春秋).

В современном Китае нет никого от младенца до глубокого старца, кто бы не знал и не использовал фразеологизмы из книги «Лунь Юй» – 论语 («Беседы и суждения»). Книга «Лунь Юй» является известным сборником высказываний и бесед учителя, отличающихся простотой и глубоким смыслом. На протяжении тысячелетней истории Китая книга «Лунь Юй», состоящая из двадцати глав и более пятнадцати тысяч слов, дала жизнь трёмстам фразеологизмам. Например, *温故知新* (Повторяя старое, постигнешь новое); *众星捧月* (Как звёзды вокруг луны. Обр. в знач.: «быть центром всеобщего внимания публики»); *后生可畏* (Молодёжь заслуживает уважения (по словам Конфуция: нельзя знать, не станет ли молодой человек столь же достойным, как мы теперь?)) и т.д. На каждые пятьдесят слов книги существует фразеологизм [Сюй Чжуншу, 2011, С. 204]. С этой точки зрения, книгу «Лунь Юй» можно признать фактически самой богатой фразеологической сокровищницей китайской культуры.

Вторым крупнейшим источником китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов является книга «Чжоу И» (zhouyi 周易), или «Книга Перемен», включающая приблизительно тысячу фразеологических единиц. Эта книга, посвящённая гаданию и способам самосовершенствования, – шедевр и даосизма и конфуцианства. В значительной её части описаны заболевания

человеческого тела. Конфуций дал высокую оценку этой книге: «Если бы мне удалось продлить жизнь, то я отдал бы пятьдесят лет на изучение Перемен, и тогда бы смог не совершать ошибок (Беседы и суждения 7, 16)» [Чжан Шичжи, 2021, С. 68]. Например: 否极泰来 (Когда гексаграмма «Пи» (упадок) доходит до своего предела, приходит гексаграмма «Тай» (Процветание). Обр. в знач.: за горем следует радость); 谦谦君子 (Скромный и уступчивый человек). В истории китайской культуры на первом месте среди множества канонов стоит «Книга перемен», за тысячелетия в этой книге были собраны всесторонние и содержательные ответы как на вопросы управления государством, так и на проблемы семейной жизни. Например, 自强不息 («Нужно неуклонно стремиться вперёд, постоянно самосовершенствоваться»); 防微杜渐 («Предупреждать даже малое и пресекать незаметное; действовать осмотрительно, быть осторожным и предусмотрительным»). Подобные фразеологизмы отражают особенности китайского менталитета, оказывают глубокое влияние на потомков.

Книга «Сяоцзин» (孝经) является классическим конфуцианским трактатом, дающим советы по сыновнему благочестию – правилам поведения по отношению к старшим, таким как отец, старший брат или правитель. Фразеологизмы конфуцианского происхождения также взяты из произведений конфуцианских мыслителей Чжоу Дуньи, Шао Юн, Чжу Си.

Буддийские каноны:

Китайский буддийский канон содержит множество текстов, которые были составлены из Индийского субконтинента и за его пределами, включая многочисленные тексты, составленные в Китае, такие как философские трактаты, комментарии, истории, филологические работы, каталоги, биографии, географии, путевые заметки, генеалогии известных монахов, энциклопедии и словари. Фразеологизмы буддийского происхождения в основном из таких книг, как: «Лотосовая сутра» (Фахуа цзин, «法华经»), «Сурангама сутра» (Лэн-янь цзин, «楞严经», переведена на китайский язык в 705 г.), «Вималакирти нирдеша сутра»

(Вэймоцзе цзин, «维摩诘经»), «Алмазная сутра» (Цзиньган цзин, «金刚经»), «Сутра совершенного просветления» (Юаньцзюе цзин, «圆觉经»), «Вудэнхуйюань» («五灯会元»), «Запись Цзиндэ о передаче лампы» (Цзиндэ Чуаньдэнлу, «景德传灯录»), «Собрание жемчужин из сада Учения [Будды]» (Фа юань чжу линь, «法苑珠林», 659г.), «Собрания из зала патриархов» (Цзу тан цзи, «祖堂集», 952г.) и др.

Учёный Чжу Жуйвэнь в работе «Буддийская фразеология» изучал фразеологизмы буддийского происхождения. Согласно его подсчётам, в базе китайских фразеологизмов имеется свыше 500 фразеологизмов буддийского происхождения [Чжу Жуйвэнь, 2006, С. 10]. Некоторые фразеологизмы связаны с буддийскими учениями, например: 三灾八难 (Три беды и восемь несчастий. Обр.: о многих несчастьях, например, о болезненности в детском возрасте); 生老病死 (Страдания человеческой жизни: рождение, старость, болезни, смерть), через которые буддизм интерпретирует значение жизни и космоса. Некоторые выражения были образованы в связи с практиками настоятелей буддийского монастыря, например, 老僧入定 (Старый монах погрузился в созерцание); 面壁功深 (Сидеть в медитации лицом к стене. Обр.: «мастерство в какой-л. области»). Многие фразеологизмы происходят из книги «Алмазная Сутра», более известной в Китае, например, 梦幻泡影 (Сон, иллюзия, пузырь на воде и тень. Обр.: об иллюзорности суетного мира); 皆大欢喜 (Все довольны и рады); а также из древнейшего китайского буддийского произведения «Омрачение Моуцзы», например, 对牛弹琴 (Играть на цитре перед быком. Обр. в знач.: «метать бисер перед свиньями»); 少见多怪 (Кто мало видел, тот много удивляется. Обр.: о невежестве, неопытности). Таким образом, буддийский канон занимает главное место среди множества других исторических источников.

Даосские каноны:

«Дао дэ цзин» («Трактат о пути и благой силе дэ», 道德经), «Чжуан-цзы» (庄子), «Ле-цзы» (列子), «Баопу-цзы» (кит. 抱朴子).

Вместе с тем влияние даосизма на формирование устойчивых языковых форм не ограничивается практикой прямого цитирования. Основные положения были переосмыслены народом и прочно вошли в идиоматический фонд китайского языка. Свидетельством этому являются многочисленные фразеологизмы, в которых получили раскрытие базовые категории даосизма – Дао и Дэ, например: *虚怀若谷* (1) Открытый, восприимчивый, готовый выслушать другого человека и при необходимости принять его точку зрения и измениться, не ограниченный в своих взглядах какими-то консервативными воззрениями или канонами; 2) Очень скромный); *道法自然* (Дао следует естественности).

1.2.3. История изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов

«Для тех, кто интересуется историей, культурой своего народа, фразеология – одна из самых увлекательных и занимательных сфер языка», – утверждал академик Н. М. Шанский [Шанский, 2012, С. 5]. Религия занимает значительное место в мировоззрении и миропонимании этноса, является важнейшей составляющей жизни народов, без учёта религиозных особенностей сложно представить становление и развитие национальной картины мира и культурных ценностей, закодированных, в том числе, и во фразеологии. Известно, что Россия является одной из наиболее многонациональных стран мира, в ней сосуществуют разные религии – не только три мировые, такие как христианство, ислам и буддизм, но и иудаизм, язычество и т.д. Собранный и проанализированный фразеологический массив демонстрирует преобладающее количество фразеологических единиц христианского происхождения, что обусловлено принятием на Руси христианства как государственной религии в конце X века и ролью Русской Православной Церкви в жизни российского общества.

Анализ библиографического материала по теме исследования показал, что духовно-религиозные тексты в названиях работ в большей степени указывают на христианство, и, соответственно, под исследуемой фразеологией духовно-религиозных текстов в основном подразумевают библеизмы. Поэтому история изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском языке фактически отождествляется с историей изучения библеизмов.

Во второй половине IX века «славянский перевод Библии впервые был предпринят братьями просветителями Кириллом и Мефодием, и во 2-ой половине XIX в. был распространён синодальный перевод. Можно сказать, что наиболее активный период проникновения библейских фразеологических оборотов в русский язык составил примерно три века (с XVI по XIX в.)» [Дубровина, 2010, С. 5]. До 1917 года «в православно-христианской России изучение Закона Божьего было обязательным во всех русскоязычных учебных заведениях. Поэтому не только высокообразованные, но и просто грамотные люди (например, учившиеся в сельских приходских школах) хорошо знали многие библейские притчи, изречения, афоризмы. А русская интеллигенция была буквально «пропитана» библеизмами, широкое распространение которых в русском языке может быть подтверждено многочисленными примерами из художественных, публицистических и эпистолярных произведений» [Дубровина, 2010, С. 7]. Затем в советское время библейские фразеологизмы переместились в группу устаревших. Перестройка в СССР, снятие запретов и ограничений в 90-е годы возродили большой интерес к Библии и привели к большей частоте употребления библейской фразеологии.

Начиная с конца 80-х - начала 90-х годов XX века в русской лингвистике появляется больше работ, посвящённых фразеологическим библеизмам как в русском языке (Гвоздарёв, 1994; Мокиенко, 1995; Верещагин, 1993; Ашукин, 1996; Оноприенко, 1997), так и в некоторых других языках (в английском: Мягкова, 1987; Хостай, 1997).

Библеизмам посвящены исследовательские работы в русской лингвистической и в целом, в гуманитарной сфере, в том числе, разнообразные словари и справочники, статьи, анализирующие этот феномен с различных точек зрения. Опубликовано немало известных лексикографических трудов, направленных на систематизацию библеизмов, в том числе: Н. Г. Николаюк. Библейское слово в нашей речи. Словарь-справочник, 1998; Л. М. Грановская. Словарь имён и крылатых выражений из Библии. Около 400 имён. Более 300 крылатых выражений, 2003; М. А. Загот. Ищите и найдёте, или Англорусский словарь библеизмов для всех и каждого, 2004; Библейская мудрость. Афоризмы и цитаты / Авт.сост. Л. А. Раков, 2004; Л. Г. Кочедыков. Краткий словарь библейских фразеологизмов, 2006; В. М. Мокиенко. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений, 2007; Г. А. Лилич. Толковый словарь библейских выражений и слов: около 2000 единиц, 2010; Д. Балакова. Лепта библейской мудрости: краткий русско-словацко-немецкий словарь библейских крылатых слов, 2012. и др. «В них библейские обороты разбросаны по разным изданиям, построенным по весьма отличным друг от друга принципам» [Дубровина, 2010, С. 8], и, следовательно, в этих словарях содержится весьма разнородная информация. Словарь К. Н. Дубровиной является основным источником фразеологического материала нашего исследования.

«Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» содержит как собственно фразеологизмы, так и пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые изречения, перифразы и другие фразеологизированные выражения библейского происхождения. К. Н. Дубровина в своей работе предлагает толкования распространённых значений библейских фразеологизмов, примеры их употребления в художественных, научных, публицистических, мемуарных, эпистолярных произведениях XVIII-XXI вв. и в современных СМИ. В словаре также приводятся историко-этимологические и лингвокультурологические комментарии с соответствующими цитатами из Библии и ссылками на библейские тексты. Данный словарь предназначен для профессиональных языковедов и

гуманитариев – филологов, писателей, редакторов, книгоиздателей, историков, журналистов, переводчиков, а также для самого широкого круга читателей, интересующихся русским языком. В словаре более 540 словарных статей и, соответственно, лексикографических единиц.

К настоящему времени в российской лингвистике, литературоведении, культурологии, философии имеется значительное количество научных работ по изучению библеизмов. Например, О. К. Мжельская в работе «Актуальные проблемы перевода библеизмов» отмечает, что, хотя в последние годы большой пласт устойчивых выражений библейского происхождения возвращается в русский язык, культура передачи смыслового значения библейских фразеологизмов при переводе и также при обучении иностранному языку была утеряна. Данная статья акцентирует внимание на переводе фразеологизмов библейского происхождения с компонентом-именем собственным. Мы вполне согласны с выводами автора, в которых отмечены некоторые трудности изучения данного феномена и способы их решения при переводе библеизмов, что также соответствует актуальным проблемам перевода с русского языка на китайский и наоборот. Разница в фоновых знаниях, присущих конкретному языку, ведёт к образованию различных экспрессивных значений имени в национальных языках. Например, *Фома и Thomas*: имя *Thomas* вне фразеологизма *doubting Thomas* имеет нейтральную окраску, а имя *Фома* сопровождается коннотациями упрямого, недоверчивого человека. Тем не менее, библеизмы редко имеют нейтральную стилистическую окраску – зачастую библеизм усложняет контекст, так как придаёт ему ироническую, юмористическую или другую окраску. Поэтому качественный перевод – важная задача переводчика. Кроме того, проблемы создают безэквивалентные библеизмы, отсутствующие в современном китайском или другом языке. Автор предлагает несколько вариантов решения данной проблемы: перевод – объяснение / толкование, описательный перевод, фразеологизмы, устойчивое сочетание или слово русского языка, имеющие близкое значение [Мжельская, 2007, С. 151-152].

По этой же проблеме высказал своё мнение М. В. Есаян в работе «Перевод библеизмов в буквальном и образном значениях». По мнению автора, разница мировоззрений, образа жизни библейского мира и современного общества во многих отношениях является основным камнем преткновения в передаче смыслового значения библеизмов. Зачастую некоторые фразеологические выражения нуждаются в уточнении их этимологии. Но оттого, что языки находятся в процессе изменения, традиционный подход к этимологии библеизмов вряд ли допустим. Анализируя типичные примеры при переводе библеизмов в буквальном и образном значениях, автор продемонстрировал полезные способы правильного понимания и толкования их в разных ситуациях. В то же время он учитывает стилистическую функцию, представленную любым библейским текстом, например, метафору, притчу, метонимию [Есаян, 2006, С. 42-45].

В настоящее время изучение фразеологизмов из Библии приняло другое направление. Большое внимание уделяется их влиянию на культуру и литературу, например, И. П. Назарова в своей работе «Библеизм в национальной и социокультурной языковой картинах мира» показала глубокое влияние Библии не только на религию, но и на литературу. Библейские фразеологизмы запечатлели многовековую народную мудрость и исторический опыт. «В разных языках христианских народов фразеологизмы существенно совпадают по своей внутренней форме, образному стержню, различаясь лексической оболочкой. Это свидетельствует о общности логико-образных и логико-фразеологических идей» [Назарова, 2011, С. 97]. В качестве средства коммуникации и аккумуляции опыта язык помогает распространять христианское учение, между тем, невозможно с абсолютной точностью передать все смыслы на других языках. Причин много, в том числе, «национально-культурные традиции, специфика религиозных конфессий, языковая картина мира, личностные особенности переводчиков и людей, трактующих Священное Писание. Например, число русских библеизмов (296) отличается от числа и состава немецких (120)» [Назарова, 2011, С. 96-97].

М. Г. Луннова прослеживает эволюционные изменения фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке. В статье «Библеизмы в современном русском языке» автор детально изучил библейские выражения, употреблённые в Новом Завете или созданные на основе его образов. Согласно источнику, библеизмы разделены на три группы: «новозаветизмы, заимствованные из старославянского языка; новозаветизмы собственно русские, представляющие собой цитаты из русского текста Библии; фразеологизмы, возникшие в русском языке на основе новозаветных образов и ситуаций» [Луннова, 2008, С. 40-45]. По мере значительных изменений в окружающем мире, соответственно, изменяются языковые и речевые единицы, в том числе и библейские фразеологизмы. Некоторые из них устарели и даже ушли из живой речи, а другие с течением времени, сохранив форму, претерпели семантические изменения. Третьи, в результате преобразования и обновления, стали основой образования новых фразеологизмов. Большое количество примеров в данной статье наглядно демонстрируют эволюцию библейских фразеологизмов в современном русском языке.

В работе «Фразеологизмы библейской этимологии в контексте межкультурной коммуникации» Э. Б. Праведникова показывает, что европейская и русская культура в большей степени сложилась в общем пространстве христианской религии, Библии, что даёт основания для сравнения и обсуждения интернациональных фразеологических оборотов библейского происхождения, которые существуют в немецком, французском, английском и русском языках [Праведникова, 2013, С. 483].

Следует отметить, что, по сравнению с русскими библеизмами, фразеологизмы библейской этимологии в других языках звучат более современно. Библеизмы в каждом языке отличаются свойственной им спецификой, для русских библеизмов характерно их употребление в высоком стиле, архаичность окраски.

Исследуя библеизмы в некоторых иностранных языках, Н. М. Глушкова рассматривает сферы реализации социокультурного компонента, в основном «в

религиозном направлении в английском, испанском и русском языках. Библизмы уже давно укоренились в языке, но ряд фразеологизмов остаются малопонятными большинству носителей языка, не изучающих Библию. Тем не менее, часто бывает, что в ходе неизбежных изменений политических и общественных взглядов фразеологизмы библейского происхождения, соответственно, меняют свою коннотацию, стилистическую принадлежность и значение в языке» [Глушкова, 2013, С. 84-88]. В России существует специфическое явление: в названиях праздников и месяцев, в традициях частотны топонимы и антропонимы с религиозным оттенком. Хотя эти выражения стали малоупотребительными, но иногда незнание этой сферы ставит человека в неловкое и трудное положение, затрудняет понимание и межкультурную коммуникацию.

В статье «К вопросу о функционировании фразеологизмов библейского происхождения в современном дискурсе» А. В. Батулина со структурно-семантической стороны раскрывает особенности функционирования библеизма в языковом сознании русских посредством глубокого анализа отдельного фразеологизма-библизма *Скудельный сосуд*. В работе приводятся словарные толкования, примеры употребления данного фразеологизма в художественной литературе, оригинальные цитаты из Библии и обосновывается значение данного фразеологизма – «слабое, недолговечное существо». В работе представлены структурно-семантические свойства данного фразеологизма, в том числе в религиозном дискурсе [Батулина, 2010, С. 10-12]. В статье убедительно показано, что русские библизмы, такие как устаревшее выражение *Скудельный сосуд*, с одной стороны, постепенно утрачивают некоторые элементы смысла, связанные с религиозными представлениями, но, с другой стороны, многочисленными коннотациями обогащают картину мира русских, что невозможно игнорировать или отрицать. Поэтому изучение русских библизмов, свободное владение данным фразеологическим материалом, его адекватное использование при переводе, в ходе преподавания русского языка как иностранного остаётся насущной и актуальной проблемой.

Языковед П. А. Якимов в работе «Религиозная лексика - церковная лексика - библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий» рассуждает о разграничении этих трёх понятий. Результаты исследования показывают, что церковная лексика и христианская лексика являются частью религиозной лексики. А библейская лексика – основная церковная православная, католическая и протестантская лексика [Якимов, 2013, С. 66-68]. Разумеется, здесь библейская лексика понимается широко, не ограничиваясь фразеологической сферой.

Лексикограф О. К. Мжельская в своём исследовании «Семантическая специализация английских библеизмов, не имеющих аналогов в русском языке» вскрыла причины различий в русском и английском языках при употреблении библеизмов. В английском языке широко используется латинская версия Библии, а в русском языке существуют две версии перевода Библии – русская и церковнославянская. Запрет Библии в СССР обусловил снижение употребления библейских фразеологизмов; в процессе функционирования им придавали новые значения со своеобразным культурно-национальным характером, что отражает переосмысление и отказ от архаических форм [Мжельская, 2008, С. 65-67]. Приведя убедительные примеры английских безэквивалентных библеизмов, имеющих в составе имена собственные, автор доказал, что в каждом языке в библейских выражениях закрепляются свои уникальные смыслы. Следует отметить, что элементарные знания о библеизмах содействуют углублению знаний о культуре иноязычного мира, несмотря на мировоззренческие расхождения.

Китайские учёные начали проявлять исследовательский интерес к фразеологизмам библейского происхождения с 1984 года; за последние 20 лет количество научных работ, посвящённых изучению библеизмов, в Китае значительно увеличилось, расширились направления исследования библейских выражений. Китайские лингвисты изучают библеизмы английского языка: Чжан Фусинь, Источники английских идиом и их использование, 1984; Шэн Тао, Некоторые фразеологизмы библейского происхождения, 1985; Чжу Фэнюнь, Вопросы перевода фразеологизмов и их культурные особенности, 1991; Чжун

Лэпин, Источники английских идиом, 1993; Ху Чжиюн, Влияние английских фразеологизмов на китайский язык; Фу Юнпин, Английские идиомы и пословицы из Библии, 1995; Фань Цзюнь, Прецедентные цитаты, используемые при преподавании английского языка, 1997; Се Цзюнь, культурный смысл в английских идиомах, 1999; Цзэн Юнчжи, Толкование фразеологизмов из Библии, 2000; Лю Индэ, Происхождение английских фразеологизмов, 2002; Чэнь Цзанмин, Фразеологизмы в культурном контексте, 2003; Дуань Мэнмэн, Влияние религии на лексику с зоонимным компонентом в китайском и английском языках, 2006; Ду Цзюань, Перевод буддийских канонов на китайский язык и перевод Библии на английский язык. – Влияние религий на языки, 2009; Цзоу Мэнсян, Семантический анализ библейских идиом, 2015.

Сложилась традиция изучения русских библеизмов как информативного способа толкования русской культуры, русского духовного мира: Юй Синь, Русские фразеологизмы с религиозной окраской, 1995; Чжу Дацю, Русская религия и русские фразеологизмы, 1996; Се Хунфан, Русская фразеология и иностранная культура, 2002; Чжан Хайянь, Семантическая эволюция и особенности библеизмов в русском языке, 2004; Чэнь Янь, Происхождение фразеологической единицы *зарыть талант в землю*, 2004; Нин Синь, Анализ русской фразеологии из Библии, 2011; Чжао Е, Фразеологизмы с религиозным компонентом в русском языке, 2011; Чэнь Цзиньжунь, Семантические структуры и стилистические особенности библеизмов в современном русском языке, 2011; Лю Чао, Христианские ценности и библейская фразеология, 2012; Ван Синсун, Влияние христианства на русскую нацию на материале библейских выражений, 2016; Чжао Цзяньчэн, Русские изречения из Библии, 2016; Вэй Яньли, Русская фразеология и особенности её употребления, 2017). Следует упомянуть, что в 1983 году китайский учёный Пэн Цзайи опубликовал «Этимологический словарь русской фразеологии», в котором описал происхождение фразеологизмов европейских языков, в том числе русского языка: большее их число обязано своим появлением Священному Писанию.

В работе «Анализ русских религиозных фразеологизмов в аспекте лингвокультурологии» китайский учёный Сун Цзя детально изучил православные фразеологизмы с ономастическим компонентом, отражающие материальную и духовную культуру русского народа [Сун Цзя, 2014, С. 67-70]. В статье профессора У Цзюнь «Изучение фразеологии в аспекте современной лингвистики» одна часть посвящена описанию библеизмов [У Цзюнь, 2006]. Специалист по изучению фразеологии Лю Юнхун в работе «Культурный анализ фразеологизмов в китайском и русском языках» разделяет фразеологизмы на шесть классов по их происхождению: из религиозных верований, из античных мифов и героических легенд, нравов и обычаев, исторических событий, литературных произведений и зарубежной культуры [Лю Юнхун, 2002]. Учёный Дин Синь значительную часть своей работы «Исследование русской фразеологии» отводит фразеологизмам библейского происхождения, объясняет их значения исходя из контекстов употребления [Дин Синь, 2001]. Ян Шуан в работе «Анализ фразеологизмов религиозной тематики в русском и китайском языках в аспекте языковой картины мира» системно разграничивает фразеологизмы и китайские чэньюй, выделяет чэньюй из буддизма, даосизма, конфуцианства в китайском языке, фразеологизмы из Священных книг [Ян Шуан, 2017]. Однако автор лишь перечисляет религиозные фразеологизмы в разных языках, не анализируя мировоззрение двух наций через сопоставление фразеологизмов.

В китайский язык в течение всей длительной истории его существования проникало большое количество иноязычных элементов. Этот процесс заимствования обогащает язык, делая его более ёмким, выразительным. В период с эпохи Цзинь (266-420 г.г.) до династий Суй и Тан (581-907 г.г.) масштаб иностранных заимствований в китайский язык заметно увеличился, особенно слов буддийского происхождения. Подлинным родоначальником изучения буддийской фразеологии можно назвать Чжу Жуйвэня, труды которого («Фразеология и буддизм» (1988) и «Буддийская фразеология» (2006)) положили начало раннему изучению фразеологии буддийского происхождения в Китае. Вторая книга

включает 471 буддийский фразеологизм, которые систематизированы по 14 разделам в соответствии с направлениями и школами буддизма и по этапам развития данной религии в Китае. Работа «Поговорки буддийского происхождения» Чжао Пучу была издана в 1993 году, в ней насчитывается более 500 словосочетаний, в том числе большое количество популярных буддийских фразеологизмов.

Буддийская фразеология занимает немаловажное место во фразеологической системе современного китайского языка и картине мира китайцев. В последние годы, в связи с интересом общества к буддийской культуре, буддийские каноны и буддийские фразеологизмы изучаются весьма активно.

Обычно буддийские фразеологизмы рассматриваются либо в плане общей постановки вопроса, либо попутно – в работах об их структурных особенностях (Цзян Дунюань, Сочетание индийской и китайской культуры – одна специфика формирования буддийских фразеологизмов в китайском языке, 2005; Ци Кунь, Происхождение и структура буддийской фразеологии, 2003).

В современной китаистике буддийские фразеологизмы изучаются в следующих аспектах:

1. Китаизация фразеологии буддийского происхождения: Сунь Мэнмэн, Анализ китаизации четырёхсловных буддийских фразеологизмов, 2012; Ши Лихуа, Китаизация буддийских слов, 2008.

2. Источники буддийской фразеологии и её лексико-семантические модификации: Цзэн Чжаоцун, Буддийское происхождение китайских идиом, 2004; Гао Лего, Примеры фразеологизмов буддийского происхождения, 2007; Ци Лянянь, Анализ происхождения буддийских фразеологизмов, 2009; Чжу Чжэнцзюэ, Семантические варьирования буддийских фразеологизмов в социальной ситуации на материале популярных четырёхсловных буддийских фразеологизмов, 2011; Тан Шипу, Анализ источников шести фразеологизмов буддийского происхождения, 2012.

3. Буддийская культура, закреплённая во фразеологизмах буддийского происхождения: Лян Сяохун, Китайские фразеологизмы и буддийская культура, 1993; Чэн Липин, Буддийская культура во фразеологизмах, 2004; Ван Жань, Изучение культурного фона буддийских фразеологизмов в китайском языке, 2008; Дин Ли, Философские мысли в китайских фразеологизмах буддийского происхождения, 2017.

4. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологизмов буддийского происхождения в двух языках и общий обзор состояния изучения буддийской фразеологии: Хун Имэй, Сопоставительное исследование буддийских фразеологизмов в китайском и сямском языках, 2013; Жуань Шиюйхуа, Буддийские фразеологизмы во вьетнамском языке, 2011; Цай Синьцзяо, Сопоставительный анализ фразеологизмов в китайском и вьетнамском языках, 2011; Ян Силян, Изучение китайских четырёхсловных фразеологизмов буддийского происхождения, 2010; Ван Иннань, Буддийская фразеология, 2012.

Первоначально даосизм возник как философия, и только во втором веке он оформился в виде стабильной религиозной организации. «Мистические идеалы в трактате «Чжуанцзы» о фантастическом долголетьи и бессмертии сыграли немаловажную роль в трансформации философского даосизма в даосизм религиозный» [Ли Лэйжун, 2015, С. 76]. На протяжении длительной истории даосизм сохранял всестороннее влияние на умы китайцев, поэтому ряд научных работ посвящён даосской мудрости, сохранённой в китайских фразеологизмах (Пань Айфэн, Даосская мудрость во фразеологизмах из трактата «Дао-дэ-цзин», 2011; Ли Синь, Толкование фразеологизмов из трактата «Дао-дэ-цзин» в аспекте философии, 2015; Сун Цзэнмин, Восемь фразеологических единиц из трактата «Дао-дэ-цзин», 2018). Особую значимость приобретает выявление культурного элемента фразеологических единиц духовно-религиозных текстов, что отражается в таких работах, как: У Цзюнь, Фразеология в современной лингвистике, 2006; Лю Юньхун, Изучение русских и китайских фразеологизмов в культурном аспекте, 2002; Сюэ Хуань, Ван Дань, Цю У, Чжао Синь и др.

В процессе работы над диссертацией мы обнаружили, что создано крайне мало научных трудов, посвящённых изучению фразеологии даосского происхождения – лишь две учебно-справочные книги: «Читать Лаоцзы, изучать фразеологизмы» [Чжан Цзяньчао, 2016] и «Изучать фразеологизмы, читать Чжуанцзы» [Редакционная коллегия серии «Тележки для пони», 2021].

Можно утверждать, что без знания фразеологии конфуцианского происхождения невозможно понять мировоззрение китайцев. В двадцать первом веке развёртываются многоаспектные исследования фразеологизмов из классических конфуцианских трудов, таких как «Лунь Юй», «Пятикнижие», «Мэнцзы», «И Цзин» и других, выполненные в русле лингвокультурологии и лингводидактики, в рамках которых появилось огромное количество научных работ, в том числе: «Интерпретация фразеологии в «Лунь Юй»» [Сюй Япинь, 2021]; «Читать «Лунь Юй», изучать фразеологию» [Сюй Мэйхуа, 2014]; «Фразеология в «Чжоуи»» [Дун Чжэннань, 2017]. Различные статьи, например: Философы-конфуцианцы во фразеологизмах и афоризмах, извлечённых из книги «Мэнцзы» [Чжоу Цзыцзин, 2019]; Рассмотрение конфуцианского *Жэнь* во фразеологизмах в книге «Лунь Юй» [Ли Юйе, 2015]; Философы-конфуцианцы во фразеологизмах в книге «Чжоуи» [Ню Сянлэн, 2017]; Классификация картин мира во фразеологизмах в книге «Лунь Юй» [Чжан Сянчжу, 2011]; Лингвокультурологический анализ фразеологизмов в книге «Лунь Юй»» [Ян Пэйюнь, 2010] и т.д.

В российском языкознании значительное количество работ посвящено изучению картин мира, закреплённых во фразеологических единицах духовно-религиозных текстов русского и других европейских языков: Гак В. Г., Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках), 1994; Каминская Е. В., Фразеология библейского происхождения во французском и русском языках, 2004; Глушкова Н. М., Особенности реализации религиозной составляющей социокультурного компонента (на материале фразеологизмов русского, английского и испанского языков), 2013; Качановская О. Б., Семантико-

грамматические типы фразеологизмов библейского происхождения в немецком, русском и белорусском языках, 2014; Павленко Л. Г., Фразеологизмы-библейзмы как хранители национального и культурного в моральном сознании русских и англичан, 2018).

Сопоставительному исследованию фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках посвящено мало работ. Несмотря на появление в последние годы новых исследований, в которых на материале русского и китайского языков проводится сопоставление фразеологизмов библейского, конфуцианского, буддийского и даосского происхождения (Ван Шуцзе, Фразеологизмы в русском и китайском языках под влиянием разных религий, 2009; Ян Шуан, Анализ фразеологизмов религиозной тематики в русском и китайском языках в аспекте языковой картины мира, 2017; Ромеро Интриаго Д. И., Религиозная картина мира в русской и китайской фразеологии, 2014), всесторонний и многоаспектный анализ фразеологизмов духовно-религиозных текстов в двух лингвокультурах до сих пор не проводился. Поэтому исследование фразеологии духовно-религиозных текстов в сопоставительном аспекте в русском и китайском языках является весьма актуальным и важным.

1.3. Фразеология: лингвокультурологическая интерпретация

1.3.1. Фразеологизмы как основные единицы языковой картины мира

Язык и культура тесно взаимосвязаны. Язык «является обязательной предпосылкой развития культуры в целом» [Сепир, 1993, С. 223], составляет важную часть культуры народа. В теории лингвистической относительности, выдвинутой Э. Сепиром и Б. Уорфом, язык выступает в качестве «осуществлённой «внутренней формы» выражения культуры как внеязыкового содержания предметно-понятийного характера, а культура как процесс освоения человеком действительности и как фактор, воздействующий на развитие человеческого

общества, что оказывается под непосредственным влиянием языка» [Новикова, 2003, С. 15]. Поэтому язык является не только средством общения, но и важным каналом аккумуляции знаний, культуры, общественных норм и т.д.

Изучение взаимосвязей между языком и культурой имеет давнюю традицию, исследование этой проблемы ведётся в различных аспектах и осуществляется в разных науках. Одной из них и наиболее близкой предлагаемой в работе концепции является лингвострановедение. Основатели данного направления – Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура» делали акцент на том, что лингвострановедение – это из перспективнейших разделов методики преподавания русского языка иностранцам, считали, что теория лингвострановедения, несмотря на «уже достигнутые немалые результаты, всё ещё находится в периоде интенсивных поисков» [Верещагин, Костомаров, 1990, С. 7].

По В. Гумбольдту, язык есть «народный дух», он есть «само бытие» народа. Он есть истинная реальность культуры. Язык есть фиксированный взгляд культуры на мироздание и себя самого. Как писал Гумбольдт, язык – это «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт, 1984, С. 304]. В нашем исследовании принимаем положение В. Гумбольдта о взаимодействии языка и культуры: «Язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 1984, С. 48].

Последователи В. Гумбольдта во главе с Л. Вайсгербером развивали концепцию о «промежуточном» положении языка между человеком и миром. Л. Вайсгербер считал, что «язык как «сила», формирующая представление человека об окружающем мире, определяет его «миропонимание», его внутреннюю форму и оказывает влияние на культуру народа» [Воробьёв, 2006, С. 25]. Понятие «языковая картина мира» восходит к мыслям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка.

«Лингвокультурология как своеобразная современная преемница лингвострановедения ориентируется на новую систему культурных ценностей,

выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную, (а не «урезанную») интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культурной жизни страны» [Воробьёв, 2006, С. 22]. «Проблемы, которыми занимается лингвокультурология, не новы. Еще в XIX в. их решали В. Гумбольдт и Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, а позже – Э. Сепир и Н. И. Толстой, В. Н. Телия и Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова и В. В. Воробьёв. Именно они выдвинули постулат о том, что язык – это и орудие культуры, и её часть, и условие её существования. На этом постулате основана лингвокультурология» [Маслова, 2001, С. 21]. Профессор В. М. Шаклеин в монографии «Лингвокультурология: традиции и инновации» исследовал длительный путь, который проделала лингвокультурология как наука – от Гумбольдта до современных авторов, сформулировал методологические позиции лингвокультурологии будущего [Шаклеин, 2012].

Многие учёные, характеризуя эту науку, акцентировали внимание на её синтезирующем и интердисциплинарном характере. Так, В. А. Маслова считает, что лингвокультурология – это «наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова, 2001, С. 22]. В. В. Воробьёв даёт системное описание фактов языка и культуры в их взаимодействии и взаимосвязи, полагает, что «лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьёв, 2006, С. 36].

Понятие «картина мира» предназначено для «изучения представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [Маслова, 2001, С.

64]. Картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Ю. Д. Апресян подчёркивал донаучный характер языковой картины мира, называя её наивной картиной, определял её через представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надёжным проводником в этот мир [Апресян, 1995, С. 39].

Остановимся на современных пониманиях языковой картины мира.

Профессор Н. Ф. Алефиренко полагает, что «языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира. Считается, что каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира» [Алефиренко, 2019, С. 11], по его мнению, языковая картина мира – это не только совокупность знаний о мире, запечатлённых в языке, но и способ познания мира.

Такую точку зрения разделяет Х. Сарач «языковая картина мира – совокупность представлений человека о мире, закреплённых в языковых знаках и запечатлённых в языковых сущностях» [Сарач, 2016, С. 7].

Е. С. Яковлева предложила следующее определение языковой картины мира: «Под языковой картиной мира понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности», – акцентируя внимание на том, что каждый естественный язык отражает своеобразный способ восприятия мира. Таким образом, «языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996, С. 39].

Сходную мысль встречаем и в работе В. А. Масловой, которая считает, что «особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определённой национальной общности людей, создают для носителей этого языка лишь специфическую «окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов,

избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2001, С. 65].

«Языковая картина мира представляет собой совокупность наивных знаний о мире, зафиксированных на разных уровнях (подуровнях) языковой системы: лексическом, фразеологическом, грамматическом» [Алефиренко, 2010, С. 102]. Фразеология считается самым богатым и интересным источником, раскрывающим и описывающим содержание картины мира народа с древнейших времён до наших дней. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буслаев, 1954, С. 30]. В. Н. Телия утверждала, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [Телия, 1996, С. 217].

Фразеологические единицы следует считать лингвокультурологическими единицами, т.е. единицами, в которых отражено мировидение и миропонимание того или иного лингвокультурного общества. «Одно и то же понятие, один и тот же кусочек реальности имеет разные формы языкового выражения в разных языках – более полные или менее полные» [Шакирова, 2015, С. 990], например, *Слово не воробей – вылетит не поймаешь*. (рус. «что сказано, то сказано»), 一言既出, 驷马难追 (кит. букв. «Если слово сказано – его не догнать и на четвёрке коней»). Приведём ещё один пример: русский фразеологический оборот *Метать бисер перед свиньями* и китайский чэньюй 对牛弹琴 семантически совпадают в значении «напрасно говорить о чём-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет ни понять, ни оценить это должным образом», но различаются внутренней формой и компонентным составом: в составе русского фразеологизма – образ животного (свинья), а в китайском эквиваленте – 牛 (корова или бык). Помимо того, фразеологические единицы разных языков, обозначающие одно и то же

понятие, могут различаться семантической ёмкостью, могут покрывать разные «кусочки» окружающей действительности.

Фразеология является важным материалом для лингвокультурологических исследований, так как она является наиболее ментально содержательной с точки зрения воспроизведения языковой картины мира носителей языка, наиболее ярко отражает национальную культуру народа. Фразеологические единицы способны наглядно отражать социальные, экономические и политические процессы в обществе, а также наиболее ярко выявлять национально-культурную специфику, поскольку в их внутренней форме запечатлена культурная информация о быте, религиозных обычаях, материальной и духовной национальной культуре, суевериях и обычаях языкового социума. Таким образом, фразеология как частный фрагмент языковой картины мира играет особую роль в её создании.

1.3.2. Картина мира, представленная во фразеологии духовно-религиозных текстов

Понятие «картина мира» предназначено для «изучения представлений человека о мире. Если мир – это человек и среда в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке» [Маслова, 2001, С. 64].

Языковая «картина мира, которую можно назвать знанием о мире, лежит в основе индивидуального и общественного сознания. Язык же выполняет требования познавательного процесса. Концептуальные картины мира у разных людей могут быть различными, например, у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и т.д. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определённых условиях близкие концептуальные картины мира, а люди, говорящие на одном языке, – разные. Следовательно, в концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное и личностное» [Маслова, 2001, С. 51].

Фразеология – самый богатый и интересный источник, раскрывающий и описывающий содержание картины мира народа с древнейших времён до наших дней. Фразеологизмы, по Б. А. Ларину, «всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражаются – как свет утра отражается в капле росы» [Ларин, 1977, С. 125]. В. Н. Телия также делает акцент на функции фразеологии отражать и передавать культурные установки, образы, нормы поведения, обычаи, традиции, то есть целое мировидение носителя языка. [Телия, 1996, С. 9].

Фразеологизмы духовно-религиозных текстов являются не очень значительной по объёму (по нашим подсчётам: в русском языке имеется 1400 фразеологизмов, из них 500 из духовно-религиозных текстов; в китайском языке – 20000 фразеологизмов, из них 1900 из духовно-религиозных текстов), но важнейшей с точки зрения мировоззрения частью национальной идиоматики любого этноса, относящего себя к религиозной культуре. Без знакомства с библеизмами невозможно понять специфику европейского мировосприятия так же, как без изучения идей Конфуция, Лаоцзы и Будды нельзя понять и изучить культуру и язык Китая.

«Религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль, церковные установления глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют и сами являются частью местного (этно-регионального) своеобразия» [Мечковская, 1998, С. 41]. В результате взаимодействия с повседневным бытом народа, в разных странах мировые религии отличаются определёнными национальными особенностями. В первом веке из Центральной Азии по Великому шёлковому пути в Китай прибыли первые буддийские миссионеры. Образовался особый тип буддизма с китайской спецификой, который вбирал в себя элементы даосизма и конфуцианства. В китайских фразеологизмах существуют такие выражения, компоненты которых состоят из китайской традиционной лексики и существительных, происхождение которых связано с индийским буддизмом, например, 逍遥自在 (Совершенно свободный, ничем не

связанный). *逍遥* – вольный и свободный, китайское исконное словосочетание; *自在* – имеет значение «душа освободилась от уз и горя», заимствованы из сюжета «*尽诸有结, 心得自在*» в «Сутры Дхарма». Человек стремится к мечте, подчас эфемерной, в то же время люди очень привязаны к мирским благам, чрезмерно беспокоятся о мнении других людей. Из-за этого человеческая душа не только не развивается, а и деградирует. Достигнув нирваны, можно освободиться от этой зависимости.

Известно, что каждый этнос имеет свою особую картину мира, которая отражает своеобразие разных факторов, связанных с жизнью, историей, культурой нации. Чжэн Лин в статье «Как конфуцианство и христианство влияют на китайско-американскую картину мира» [Чжан Линь, 2013, С. 27-29] провёл сравнительный анализ религиозной картины мира китайцев и американцев. Он заметил, что христианство напрямую не следовало традициям и проповедям конфуцианства, а претендовало на свою интерпретацию конфуцианской доктрины, подчёркивая собственную уникальность и превосходство. Но из-за того, что конфуцианство укоренилось в глубине души народа, христианство не могло совершенно заменить учение Конфуция. Например, в христианско-конфуцианском диалоге основные рассуждения посвящены таким концептам конфуцианской культуры, как стремление к коллективной гармонии, сыновняя почтительность и т.д.

Отметим, что в конфуцианстве чётко разграничиваются представления об уважаемых и презренных, что иллюстрируется фразеологизмами:

男尊女卑 (Превосходство мужчины над женщиной);

奴颜婢膝 (Лицо раба, колени рабыни. Об угодничающем, раболепствующем человеке);

卑躬屈膝 (Пресмыкаться, низкопоклонничать);

低三下四 (Ползать на брюхе перед кем);

三跪九叩 (Три коленапреклонения с девятикратным челобитьем (большой церемониальный поклон));

三纲五常 (Три устоя, и пять незыблемых правил (абсолютная власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой; и пять добродетелей: человеколюбие, справедливость, вежливость, мудрость и доверие)) и т.д. В то же время в зеркале фразеологизмов из конфуцианства отражается представление китайцев об образе благородного мужа:

子贡曰：夫子温，良，恭，俭，让以得之 (Цзыгун сказал: кротость, искренность, почтительность и бережливость образованного человека помогут ему добиться этого);

学而优则士 (Тому, кто прилежно учится, обеспечен успех в будущем);

天行健，君子以自强不息 (Добродетельный муж, следуя велению неба и земли, непрестанно совершенствуясь, способен на великие свершения) и т.д.

Известный учёный Лю Ячжоу считает, что на самом деле у китайцев почти нет веры. Он отметил, что отсутствие веры нельзя считать утратой форм верования. Наоборот, китайцы верят во всякие вещи, дела, явления, знаки зодиака и т.д., в том числе, наставника Цигун (дыхательная гимнастика) [Лю Ячжоу, 2015, С. 49]. В их сердце не существует вечного Бога. Китайская национальная культура имеет характер секуляризации, делая акцент на существовании в этой жизни, например, в изречении Конфуция: «Ты ещё не знаешь, что такое жизнь, как же ты сможешь знать, что такое смерть?» [Чжан Линь, 2012, С. 29]. Такая точка зрения отличается от буддизма и христианства. И это различие отражено в китайском местном даосизме, стремящемся к бессмертию, *宁吃仙桃一口，不吃烂杏一筐* (Лучше надкусить персик бессмертия, чем съесть корзину гнилых абрикосов). Китайская фразеология сохранила и более экзотические способы обретения бессмертия, например, *吃了唐僧肉 – 长生不老* (Съесть тело Тан Сэна) – буддийский монах, живший в период правления династии Тан. Согласно произведению «Путешествие на Запад», кто съест тело этого святого человека, тот обретёт бессмертие.

Картина мира, отражённая во фразеологизмах духовно-религиозных текстов, наиболее ярко и точно воспроизводит дух народа, его национальные

мировоззренческие установки, а также культурно-исторический опыт познания мира, в силу своей экспрессивности и эмоциональности.

Что же касается фразеологии русского языка, то в основе духовной жизни и религиозной картины русского этноса лежит одно из направлений христианского вероучения – православие, отражённое в священном писании – Библии [Ромеро Интриаго, 2014, С. 191]. В русском языке из Библии происходит значительный объём фразеологизмов, которые называются библеизмами. Отметим, что в широком смысле слова, библеизмы – это языковые единицы от отдельных слов до целых предложений, прямо заимствованные из Библии, либо обычные слова и словосочетания, метафорически осмысленные в русле христианской доктрины, например: *рай, ад, хам, иуда, Алчущие и жаждущие; Беден, как Лазарь; Блаженны миротворцы; Благая весть*. Наиболее многочисленны библейские выражения, пришедшие из Ветхого Завета: *Вавилонское Столпотворение; Валаамова ослица; Время разбрасывать камни, и время собирать камни; Да будет свет; Египетский плен; Ждать (жаждать), как манны небесной; Иерихонская труба; Бог дал, Бог взял* и др.

Отбор библейских образов и основанных на них фразеологизмов, а также их рекуррентность и вариативность неизбежно определяются особенностями национального мышления, характера и мировосприятия. В русских фразеологизмах с компонентом *Бог* мы выделили подгруппу, обозначающую спасение, избавление от беды и получение Божьего благословения. Очевидно, что в сознании русского народа Бог – Всевышнее существо, могущественный защитник, на которого всегда и во всём можно надеяться, рассчитывать, о чём свидетельствуют наиболее частотные фразеологизмы, широко распространённые в русской повседневной жизни, например: *Бог дал, Бог защитил, Бог избавил, Положиться на (Господа) Бога, Бог не обидел, Бог послал, Бог одарил, Бог оделил, Бог благословил, Бог даровал*.

Природа человека вызывает многочисленные споры о том, что первично, что торжествует в человеке – греховность или добродетель. Христиане отвечают на

этот вопрос, придавая важное значение выбору человека: *Вкушать от древа познания <добра и зла>*. Человек определяет, какие силы восторжествуют в его душе, что победит в вечном споре: силы добра или силы зла, тьмы. Поэтому в христианстве столь важны мотивы первородного греха и его искупления Иисусом, например, *Ветхий Адам*.

В учении Конфуция постулируется идея первичности добра в душе человека: человек с рождения добросердечен. У буддистов эта идея воплощается специфично, поскольку природа человека не главная тема для размышлений. Идея максимально прагматична: человек должен жить достойно, чтобы в следующей жизни получить достойное воплощение (в теории перерождений): соответствие следствий причинам в трёх эрах¹ и перерождение на шести путях². Фольклорные представления о природе человека близки идеям Конфуция: *Детская невинность* («душевная чистота, искренность»). Человек, в представлении фольклорного сознания, рождается невинным, но тяжёлая жизнь может изменить его не в лучшую сторону.

Христианское мировоззрение, укоренённое в библейских текстах, отражено в современных национальных языках в форме библейских фразеологических единиц – устойчиво воспроизводимых и передающихся из поколения в поколение единиц языка, которые одновременно являются и единицами культуры.

Помимо христианства, сильное влияние на русскую культуру, особенно на формирование самобытного мышления русской нации, оказало язычество. Монотеистическое и политеистическое представления сосуществуют в русской лингвокультуре. «Образы богов – это условности, введенные людьми, чтобы через их призму было удобнее познавать мир и самих себя. К примеру, в человеке есть такие качества, как воинская доблесть, боевая ярость, смелость, сила тела и духа. Познавая себя, человек мысленно обособляет эти качества, отделяет их от своего

¹ Три эры: идеалистическая теория циклического развития общества: эра великого спокойствия, эра становления, эра хаоса – по Гуньяну в интерпретации Кан Ю-вэя [URL: <https://kurl.ru/KvbYg>].

² Шесть путей: будд. шесть кругов (сфер) перевоплощений (круги ада, голодных духов, животных, асуров, человеческий и небесный) [URL: <https://kurl.ru/zIqGA>].

«Я», наделяет их самостоятельным существованием» [URL: [Основы языческого мировоззрения. \(tvoyhram.ru\)](https://tvoyhram.ru). Дата обращения 02.09.2022].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Фразеология – богатейший источник, раскрывающий и описывающий содержание картины мира народа с древнейших времён до наших дней.

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам рассмотрения фразеологического запаса языка, представлены актуальные положения фразеологии как раздела лексикологии и науки о языке в целом в российской и китайской гуманитарной науке.

В ходе рассмотрения этапов изучения фразеологии в русской и китайской лингвистической науке выявлены сходства в типологии фразеологизмов в обоих языках. Как в русской, так и в китайской фразеологии особое место принадлежит крылатым выражениям, источником возникновения которых являются общеизвестные литературные произведения, исторические события, фольклор, религия. Если в той или иной этнокультуре общеизвестную и значимую роль играют различные тексты, то в русской языковой картине мира такая роль принадлежит Библии и другим произведениям литературы, пополняющим фразеологический запас языка. Крылатые выражения отражают как специфику картины мира русского народа, так и его характер.

В китайском языке источником многих фразеологизмов является народная и классическая литература, подобно тому как в русском языке такими источниками являются философские трактаты и притчи, исторические хроники, художественная литература, легенды и мифы, крылатые слова и выражения, заимствованные из других языков.

Во втором параграфе Главы I «Фразеологизмы духовно-религиозных текстов как объект исследования» изучены термины «религиозный / религиозность», «духовный / духовность», осмыслено их соотношение; определено понятие «духовно-религиозный текст»; перечислены и проанализированы основные источники фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском

языках; представлена история изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов.

Собрав и проанализировав многочисленные источники русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов, пришли к выводу, что в русской духовной картине мира главная роль принадлежит православию. В китайской языковой картине мира важное место занимают конфуцианство, даосизм и буддизм. Их духовно-религиозные книги воплотили мировоззренческие доктрины, не только повлиявшие на язык народа, но и сформировавшие его культуру и традиции. В этой части также произведён обзор истории изучения фразеологизмов духовно-религиозных текстов в обоих языках.

В третьем параграфе Главы I «Фразеология: лингвокультурологическая интерпретация» рассматриваются взаимосвязи языка и культуры; прослеживается история развития термина «лингвокультурология»; сопоставляются исторические и современные суждения о языковой картине мира; анализируется важнейшая функция фразеологии – отражение мировидения и миропонимания того или иного лингвокультурного общества.

Мы исследовали, как те или иные идеи воплощаются в идиоматике различных мировоззренческих доктрин Китая, соотнесли их содержание с христианскими представлениями о базовых ценностях. В некоторых морально-этических аспектах христианство сближается с конфуцианством, фольклором и буддизмом, а в некоторых – противопоставлено им, хотя очевидно, что общие ценности и добродетели всех описанных нами мировоззренческих концепций универсальны и ориентированы на сохранение и приумножение добра, на утверждение ценности человеческой жизни, важности души человека.

ГЛАВА II. ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ

Традиционный и самый древний принцип классификации фразеологизмов основан на их оригинальном содержании и может быть назван «тематическим».

Тематический принцип классификации является основополагающим в трудах ряда западных и российских лингвистов, в том числе Л. П. Смита, П. П. Литвинова и других. Во фразеологии как английского, так и русского языка на основании объединения фразеологических единиц по тематическому признаку отражаются объективно существующие группировки предметов и явлений предметного мира.

Учёные выделяют особые группы фразеологических единиц, содержащие названия животных, частей тела, растений, отражающие человеческую деятельность, отношения между людьми, предметы быта, явления природы и т.д. Например: *Волк в овечьей шкуре* – «о лицемере, прячущем под маской добродетели свои злые намерения» является типичным примером для группы животных, то есть зоонимом. Фразеологизм *Весь как на ладони* – «открытый человек» включает в себя название части тела для описания качества открытости, искренности.

Фразеологизмы, в которых употребляются названия растений, как правило, называют фитонимами. Можно привести следующий пример: *Как осиновый лист дрожит* в значении «очень сильно дрожать (от страха)». Классификация фразеологического материала по тематическим группам демонстрирует преобладание в составе фразеологизмов названий животных. Именно с животными в нерасторжимой связи тысячелетиями находился человек, приписывая их свойства предметам и явлениям окружающей действительности.

Данный подход предполагает использование набора параметров или макрокомпонентов (модулей), задаваемых как общими принципами упорядочения материала, так и спецификой фразеологического материала в каждом случае. Тематическая классификация фразеологических единиц духовно-религиозных текстов является необходимой и целесообразной для сопоставления национально-

культурных коннотаций зоонимов, названий растений и чисел, содержащихся во фразеологизмах русского и китайского языков.

Исследование фразеологии требует включения в тематическое описание также анализа строения фразеологизмов, обуславливающего семантико-стилистические свойства фразеологизмов и отражённую в них картину мира. Фразеология образует системные связи, являющиеся наиболее сложным уровнем анализа, передаёт различные виды разноаспектной информации.

2.1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом

«Человек живёт не просто в физической среде, он живёт в символической вселенной» [Маслова, 2010, С. 95]. Символы не возникают сами по себе, а представляют собой продукты человеческого сознания. Национально-специфические символы позволяют анализировать особенности национального мировосприятия. Многоплановое изучение символа вызвало научный интерес широкого круга исследователей, таких как А. А. Потебня [Потебня, 1914], А. Ф. Лосев [Лосев, 1982], Ю. М. Лотман [Лотман, 1992], В. В. Колесов [Колесов, 1995]. Разделяем мнение А. А. Потебни: «только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не с произволом пишущего» [Потебня, 1914, С. 6]. Символ в лингвокультурном аспекте может быть отнесён к стереотипизированным явлениям, характерным для любой культуры вследствие того, что «символ, закодированный в контекст разных культур, имеет в них различный смысл» [Маслова, 2007, С. 178]. Например, образ рыбы в сознании русского народа ассоциируется со свободой, что нашло отражение во фразеологизме *Как рыба в воде*. В китайской лингвокультуре рыба означает достаток, зажиточность, так как иероглиф 魚 (yú. рыба) имеет омоним 余 (yú. избыток), в значении «избыток, резерв».

Символ близок образу, что позволяет говорить о символических образах. Человек и животные изначально сосуществовали на Земле; животные

сопровожают людей в повседневной жизни и хозяйственной деятельности, поэтому в зоонимической лексике, фразеологии с зоонимическим компонентом, передающихся из поколения в поколение, находит отражение процесс познания окружающего мира. Образы фразеологизмов с компонентом-зоонимом мотивированы народным бытом, легендой, мифологией, историей, обрядом и т.д. Но «образность должна опираться на объективные лингвистические критерии, которые учитывали бы прежде всего факторы, приводящие к возникновению данных образов» [Садыхова, 2012, С. 137]. Одними из таких факторов являются, безусловно, религиозные верования, прежде всего, – Священная книга «Библия» и другие духовно-религиозные тексты.

В исследовании используются описательный метод, метод компонентного анализа, контекстуальный анализ, статистический анализ. Стоит отметить, что сравнительно-сопоставительный анализ русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов с компонентом-зоонимом позволит представить обобщённый образ того или иного животного в разных языковых картинах.

Описательный метод – один из наиболее древних и широко распространённых методов исследования в любой научной области. Данный метод используется в нашем исследовании, поскольку на начальном этапе исследования необходимо в первую очередь описать основные свойства рассматриваемого предмета. Таким образом, описательный метод служит надёжной основой для последующего применения других методов.

Описательный метод часто используется параллельно с другими методами исследования – такими, как наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация, которые иногда рассматриваются как его составляющие [Алексеева, 2004, С. 12].

В нашем исследовании мы сгруппировали отобранные фразеологизмы с компонентом-зоонимом русских и китайских духовно-религиозных текстов по совпадающим и несовпадающим компонентам. С помощью лингвокультурологической интерпретации установили сходства и различия в

представлениях о зоонимах в языковом сознании носителей русского и китайского языков.

Материалом исследования являются 35 русских фразеологических единиц, извлечённых методом сплошной выборки из «Энциклопедического словаря библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной [Дубровина, 2010, 808 с.] и «Словаря русской фразеологии, историко-этимологический справочник» [Бирих, 1998, 700 с.] и 158 китайских фразеологических единиц, полученных из словарей «Буддийская фразеология» и «Большой этимологический словарь китайской фразеологии» [Чжу Жуйвэнь, 2010, 1163 с.]. Перевод китайского языкового материала на русский язык взят из ресурсов сайта «Большой китайско-русский словарь» [URL: <https://bkrs.info/>]. В современной России преобладающей конфессией является Православие. В дохристианском древнерусском обществе существенное и всестороннее влияние на славянскую жизнь и культуру оказало язычество. Поэтому для данного исследования отобраны фразеологизмы, отражающие христианские и языческие представления русского народа. На китайскую культуру значительное влияние оказали конфуцианство, даосизм и буддизм, что и определило отбор китайского фразеологического материала.

В зависимости от стержневого компонента (наименование животного) фразеологические обороты русского и китайского языков распределены на две группы:

- 1) Содержащие одинаковые компоненты-зоонимы: *бык/корова, баран/овца, змея, осёл, лошадь, лев, слон, верблюд, собака, курица/петух, птичка, комар, рыба.*
- 2) Содержащие уникальные компоненты-зоонимы, отсутствующие в другом языке.

В китайском языке: *тигр, олень, заяц, утка, муравей, мышь, богомол, обезьяна, лебедь, тутовый шелкопряд, медведь, лиса, скорпион, волк, дикий гусь, орёл, журавль, дракон, цилинь, ночная бабочка, филин, попугай, муха, перепел, сова, феникс, сорока, горлица, ворона, пчела, ласточка, черепаха, рак, лягушка, кит.*

В русском языке: *свинья, кот, голубь, акриды.*

В книге «Бытие» говорится, что в пятый день Господь сотворил первых живых существ, живущих в воде и летающих в воздухе. В шестой день Бог создал более высокую форму жизни – скот и животных на суше, которые обладают более высоким сознанием по сравнению с рыбами и птицами (Быт. 1:20-25).

Проанализируем фразеологизмы с совпадающими компонентами-зоонимами в обоих языках (в порядке сотворения Богом соответствующих животных): морские животные, птицы, наземные животные. Соответствующие фразеологизмы представленные в **таблице №3 «Соотношение фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках»**, демонстрируют количество фразеологических единиц в каждом языке и их процентное отношение к общему количеству фразеологизмов (названия морских животных выделены голубым цветом; названия птиц – жёлтым цветом; названия наземных животных – зелёным цветом):

Таблица №3. Соотношение фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках

Название животного	В китайском языке								В русском языке					
	Дао. 34		Будд. 41		Конф. 65		Всего		Христ. 31		Другие 3		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
бык/корова 牛	4	11.8%	6	14.6%	5	7.7%	15	9.5%	5	16.1%		0.0%	5	14.3%
баран/овца 羊	1	2.9%	2	4.9%	4	6.2%	7	4.4%	7	22.6%		0.0%	7	20.0%
змея 蛇		0.0%	4	9.8%	3	4.6%	7	4.4%	3	9.7%		0.0%	3	8.6%
осёл 驴		0.0%	3	7.3%		0.0%	3	1.9%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
лошадь 马	4	11.8%	6	14.6%	9	13.8%	19	12.0%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
свинья 猪		0.0%		0.0%		0.0%	0	0.0%	3	9.7%	1	33.3%	4	11.4%
лев 狮子		0.0%	3	7.3%		0.0%	3	1.9%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
слон 象		0.0%	3	7.3%	1	1.5%	4	2.5%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
верблюд 骆驼		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%	2	6.5%		0.0%	2	5.7%
собака 狗	3	8.8%	1	2.4%		0.0%	4	2.5%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
тигр 虎	2	5.9%		0.0%	10	15.4%	12	7.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
олень 鹿	1	2.9%		0.0%	1	1.5%	2	1.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%
курица/петух 鸡	1	2.9%		0.0%	2	3.1%	3	1.9%		0.0%	1	33.3%	1	2.9%
заяц 兔		0.0%	3	7.3%		0.0%	3	1.9%		0.0%		0.0%	0	0.0%
утка 鸭	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
гусеница 尺蠖		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
муравей 蚂蚁	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
мышь 鼠	2	5.9%		0.0%	1	1.5%	3	1.9%		0.0%		0.0%	0	0.0%
богомол 螳螂	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
обезьяна 狌猴		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
лебедь 天鹅	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
шелкопряд 蚕		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
птица 鹌鹑		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
мартышка 猓		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
медведь 熊		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
лиса 狐狸		0.0%		0.0%	2	3.1%	2	1.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%

скорпион 蝎子		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
волк 狼		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
кот 猫		0.0%		0.0%		0.0%	0	0.0%		0.0%	1	33.3%	1	2.9%
птичка 鸟雀	4	11.8%	1	2.4%	2	3.1%	7	4.4%	3	9.7%		0.0%	3	8.6%
гусь белолобый 雁		0.0%	3	7.3%	1	1.5%	4	2.5%		0.0%		0.0%	0	0.0%
орёл 鹰		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
голубь 鸽子		0.0%		0.0%		0.0%	0	0.0%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
комар 蚊子	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
журавль 鹤	2	5.9%	1	2.4%	1	1.5%	4	2.5%		0.0%		0.0%	0	0.0%
дракон 龙	2	5.9%	3	7.3%	5	7.7%	10	6.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%
Цилинь 麒麟		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
мотылёк 蛾		0.0%	1	2.4%	1	1.5%	2	1.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%
филин 泉		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
попугай 鹦鹉		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
муха 苍蝇		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
перепел 鹌鹑	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
сова 猫头鹰	1	2.9%		0.0%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
феникс 凤凰		0.0%		0.0%	3	4.6%	3	1.9%		0.0%		0.0%	0	0.0%
сорока 喜鹊		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
горлица 斑鸠		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
ворона 乌鸦		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
пчела 蜂		0.0%		0.0%	2	3.1%	2	1.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%
ласточка 燕		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
саранча 蝗虫		0.0%		0.0%		0.0%	0	0.0%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
рыба 鱼	4	11.8%	1	2.4%	5	7.7%	10	6.3%	1	3.2%		0.0%	1	2.9%
черепаха 龟		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%
раки 虾蟹		0.0%	1	2.4%		0.0%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%

лягушка 蛙	2	5.9%		0.0%		0.0%	2	1.3%		0.0%		0.0%	0	0.0%
кит 鲸		0.0%		0.0%	1	1.5%	1	0.6%		0.0%		0.0%	0	0.0%

Следует уточнить, что в таблице представлены данные только первой группы «Содержащие одинаковые компоненты-зоонимы». Итоговые данные, выделенные в таблице оранжевым цветом, представлены ниже в виде столбчатой диаграммы, выявляющей частотность совпадающих компонентов-зоонимов в составе фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках.

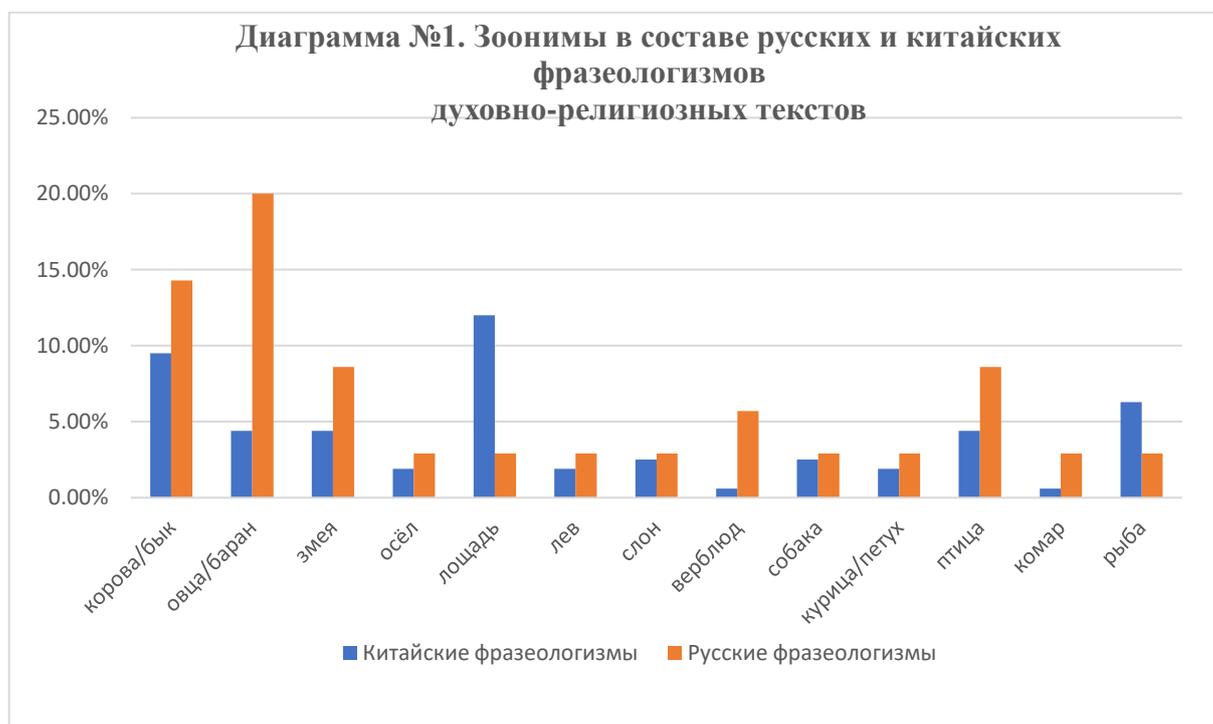

Диаграмма №1 «Зоонимы в составе русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов» показывает, что компоненты-зоонимы, такие как *овца/баран*, *корова/бык*, *змея*, *птица*, занимают важное место в русских фразеологизмах библейского происхождения, что обусловлено библейскими историями: Агнец Божий – прообраз Христа, змея – воплощение дьявола, золотой телец – символ богатства, денег. В китайской картине мира важную роль играют образы таких животных, как лошадь, корова/бык, рыба. Проведя статистический анализ данных, отражённых в диаграмме, мы установили, что 12% фразеологического материала китайского языка содержит компонент-зооним *лошадь*. В представлениях носителей китайского языка лошадь наряду с драконом, фениксом и черепахой считается одним из небесных животных.

2.1.1. Морские животные

2.1.1.1. Рыба

Компонент *рыба* частотен в русских фразеологизмах, номинирующих отрицательные качества человека, например, *Нем как рыба* (о молчаливом человеке); *Как рыба об лёд биться* (о безрезультатных усилиях); *Рыба с головы гниёт* (о нечестном руководстве) и т.д. Выражение *Из порося в карася*; *Порося превратить в карася* мотивировано особенностью русского религиозного ритуального воздержания от принятия пищи или пищевых ограничений по религиозным соображениям – поста. Во время поста запрещено вкушать мясо, но монах пренебрёг строжайшим церковным запретом и полакомился поросёнком. Монах произнёс: «Ну, порося, обратись в рыбу карася». Этот фразеологизм употребляется, когда обстоятельства вынуждают выдать действительное за желаемое, пойти на сделку с совестью.

Рыба в китайской культуре символизирует не только богатство, но также любовь и счастье. Символика любви связана с зависимостью рыбы от воды, с другой стороны, плодовитость рыбы сама по себе содержит положительный смысл – чем больше детей, тем счастливее семья. Компонент *рыба*, символизируя желаемое, положительное, присутствует в таких китайских фразеологизмах, как:

缘木求鱼 (Взбираться на дерево в поисках рыбы. Обр. в знач.: делать заведомо бесполезное дело, попусту тратить время);

鱼网鸿离 (В рыболовные сети лебеди не попадают. Обр. в знач.: получить не то, что хотел и к чему стремился; беда постигла безвинного);

得鱼忘筌 (Поймав рыбу, забыть о верше. Обр. в знач.: быть неблагодарным);

为渊驱鱼 (Отгонять рыбу к омуту. По Мэн-цзы: так делает выдра, а ей подобны дурные правители, от которых народ бежит к добрым царям. Обр. в знач.: толкать в объятия своего врага); В даосизме один из видов рыбы – чёрная рыба (даллия) является символом сыновней преданности: существенную роль в питании крупных особей даллий играет молодь собственного вида. Но сложилось народное

представление: мальки, жалея своих родителей, жертвуют собой, не желая оставить их голодными.

Русская пословица *Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше* передаёт стремление человека изменить свою жизнь в лучшую сторону. Обитание рыбы в водоёмах отражено в китайском фразеологизме, философски осмысленном в даосизме: 渊鱼之察 (Если смотреть внимательно, увидишь рыбу даже в омуте. Обр. в знач.: узнать чужую тайну). Считалось, что увидеть рыбу в омуте – дурная примета, к несчастью. В жизни не стоит следовать принципу: больше знать значит лучше жить. В книге «И Цзин» (или «Книга Перемен» 易经) [Юй Хайин, 2017, С. 4] содержится мудрое изречение: всё, что достигает своего предела, неизбежно превращаться в свою противоположность.

2.1.2. Птицы

2.1.2.1. Птица

В библейских сюжетах, сказках, мифологии нередко присутствует образ птицы, символизирующий свободу, силу, божественность, человеческую душу и т.д. Русские фразеологизмы *Как птица небесная (Божия); Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают; Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда* происходят из Евангелия от Матфея 6:26 «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Мат. 6:26). Образ птицы, в первую очередь, символизирует беззаботную, беспечную жизнь, помимо этого, содержит негативную оценку человека – тунеядца, праздного бездельника, живущего за счёт чужого труда, на чужой счёт. Второе значение появилось позднее и стало наиболее распространённым.

Конфуцианство, как морально-этическое направление, оказало влияние на картину мира, сформировавшуюся в китайской лингвокультуре. В книге «Лунь Юй» [Сюй Япинь, 2021, С. 1] записано, что 孝 (xiào) сыновняя почтительность и 弟

(dì) уважение к старшим – это и есть корень милосердия. Во фразеологической единице 鶻鷁在原 (Трясогузки на равнине. Обр. в знач.: о братьях, дружных в беде) отражается учение 弟. 鶻鷁 – вид птички с острым клювом, длинными крыльями и хвостом, при исчезновении птицы из стаи остальные кричат и ищут пропавшего. Название этой птицы в метафорическом употреблении также обозначает талантливую, способную работницу. Данное значение манифестируют обороты 良禽择木 (Хорошая птица разборчива в деревьях. Обр. в знач.: хороший человек разборчив в людях, которым служит) и 鹤鸣之士 (Учёный с большим именем без должности (по «Шицзину»: журавль кричит на дальнем болоте, крик разносится по полям)).

Основой даосского учения является простота, стремление к естественности – это отказ от роскошного образа жизни и активной деятельности, сокращение чрезмерных желаний в отношении самого себя. Морально-нравственные идеалы даосизма закреплены в таких устойчивых оборотах, как:

鶻鷁一枝 (Крапивник гнездится лишь на одной ветке. Обр. в знач.: иметь только одно место жительства либо одну работу);

鶻居鷁食 (Жить как перепел и питаться как птенец. Обр. в знач.: жить без постоянного местожительства и возможности выбора пищи, вести скромный образ жизни и быть неприхотливым в еде).

Отметим, что даосы считают бесплодными поступки, нарушающие естественные правила. Фразеологизм даосского происхождения 断鹤续凫 (Отрубить ноги журавлю и приставить их утке. Обр. в знач.: о противоестественном) утверждает, что противоестественность приносит только вред, оказывается смешной и абсурдной.

2.1.2.2. Петух

Петух издавна близок человеку. Люди хорошо знают повадки этого животного и переносят особенности поведения петуха на тех, кто своими поступками напоминает эту домашнюю птицу. В русских песнях, сказках,

пословицах и поговорках образ петуха ассоциируется с человеком, демонстрирующим важность и задиристость, например, *Важный как петух*; *Ходить петухом* и т.д. В преданиях и суевериях обоих народов петух имеет магическую силу: «его пение отгоняет злых духов, ночных демонов и призраков» [Таньлинь, 1997, С. 423]. В русской лингвокультуре петух также наделён особыми свойствами, зависящими от цвета его оперения: «красный противопоставляется чёрному. Красный петух считался добрым предзнаменованием, чёрный же петух – дурным, и порождением дьявола» [Таньлинь, 1997, С. 424]. У китайцев подобная цветовая символизация отсутствует. Русский фразеологизм *Пусть красного петуха* связан с мифологической символикой петуха. Красный петух у славян воплощал бога огня; согласно древнему славянскому мифу, петух был принесён в жертву Сварогу – богу солнца и света, олицетворению неба.

Китайские фразеологизмы с компонентом *петух* в большей степени передают отрицательную оценку, хотя образ петуха в Китае является положительным, обозначает свет, надежду, прилежность и т.д. Как известно, петух – своеобразные поющие часы, именно петух, а не курица кукарекает в суточном цикле. Поющую курицу китайцы считают дурной приметой. Во фразеологизме 牝鸡司晨 (Курица вместо петуха возвещает рассвет. Обр. в знач.: жена управляет мужем и его делом, напр. Фаворитка заправляет государством) формализуется одно из пяти правил великих взаимоотношений, содержащихся в учении Конфуция: благочестивое отношение мужа к жене и покорность жены мужу. Следовательно, подчинение мужа жене означает разрушение семьи. Фразеологизм с данным компонентом 鸡犬升天 (Один из членов семьи стал святым, петухи и собаки его – небожителями. Обр. в знач.: одного человека повышают в должности, и вслед за ним родственники поднимаются вверх по служебной лестнице) отражает важнейшую идею даосизма – познать дао, достичь бессмертия и превратиться в божество.

2.1.3. Наземные животные

На Диаграмме №1 «Зоонимы в составе русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов» показано, что по частоте употребления в составе фразеологизмов духовно-религиозных текстов первые три позиции занимают зоонимы *овца/баран/agneц, корова/бык/телец* и *змея*. Русские фразеологизмы духовно-религиозных текстов с данными компонентами в количественном отношении превосходят китайские.

«Для обозначения видов животных в русском языке могут использоваться в одних случаях существительные мужского рода (*крот, як*), в других – существительные женского рода (*пантера, мышь*). В китайском языке слова, обозначающие вид животного, не имеют показателя рода» [Кай, 2008, С. 60]. Так, в русском языке различаются названия животных мужского и женского пола: *баран/овца, козёл/коза, бык/корова*; в китайском же языке чаще используют общее название животного, без указания на половой признак, например, 羊 (*yáng*) и 牛 (*niú*).

2.1.3.1. Овца/баран; козёл/коза

Образы овцы/барана, козла/козы в русской картине мира символизируют слабость, ассоциируются с жертвой, передают отрицательную оценку. Но в христианстве агнец является символом самого Спасителя Христа, символом чистоты, чистой и непорочной жертвы. Агнец Божий – одно из наименований Иисуса Христа, известное из Евангелия от Иоанна 1:29. В переносном значении *agneц* обозначает кроткого, послушного человека. В библеизме *Агнец Божий* Иисус Христос уподоблен непорочному ягнёнку как жертвенному животному, искупающему грехи людей. В современном русском языке данный фразеологизм обозначает, прежде всего, чистого, невинного, смиренного, послушного человека. Со временем оборот «*Агнец Божий (непорочный)*» изменил семантику на противоположную: так часто называют лицемера, изображающего из себя невинную, беззащитную жертву. Аналогичное значение присуще фразеологизму *прикидываться/прикинуться агнцем <Божьим>*» [Дубровина, 2010, С. 19].

В Библейском выражении *Заблудшая овца* [овечка] (душа) верующие сравниваются с овцами, Христос – с пастырем. В качестве символов добра и зла Иисус противопоставил овец козлам, что нашло отражение в обороте *Отделять/отделить овец [овнов] от козлищ*. *Козёл отпущения* – весьма распространённый фразеологизм, присутствующий в разных языках, в том числе в китайском; обозначает человека, на которого возложили ответственность за действия и неудачу других людей с целью сокрытия её подлинной причины и настоящего виновника. В христианской теологии *Козёл отпущения* зачастую интерпретируется как прообраз самопожертвования Иисуса Христа.

В китайском языке весьма частотны фразеологизмы с компонентом 羊 (yáng) для обозначения счастья, благополучия. В «Толковом словаре китайских иероглифов» слово 羊 представлено в значении «знамение, предзнаменование; добро, счастье» [Сюй Шэнь, 2016, С. 114]. Устаревший оборот 吉祥 (jí yáng) заменён современным выражением 吉祥 (jí xiáng). Левый элемент иероглифа 吉 имеет значение «духи, божества». В соответствии с даосской доктриной, во время жертвоприношения древние китайцы, помещая барана рядом с дощечкой с именами предков или богов, желали обрести дарованные духами удачу и счастье. Во фразеологической единице 三阳开泰 слова 羊 (yáng) и 阳 (yáng) – омофоны, обозначающие приход весны, активное, светлое начало, полное благополучие.

Политический идеал Конфуция состоял в гуманном управлении государством, создании гармоничного общества, заботе правителя о подданных, любви к ближнему. Учение Конфуция послужило источником фразеологизма 素丝羔羊 (Белый шёлк и шкура ягнёнка. Белый шёлк символизирует чистоту, честность; шкура ягнёнка – прозрачность), используемого для характеристики справедливого и бескорыстного чиновника.

В русской и китайской лингвокультурах отмечается сходное представление о ягнёнке как жертвенном животном, например:

屠所牛羊 (Корова и овца в бойне. Обр. в знач.: человек, находящийся на краю гроба);

爱礼存羊 (Оборот взят из Изречения 41 в книге «Беседы и Суждения». Ученик Конфуция Цзы Гун хотел отменить жертвоприношение барана в новолуние. Мудрец сказал: «Цзы, тебе дорог баран, а мне дорого соблюдение». Обр. в знач.: сохранить ритуал с целью не забыть важное, коренное) [Сюй Япинь, 2021, С. 16].

Фразеологизм с компонентом 歧路亡羊 происходит из даосского классического трактата «Ле-цзы» [Чжан Шэнь, 2024, С. 235]. Данное выражение повествует, как не могли найти барана, потому что не знали, по какой дороге он ушёл. Переносное значение: в сложной ситуации трудно найти правильное решение. Ле-цзы дал ученикам совет: в поисках истины человек оказывается в сложной ситуации, и, если не будет следовать правильным путём, заблудится, собьётся с истинного пути.

2.1.3.2. Корова/бык/телец

У многих народов имеется представление о 𐍎 (niú. корова) как символе богатства и благополучия. В религиозных представлениях китайских буддистов компонент 𐍎 (niú) является названием священного животного, символом силы и зажиточной жизни, воплощением самого Будды. В Библии бык и телец – жертвенные животные (Исх. 24:5), (Лев. 1:1, 7, 8).

Золотой телец – идол, предмет культа отступивших от Бога Израиля. В Библии *Золотой телец* обозначает рукотворного кумира, поклонение которому находится под запретом в Десяти заповедях. В новой европейской культуре золотой телец – символ наживы, власти денег, богатства, алчности. *Поклоняться золотому тельцу* в русском языке семантизируется как «видеть главную жизненную ценность в богатстве, деньгах» [Дубровина, 2010, С. 229].

Немало фразеологизмов библейского происхождения, основанных на известных историях и легендах, в современном русском языке приобрели новое толкование, например, фразеологизмы *Фараоновы тощие коровы* и *Семь тощих коров и семь коров тучных*. Выражение *Фараонова тощая корова* в форме

единственного числа используется для обозначения человека, прежде всего, худого, измождённого, а также для характеристики людей, «которые сами ничего достойного создать не могут, но пользуются плодами труда людей талантливых, деятельных (неодобр., презрит.)» [Серов, 2005, С. 665]. В «Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов» К. Н. Дубровиной содержится следующее толкование данного оборота: «Люди, группы, сообщества, которые своими устаревшими, отжившими идеями и бесплодной деятельностью губят всё новое и прогрессивное» [Дубровина, 2010, С. 681].

В китайской культуре образ 牛 (niú. бык) тесно связан с основателем даосизма Лаоцзы, которого обычно изображают уезжающим на зелёном быке на запад. Характер быка спокойный, мягкий и терпеливый, и, наряду с зелёным цветом, символизирующим жизнь, природу и гармонию, воплощает даосское представление о «достижении бессмертия» [Дэн Гоцзюнь, 2022, С. 93]. С течением времени зелёный бык становится символом даоса и даже даосизма, например, 青牛道士 (Даос, ехавший на зелёном быке).

Во фразеологической единице 呼牛呼马 (Называй хоть коровой, хоть лошастью. Обр. в знач.: безразлично относиться к любой оценке) актуализируется основное учение Лаоцзы, которого принимают как воплощение Дао. Образ 牛 (корова/бык), лежащий в основе данного оборота, ассоциируется с человеком низкого социального положения. По учению не только Лаоцзы, но и другого основоположника даосизма Чжуан-цзы, для достижения покоя и душевного благополучия необходимо избавиться от излишеств и вернуться к первобытнообщинной жизни, уважать объективные законы и формы жизни, существующие в природе. Крылатые выражения 庖丁解牛 (Повар разделывает коровью тушу) и 目无全牛 (Смотреть на бычью тушу не как на единое целое. Обр. в знач.: быть мастером своего дела, знать дело до мельчайших деталей) утверждают, что познание природных закономерностей способствует достижению совершенства.

Следует отметить, что фразеологизмы буддийского происхождения с компонентом 牛 (niú), например:

牛头阿旁 (Эпан – чудовище с бычьей головой, в аду подвергающий мучениям грешников. Обр. в знач.: лицемерный, жестокий человек);

牛头马面 (Бычья голова и лошадиное лицо. В китайской традиционной культуре два служителя в потустороннем мире, один – с головой быка, другой – с лошадиной мордой. Обр. в знач.: отвратительный и злой человек; тёмные силы);

牛鬼蛇神 (Бычий демон и змеиный дух. Обр. в знач.: отвратительный, чудовище), – имеют негативную окраску, образом 牛 (niú) символизируют отвратительную личность, так как «голова быка (самая важная часть, так как в ней содержится его жизненный принцип) означает жертву и смерть» [Бык – Энциклопедия знаков и символов (symbolarium.ru). – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%8B%D0%BA>].

2.1.3.3. Змея

В представлениях носителей русского и китайского языков змея наделена, прежде всего, ярко выраженными отрицательными чертами, является воплощением зла, неблагодарности, коварства. С одной стороны, компонент *змея* входит в состав библеизмов, обозначающих Сатану, Дьявола, например, *Змий [змея]-искуситель*. С другой стороны, образ змеи конкретизируется определением *мудрая*, закреплённом во фразеологической единице *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* – обращении Иисуса к апостолам с призывом быть благоразумными. Мудрость понимается как «осторожность и сообразительность этих животных во время опасности, когда они могут защитить себя и проявить удивительную находчивость и сноровку» [Дубровина, 2010, С. 60].

В китайском языке, как и в русском, слово *змея* имеет коннотативное значение «коварный человек», актуализированное во фразеологических оборотах буддийского происхождения:

佛口蛇心 (Уста Будды, а сердце змеиное. Обр. в знач.: сладкие речи, а в сердце злоба);

龙蛇混杂 (Смешение драконов и змей. Обр. в знач.: разношёрстное, смешанное общество). Выражение 一朝被蛇咬, 十年怕草绳 (Однажды быть ужаленным змеей, десять лет бояться даже колодезной верёвки) – в результате тяжёлых испытаний человек становится трусливым и крайне осторожным. Экстерьер змеи, её повадки, способность жалить означают угрозу и зло, зафиксированные во фразеологизме: 封豕长蛇 (Крупный кабан и длинный удав. Обр. в знач.: жадный и жестокий агрессор).

Следующие фразеологизмы конфуцианского происхождения выражают китайскую мудрость: 龙蛇之蟄 (Драконы и змеи прячутся в землю, чтобы остаться в живых. Обр. в знач.: с целью достижения дальнейших успехов можно временно терпеть обиду, несправедливость); 打蛇打七寸 (Бить змею по семи цуням. Обр. в знач.: бить по уязвимому месту, попасть в точку).

Рассмотрим фразеологизмы русского и китайского языков, несовпадающие по значению и компонентному составу.

1. В русском языке

1.1. Свинья

В полученных методом сплошной выборки русских фразеологизмах найдены две идиомы библейского происхождения с компонентом *свинья*. Образно-коннотативное осмысление свиньи в русской традиции – это представление о свинье, как о грязном, грубом, неблагодарном животном. В христианстве доминантный образ свиньи соотносится с человеком, который не стремится к духовным ценностям, истине, слову Божьему. Данное переносное значение реализуется в таких библеизмах, как: *Метать (рассыпать) бисер <перед свиньями>* и *Свинья грязи найдёт*. Выражение *Метать (рассыпать) бисер <перед свиньями>* восходит к Нагорной проповеди Иисуса: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Мат. 7:6). В этом высказывании заключена мысль о том, что бесполезно говорить о высоких материях с людьми, которым они недоступны или неинтересны; не стоит пытаться приобщить к

духовным ценностям тех, чьи души и ум неразвиты, или тех, кто сознательно не желает духовного развития. Выражение *Свинья грязи найдёт* восходит к Новому Завету, в котором Павел говорит о последствиях отступничества от Господа и осуждает лжепророков и лжеучителей, оставивших прямой путь истины, путь правды и погрязших в грехах и пороках. Ибо лучше было бы им не узнать пути праведности, чем, узнав, вернуться назад от переданной им святой заповеди. В христианской традиции свинья причислена к нечистым животным, служит символом греха. В Исламе свинина запрещена для употребления. Намеренное угощение мусульманина обманным способом свинными продуктами вызовет его гнев, приведёт к неприятностям: *Подложить свинью*.

1.2. Голубь

В русских фразеологизмах голубь, в первую очередь, ассоциируется со светом, миром и миротворчеством, что отражается в выражении *Голубь мира*; а также – со смирением и кротостью христиан, например, *Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*. В Библии голубь является символом Святого Духа (Иоан.1:32).

Теперь рассмотрим специфическое понимание образов некоторых животных в китайской картине мира.

1. В конфуцианстве

凤凰 (*fèng huáng* Фэнхуан-феникс) в китайской мифологии понимается как царь-птица. В мировоззрении китайцев данная птица, наряду с драконом, цилинем и черепахой, является воплощением таких идей конфуцианства, как предприимчивость, благородство и счастье, гуманность и справедливость. Внешний облик этой птицы представлен следующим образом: «На голове его узор в виде иероглифа «добродетель» (*дэ*), на спине – «человеколюбие» (*жэнь*), на холке – «справедливость» (*и*), на груди – «честность» (*синь*). «Шань хай цзин» («Каталог гор и морей») уточняет, что справедливостью (*и*) отмечены его крылья, честностью (*синь*) – живот, «совершенством» (*жэнь*) – грудь, а благовоспитанностью (*ли*) – спина» [Сомкина, 2008, С. 289]. Согласно древним китайским преданиям, когда

феникс появился на земле, в Китае наступили мир, спокойствие и счастье: 凤凰来仪 (Появление пары фениксов. Обр. в знач.: счастливое предзнаменование).

Китайское слово *фэнхуан* образовано из двух иероглифов: первый иероглиф 凤 (fèng) означает самца птицы, олицетворяющего «божество ветра – посланца небесного владыки» [Таньлинь, 1997, С. 402], второй иероглиф 凰 (huáng) – самку, которая ассоциируется со словом 皇 (huáng), символом власти и силы, сверхъестественности. 凤 (fèng) считается птицей счастья, птицей, способной приносить счастье, фразеологизм 凤鸣朝阳 (Феникс поёт навстречу утреннему солнцу. Обр. в знач.: всё обещает счастье) восходит к конфуцианской книге «Ши-цзин» (Книга песен, 诗经): «凤皇鸣矣, 于彼高冈; 梧桐生矣, 于彼朝阳» (И ныне фениксы поют четой, на том хребте поют, что так высок... Растут утунги на горе на той, чей склон глядит под солнцем на восток) [Лю Пин, 2020, С. 228]. Кроме того, 凤 (fèng) также стал синонимом любви, в Китае, в основном, – символом супружеской любви: 鸾凤和鸣 (Согласное пение луани и феникса. Обр. в знач.: счастливый брак, жить душа в душу).

В русской языковой картине мира сформировалось другое представление о фениксе – это чудесная птица с головой женщины. Мифологическая птица феникс сжигает себя и вновь возрождается, восстаёт из пепла молодой и обновлённой. Таким образом, в русской лингвокультуре феникс – символ вечного обновления, бессмертия, обозначает возрождение, воскрешение.

2. В даосизме

Следует отметить, что неприглядная внешность, странные повадки, присущие таким животным, как летучая мышь, жаба, ворона, в западной культуре зачастую соотнесены со смертью, дурной приметой, но в китайской лингвокультуре, особенно под воздействием даосской школы, с ними связывали счастье, долголетие и другие желаемые события.

Летучая мышь – по-китайски 蝙蝠 (biān fú). Символика названия этого животного основана на омонимии: 蝠 (fú) и 福 (счастье, благополучие) совпадают

в произношении. Поэтому на воротах домов древних китайцев были изображены пять летучих мышей, обозначающих *五福临门* (Пусть счастливая пятёрка постучится в двери (долголетие, богатство, спокойствие, добродетель и кончина в преклонные годы)). В народе бытует поверие, что «Тянь-гуань дарует счастье, Ди-гуань отпускает грехи, а Шуй-гуань отводит беды» [Королев, 2007, С. 22]. Бог Тянь-гуань, окружённый чудесными облаками и пятью летучими мышами, наступил на персик, символизирующий долголетие. На данной поверии основан фразеологизм *多福多寿* (Много счастья, долгая жизнь).

Лягушка полезна природе, однако образное значение компонента *лягушка* в составе фразеологических оборотов содержит негативные характеристики человека ограниченных взглядов, узкого кругозора – *井底之蛙* (Лягушка на дне колодца); *井蛙之见* (Кругозор лягушки на дне колодца. Обр. в знач.: о человеке с узким мировоззрением). Эти фразеологизмы происходят из книги «Чжуан-цзы» (庄子): «井蛙不可以语于海者, 拘于虚也。」 (С лягушкой, живущей в колодце, не поговоришь об океане, ведь она привязана к своей дыре) [Малявин, 2017, С. 57]. В китайской мифологии жаба является одним из издревле почитаемых тотемов, с жабой связано множество различных примет и поверий. В известной каждому китайцу легенде «Чань Э возносится к луне» боги, в наказание, превратили красавицу Чань Э в трёхлапую жабу, поэтому Лунный дворец также называют Дворцом лунной жабы. В соответствии с традиционными представлениями, *登蟾宫* (Ступить в Лунный дворец); *蟾宫折桂* (В Лунном дворце сорвать ветку коричневого дерева), великая честь получения учёной степени сравнивалась с посещением Лунного дворца. Жаба в китайской лингвокультуре обозначает не только долголетие, но и богатство, не случайно статуэтку денежной жабы с монеткой во рту можно увидеть в китайском доме, офисе, ресторане; она считается богом богатства, символом материального благополучия.

В даосизме, кроме вышеупомянутых, много животных, символизирующих долголетие, например, черепаха, дракон, олень, журавль. Как символ долголетия

образ оленя изображён в трактате «Баопу-цзы», созданном известным даосском философом Гэ Хуном, «Олень, проживший 500 лет, стал белым» [Го Юй, 1987, С. 63]. На основе омонимии компонент *олень* 鹿 (lù) тождествен слову 禄 (блестящая карьера). Согласно народным представлениям, бог Фу 福 – покровитель счастья, бог Лу 禄 – защитник богатства и бог Шоу 寿 – покровитель долголетия на китайской новогодней картине изображены в образах мудрых стариков, сопровождаемых оленем. В символическом значении оленя, закрепившемся во фразеологической единице 高官厚禄 (Высокий чин, щедрое жалованье), воплощается китайская мечта о счастливой жизни.

Даосы почитают священного журавля. В даосизме повсеместно присутствует его образ, символизирующий бессмертие, долгожительство, опытность, верность. В народной мифологии небожители путешествуют по облакам на журавле, и даосы, достигшие Дао, на журавле покидают этот мир, уходят из жизни. Фразеологизм 松鹤延年 (Сосна и журавль символизируют долголетие). Кроме того, в буддизме образ журавля часто используют для описания свободной монашеской жизни, 孤云野鹤 (Одинокая туча и дикий журавль. Обр. в знач.: учёный-отшельник, или монах, бежавший от общества).

3. В буддизме

В традиционной китайской культуре, согласно учению фен шуй, слон считается прекрасным животным, символом богатства, устойчивости, здоровья и выносливости. Распространившийся в Китае буддизм познакомил китайцев с образом слона, в частности, белого, вызывавшего всё большую симпатию населения. Слон – наиболее почитаемое священное животное в буддизме: согласно легенде, белым слоном был сам Будда в одном из воплощений. В буддизме белый слон символизирует чистоту, непорочность, силу, мудрость, стойкость. Именно поэтому буддисты почитают белого слона. Слон также олицетворяет духовный рост и духовную стабильность: 香象渡河 (Как слон, переходящий реку. Обр. в знач.: о человеке, который познал истинное); 盲人摸象 (摸象众盲) (Слепые ощупывают

слона (притча о слепых, которые, ощупывая слона, высказывали самые разные предположения, что бы это могло быть). Обр. в знач.: за деревьями не видеть леса, узость взглядов).

В двух сопоставляемых языках имеются фразеологизмы с компонентом *слоновая кость* и *象牙* и эквивалентные по значению выражения: *Баиня из слоновой кости* и *象牙之塔*. Как известно, на слонов охотились с целью получения слоновой кости – драгоценного материала для изготовления предметов роскоши. Соответственно, в китайском языке имеется фразеологизм: *象齿焚身* (Слона губят его клыки. Обр. в знач.: богатство приносит несчастье).

Таким образом, сопоставительное изучение зоонимосодержащих фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках позволяет выявить и воссоздать наивную картину мира двух наций. Проведённый анализ даёт основание заключить, что совпадение семантики и компонентного состава фразеологизмов обусловлено, прежде всего, совпадением базовых общечеловеческих морально-нравственных доктрин как основ соответствующих религий. На фоне разных конфессий у носителей русского и китайского языков наблюдаются значительные расхождения в национально-культурных коннотациях образов животных: образ одного и того же животного в разных культурах порождает не совпадающие символы и языковые репрезентации.

2.2. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом

Всё большей актуальностью характеризуются лингвистические исследования, выполненные в русле лингвокультурологии. Одним из важных понятий лингвокультурологии является понятие языковой картины мира, в рамках которой работают большое количество известных исследователей. Так, В. А. Маслова приписывает языковой картине мира специфическую окраску, «обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой

деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2001, С. 66]. В качестве зеркала жизни народа фразеологизмы занимают важное место в создании языковой картины мира и, по утверждению В. Н. Телия, могут «выполнять роль эталонов, стереотипов культурно–национального мировидения или указывать на их символичный характер и в этом качестве выступают как языковые экспоненты (носители) культурных знаков» [Телия 1983, С. 173]. Перейдём к анализу фитонимических фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках.

В Библии сказано, что на третий день Бог создал сушу, моря и растения: зелень, травы и деревья, приносящие плоды. Таким образом, растения появились раньше, чем животные и человек. Являясь основой жизни на планете, растения не только создают неповторимую красоту природы, они многофункциональны: являются источником кислорода и питания для человека и животных, используются как строительный материал, из растений производят ткани, из трав делают лекарства и т.д.

Рост и развитие растения заключает в себе огромную тайну: из семени развивается зародыш, затем появляются цветы и, наконец, созревают плоды. Этот процесс побуждает человека задуматься над жизнью растений и её связью с жизнью человека. В ходе исторического развития растение наделяется национальной ментальностью того или иного народа, обусловленной уникальными обычаями и географией, национальной психологией, образом жизни и существенным фактором – религиозными верованиями. Следовательно, объект исследования – фитонимические фразеологизмы духовно-религиозных текстов представляют собой важный фрагмент языковой картины мира.

Материалом данной части диссертационного исследования являются 27 русских фразеологических единиц и 66 фразеологических единиц китайского языка. К данному типу фразеологизмов мы также относим единицы, имеющие в своём составе не только названия самого растения, но и названия его частей, например, *корень, сучок, листья* и т.д.

Согласно классификации растений в монументальном труде «Систематизированный свод корней-трав» ((Кит.:本草纲目) Бэньцао ганму), созданном китайским фармакологом XVI века Ли Шичжэнем, оказавшем огромное влияние на развитие мировой медицины, ботаники, зоологии, представлены типичные виды растений, хлебные зерновые культуры, названия древесных растений, травянистых растений, названия овощей, названия фруктов [Ли Шичжэнь, 2017, С. 5], кроме того, в сферу нашего анализа включены названия цветов.

Применение статистического анализа позволяет обрабатывать большие объёмы фразеологических единиц и обнаруживать соотношение фразеологизмов духовно-религиозных текстов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках. Мы распределили изучаемые фразеологизмы на шесть групп. Данные, представленные в **таблице №4 «Соотношение фразеологизмов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках»**, демонстрируют количество фразеологических единиц в каждом языке и их процентное отношение к общему количеству фразеологизмов.

Таблица №4 Соотношение фразеологизмов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках

Источники фразеологизмов	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 25		Другие 2		Всего 27		Конф. 33		Дао. 7		Будд. 26		Всего 66	
Виды растений	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
хлебные зерновые культуры 谷类	2	8.00%	0	0.00%	2	7.40%	6	18.20%	0	0.00%	1	3.80%	7	10.60%
древесные растения 木类	14	56.00%	0	0.00%	14	51.90%	7	21.20%	5	71.40%	9	34.60%	21	31.80%
травянистые растения 草类	3	12.00%	0	0.00%	3	11.10%	7	21.20%	0	0.00%	2	7.70%	9	13.60%
овощи 蔬菜	1	4.00%	1	50.00%	2	7.40%	2	6.10%	1	14.30%	1	3.80%	4	6.10%
цветы 花	0	0.00%	1	50.00%	1	3.70%	6	18.20%	0	0.00%	17	65.40%	23	34.80%
фрукты 果	5	20.00%	0	0.00%	5	18.50%	3	9.10%	0	0.00%	1	3.80%	4	6.10%

Диаграмма №2. Количественное соотношение фитонимических фразеологизмов в русском языке

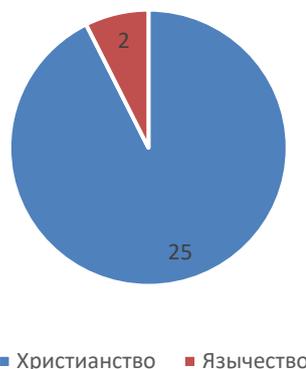
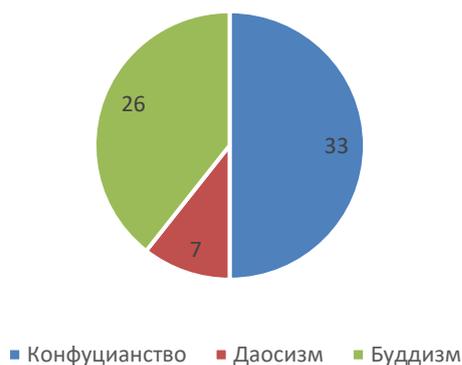
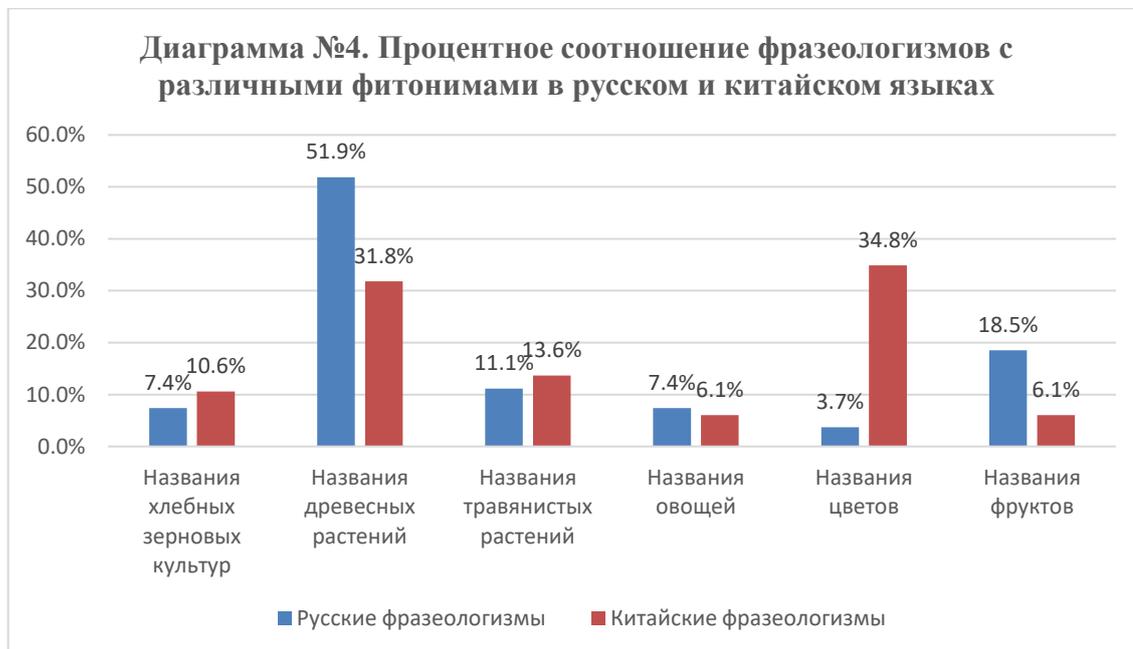

Диаграмма №3. Количественное соотношение фитонимических фразеологизмов в китайском языке

Количественный анализ источников фитонимических фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском языке (Диаграмма №2) показывает, что более 90% фразеологических единиц происходит из Библии и лишь 10% фразеологизмов имеет языческие истоки. Диаграмма №3 демонстрирует, что конфуцианство является основой 50% китайских фразеологизмов с компонентом-фитонимом; второе место занимает буддизм, который, будучи новой экзотической религией, восполнил в традиционной китайской идеологии дефицит непосредственного мировосприятия и при этом обогатил китайскую культуру. Заметим, что фитонимических фразеологизмов даосского происхождения мало, но даосские идеи, например идея бессмертия, отражены в фитонимической лексике и других языковых единицах, например, частотны обороты с названием *///*

(небожитель бессмертный): 仙人掌 (ладонь бессмертного (сорт чая)), 天仙藤 (фибраурейя (*Fibraurea recisa*)), 凤仙 (садовый бальзамин), 水仙 (нарцисс или владыка вод).

По данным таблицы «Соотношение фразеологизмов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках» составлена Диаграмма №4 «Процентное соотношение фразеологизмов с различными фитонимами в русском и китайском языках». На Диаграмме №4 представлены самые частотные названия жизненных форм растений в составе фразеологизмов духовно-религиозных текстов: в китайском языке это названия цветов (34, 8%) и древесных растений (31,8%), в русском языке – названия древесных растений (51,9%) и фруктов (18,5%). Сопоставление фитонимических элементов в составе фразеологических единиц обнаружило сходства коннотаций в русской и китайской лингвокультурах, а также различия, проявляющиеся, прежде всего, в разновидностях растений. Так, например, яблоко воспринимается носителями русского языка как символ единства, плодородия, в Библии приобрело образно-коннотативное значение «запретный плод, искушение», отсутствующее в китайском языке.

2.2.1. Названия травянистых растений

Во фразеологических единицах с компонентом *трава* в русском и китайском языках выявлено семантическое сходство, поскольку обнаружены совпадающие представления об особенностях травянистых растений, а также применение их названий для обозначения чего-л. малозначащего для человека. В русском языке найдено такое библейское выражение, как *Горчичное зерно* или *С горчичное зерно*, означающее что-либо малое и незначительное по размеру. В китайском языке обнаружено большее количество фразеологизмов с данным компонентом, по своему происхождению связанных в основном с учением Конфуция:

一草一木 (Одна травинка и одно дерево. Обр. в знач.: о самом малом);

一介不取 (Хоть бы травинку не брать. Обр. в знач.: неподкупный, честный) – из книги «Мэн-цзы» (孟子): «一介不以与人, 一介不以取诸人。」 (Он не дал бы никому и не взял бы ни у кого ни былинки, вопреки той справедливости) [Меньшиков, 1999, С. 140].

视如土芥 (Рассматривать как пыль и травиночку. Обр. в знач.: презреть кого-л., считать кого-л. ничтожеством) – из книги «Мэн-цзы» (孟子): «君之视臣如土芥, 则臣视君如寇仇» (Если государь смотрит на слуг, как на ничтожные былинки и горчичные зернышки, тогда слуги смотрят на государя, как на разбойника и врага) [Меньшиков, 1999, С. 117].

Хотя травинка, по сравнению с высоким деревом, мала и слаба, но её жизненная сила велика и упорна, именно поэтому китайцы связывают с ползучими травами трудно победимые чёрные силы, 斩草除根 (Скосить траву и вырвать корни. Обр. в знач.: вырвать с корнем, уничтожить решительно и бесповоротно). Фитонимы «конденсируют своеобразный комплекс культуры и психологию данного народа, неповторимый способ его креативного мышления» [Седых, 2018, С. 158].

Во фразеологизмах с компонентом «трава» сосредоточена китайская мудрость:

一薰一莸 (Одни травы ароматны, другие – зловонны. Обр. в знач.: добро и зло; злое всегда будет скрывать доброе);

拔茅连茹 (Когда выдёргивают тростинку, за ней тянутся сплетённые корни. Обр. в знач.: талантливый человек выдвигает вместе с собой других талантливых людей);

风吹草偃 (Когда ветер дует, трава склоняется) из книги «Беседы и суждения Янь Юаня», Конфуций метафорически изложил принцип нравственного воспитания: правитель подобен ветру, а народ – траве, мудрый правитель управляет народом правильным способом – своей добродетелью, а не насилием [Переломов, 2001, С. 93].

Во фразеологизме 三年之艾 (Трёхлетняя полынь, применялась для лечения болезней. Обр. в знач.: о запасе, запасливости. Заранее подготовиться к чему-л.) также проявлена мудрость Мэнцзы, второго после Конфуция представителя конфуцианства.

2.2.2. Названия хлебных зерновых культур

В русском и китайском языках мало фразеологизмов (в том числе духовно-религиозных текстов) с компонентом «хлебные зерновые культуры» (в русском языке – 7,4%; в китайском языке – 10,6%).

Образ пшеницы, присутствующий в сознании двух народов, теснейшим образом связан, прежде всего, с жизнью, плодородием, богатством. Являясь компонентами фразеологизмов, названия пшеницы подвергались семантическим изменениям, обусловленным историческими реалиями и религиозными представлениями. В русском языке фразеологическая единица *Отделять зёрна от плевел*, возникшая из притчи в Новом Завете (Евангелие от Матфея), понятна и актуальна: отделять полезное от вредного, хорошее от плохого. В устойчивом китайском обороте *不辨菽麦* (Не отличать бобы от пшеницы), стилистически окрашенном отрицательно, представлены различия двух зерновых культур с

целью характеристики человека, не знающего даже самых простых вещей, круглого невежды.

Русский фразеологизм *Продать <своё первенство (первородство)> за чечевичную похлёбку* с фитонимом *чечевица* связан с известной библейской историей: Исав продал за чечевичную похлёбку своё первородство младшему брату-близнецу Иакову – отдал младшему брату право старшинства, променял значительное, важное, на сиюминутное, не имеющее подлинной ценности. В современном русском языке фразеологический оборот *Продать <своё первенство (первородство)> за чечевичную похлёбку* имеет значение «отдать нечто дорогое даром, совершить неравноценный обмен в ущерб себе». В китайском языке не выявлено соответствующее фразеологическое значение; коннотативный образ растения *红豆* (чечевица) служит для выражения тоски по любимому человеку в разлуке с ним.

В древнем Китае *苗* (всходы), описанные в классической литературе и религиозных произведениях, в основном обозначали начальные стадии развития хлебных злаков. В китайской ментальности под непосредственным воздействием конфуцианства сформировалось устойчивое сравнение воспитания талантов с выращиванием рассады, закреплённое в таких выражениях, как:

苗而不秀 (Посевы растут, но не цветут и не колосятся. Обр. в знач.: как бы ни был кто умён, он неизбежно останется пустоцветом, если не будет усердно учиться);

旱苗得雨 (Засушливые ростки встречаются с дождём. Обр. в знач.: добиться осуществления своих желаний; своевременная помощь в опасном положении);

揠苗助长 (При желании ускорить их рост, вытягивать руками всходы. Обр. в знач.: проявлять чрезмерное усердие, губить дело своим нетерпением).

Несмотря на наличие структурных, семантических и лингвокультурных различий, в составе фразеологизмов русского и китайского языков с компонентом-фитонимом также имеются единицы, семантически эквивалентные, например: *Что*

посеешь, то и пожнёшь и 种瓜得瓜 种豆得豆 (Посадишь тыкву, тыкву и соберёшь, посадишь бобы – бобы соберёшь).

2.2.3. Названия овощей

И русские и китайцы в качестве ценнейшего пищевого продукта используют морковь. Благодаря наличию множества полезных веществ, необходимых человеческому организму, морковь в обеих лингвокультурах воспринимается как символ здоровья и процветания. Также следует отметить, что морковь является постным продуктом, разрешённым для употребления во время христианского поста. Без знания церковной жизни трудно понять исконно русский фразеологизм *До морковкина заговенья*, который имеет значение «неопределённо долго, до времени, которое никогда не наступит, до бесконечности» [Бирих, 1998, С. 262].

В китайской картине мира морковь не стала источником образно-метафорических ассоциаций, но репа, также корнеплод, обладает особым национально-культурным значением, обусловленным её мясистым корнем, что, в частности, отражается в устойчивом выражении 不遗葑菲 (Собирая репу, не выбрасывай ботву, если корень плохой). В современном китайском языке данное выражение частотно уже в изменённых значениях: 1) «привлечь всех мастеров своего дела»; 2) «не пропустить полезных советов».

Заметим, что, по причине омонимии, фитоним 葫芦 (тыква-горлянка) и словосочетание 福禄 (счастье и карьера) совпадают по звучанию, фитоним 葫芦 (тыква-горлянка) наделен символическим значением: богатство, долголетие и счастье. Фразеологический оборот 匏瓜徒悬 (Тыква-горлянка висит в воздухе) восходит к цитате из книги «Беседы и суждения»: «吾岂匏瓜也哉? 焉能系而不食» (О! Разве я горькая тыква?! Могу ли я быть подвязанным и несъеденным) [Ян Боцзюнь, 2018, С. 217]. Используя образ висящей в воздухе тыквы, Конфуций выразил свою печаль и сожаление: талантлив, но не получил признания.

2.2.4. Названия фруктов

Полезьа фруктов для здоровья человека очевидна, фрукты также обладают приятной, сладкой свежестью, которая положительно влияет на настроение.

Яблоко, с древнейших времён входящее в рацион человека, глубоко запечатлено в сознании русского народа, упоминается в народных сказках, где ему приписываются волшебные свойства. Согласно христианской традиции, яблоко считается запретным плодом, который, в библейской истории, Адам и Ева вкусили без разрешения Творца. С тех пор образ яблока служил символом запретного плода, привлекательного и желанного.

Фразеологизм *Адамово яблоко* – это устаревшее название выступа гортани – кадыка, передне-верхней части щитовидного хряща, выступающего на передней поверхности шеи, в большей степени у мужчин. Это выражение связано с библейской легендой о вкушении Адамом запретного плода с древа познания добра и зла (запретный плод застрял в горле Адама, когда тот проглотил его).

Примечательно, что яблоко является центральным элементом значительного фрагмента русской языковой картины мира; с яблоком ассоциируют красивую девушку, доброту, здоровье, молодость. У китайцев каких-либо особых предпочтений относительно яблока не выявлено, и фразеологические единицы с таким названием отсутствуют.

Рассмотрим поговорку *Отцы ели (кислый) виноград, а у детей на зубах оскомина*. Это выражение восходит к ветхозаветной книге пророка Иезекииля, используется в значении: «родители грешны, а дети должны отвечать за их проступки» [Дубровина, 2010, С. 479]. Чаще *виноград* заменяется русской традиционной ягодой – *клюквой*, кислой ягодой круглой формы: *Отцы ели клюкву, а у детей оскомина на зубах*.

В китайской традиции издревле ценятся персик и слива, не только в связи с их прелестными цветами, но и благодаря изобилию свежих и сочных плодов. Поскольку персик и слива расцветают весной, сочетание двух слов-фитонимов используется в первую очередь в качестве символа наступления весны, нового

начала, красивых невесты и жениха, о чём свидетельствует имеющееся в конфуцианстве выражение: *夭桃秠李* (Нежный персик и пышное сливовое дерево. Обр. в знач.: о красивых невесте и женихе). Фрукты персик и слива также символизируют учеников и их последователей. Конфуций открыл первую в мире частную школу, доступную каждому, воспитал многочисленных учеников, о чём свидетельствует поговорка *桃李满天下* (Везде и всюду растут персики и сливы. Обр. в знач.: в любом уголке встречаются ученики и воспитанники).

Ритуал играет исключительно важную роль в китайской культуре. Конфуций требовал, чтобы ученики изучали его труды и строго соблюдали нормы морали и этикета. Фразеологизм *礼尚往来* (В вежливости (этикете) ценится взаимность; отвечать на любезность следует любезностью), возникший на основе истории, связанной с Конфуцием, является коммуникативным эталоном китайской традиции.

Обладая красотой и высокими вкусовыми качествами, фрукты становятся приятным подарком, что отражается в китайских фразеологизмах *投桃报李* (Подарить персик и получить в благодарность сливу) и *投瓜报玉* (Подарить папайю и получить в благодарность яшму), означающих искреннюю благодарность за оказанную помощь.

2.2.5. Названия древесных растений

Дерево как часть природы является неотъемлемым атрибутом жизни и культуры человека. В языческой картине мира образ дерева был связан с мифической силой, богами, плодородием. В «Ветхом завете» сказано, что в Эдемском саду росли разные деревья, приятные на вид, в том числе, древо жизни, поставленное в центр сада, символизирующее вечную жизнь. В современном русском языке образно-коннотативное значение фразеологизма *Древо жизни* контекстуально трансформируется. Так, «Энциклопедический словарь библейских

фразеологизмов» фиксирует два новых значения: «источник физически и нравственно здоровой жизни; символ вечного бытия» [Дубровина, 2010, С. 262].

Фразеологизм *Древо познания добра и зла* обозначает, согласно библейской книге Бытия, особое дерево, посаженное Богом наряду с деревом жизни. Древо познания добра и зла – центр сюжета грехопадения: Адам, первый человек, сотворённый Богом, и его жена Ева по наущению дьявола в обличье змея, нарушив запрет Господа, вкусили от дерева познания добра и зла и были изгнаны из райского сада. Библейский сюжет нашёл отражение в вариантах фразеологизмов: *Вкушать / вкусить от древа познания <добра и зла>* с переносным значением «приобретать знания, постигать суть разнообразных явлений» [Дубровина, 2010, С. 85]; *Вкушать/ вкусить (пожинать / пожать) плоды <чего, чьи>* в современной русском языке – «пользоваться достигнутыми результатами, либо переносить последствия ошибочных действий». Сочетание *Запретный плод* и фразеологизм *Запретный плод сладок* обозначают нечто желанное, привлекательное, но недозволенное, запрещённое.

Китайские мудрецы наделяют дерево разнообразными философскими смыслами. Книга самого влиятельного китайского мыслителя Конфуция «Беседы и суждения» стала источником фразеологизмов *朽木不雕* (Из гнилого дерева хорошей вещи не вырежешь) и *朽木粪墙* (Гнилое дерево (по которому нельзя резать узор) и глина с навозом (стены из которой не поддаются отделке)): «朽木不可雕也，粪土之墙，不可圻也。」 (На гнилом дереве не сделаешь резьбы, грязную стену не сделаешь белой.) [Переломов, 2001, С. 32], внутренние формы которых содержат компонент «гнилое дерево», символизирующий дурного, безнадёжного человека. Заметим, что в даосизме и буддизме сформировался образ не гнилого, а сухого дерева: фразеологическое выражение *槁木死灰* (Засохшее дерево и мёртвый пепел) характеризует бесчувственного, холодного человека; во фразеологизме буддийского происхождения *枯木逢春* (Для засохшего дерева настала весна) *枯木* (Засохшее дерево) ассоциируется с больным, находящимся при смерти, или со стариками, в пожилом возрасте вступившими в повторный брак.

Даосская идея защиты окружающей среды воплощена в устойчивом выражении *水积而鱼聚 木茂而鸟集* (Вода накапливается, и рыба собирается, густые деревья привлекают птиц), коннотативно модифицированном в современном китайском языке: компоненты *вода* и *дерево* олицетворяют среду, обстоятельства, а рыба и птица – таланты, способных людей; необходимо предоставить хорошие условия с целью привлечения талантов. Буддизм характеризует растения как бездушные, бесчувственные существа, что закреплено в пословице *人非草木 孰能无情* (Человек – не дерево и не трава. Обр. в знач.: человек – не бесчувственное существо). Фразеологический оборот буддийского происхождения *刀山剑树* (Гора ножей и лес мечей) образно обозначает жестокую казнь.

Проанализируем русские и китайские фразеологизмы с компонентами-названиями древесных растений в лингвокультурологическом аспекте.

1). В русском языке.

В корпусе фразеологизмов русского языка существует несколько устойчивых словосочетаний с компонентом *смоковница* (или *смоква*, *инжир*, *фига*), ассоциированным, прежде всего, с плодородием, деторождением, например, *Бесплодная смоковница* (1. бездетная женщина; 2. кто-либо, чья деятельность бесплодна, безрезультатна); также с миром, процветанием, например, «*Под своей смоковницей* (о своём доме, домашнем очаге, месте, где можно отдохнуть)» [Дубровина, 2010, С. 506]. Сочетание *Фиговый листок* [*листочек*] символизирует лицемерное прикрытие неблагоприятных поступков, намерений. Отметим, что, в отличие от данных коннотативных значений русских фразеологизмов, в китайской картине мира сложилось представление о плоде смоковницы как символе сдержанности, скромности, незаметного внесения личного вклада в какое-либо дело.

Не только для русских, но и для многих других народов, характерно использование фразеологизма библейского происхождения *Масличная (оливковая) ветвь* для обозначения мира, новой жизни, что также характерно для китайского

языка. В китайской языковой картине мира плод маслины, получивший в древнем Китае иные названия: 忠果 или 諫果 (верный плод или плод верноподданного), – обозначает положительное качество личности – верность, также имеет значение «верноподданный» [Ван Чжэнь, 2015, с. 67].

В соответствии с Быт. 3:17-19, терновник – часть проклятия, наложенного на человека за грехопадение. Перед распятием, унижая Иисуса Христа и издеваясь над ним, римские воины возложили на Его голову терновый венец. В русском языке фразеологизм *Терновый венец* [венки] используется для выражения страданий и мученичества.

Во фразеологизме *Неопалимая купина*, восходящем к Исх.3:2, терновый куст обозначает искупительную и добровольную жертву Христа. «В русский язык данный оборот вошёл в церковнославянском варианте. *Неопалимый* – ‘несжигаемый, несгораемый, невредимый огнём’... в христианской традиции, нашедшей отражение в иконографии. Неопалимая купина является одним из ветхозаветных прообразов Богородицы и знаменует собой непорочное зачатие Иисуса Христа от Духа Святого» [Дубровина, 2010, С. 395].

У славян и многих других народов осина – символ предательства, «проклятое» дерево, «иудино» дерево, символ смерти. Также этот образ связан с трусостью и стыдом, о чём свидетельствует фразеологическая единица *Дрожать как осиновый лист*. Это сравнение связывают с преданием о том, что именно на осине повесился предавший Христа Иуда. И осквернённое Иудой дереву якобы было суждено вечно дрожать. Причиной того, что лист осины дрожит от малейшего движения воздуха, является особое строение листового черенка этого дерева.

2). В китайском языке.

С древних времён в народе бытовало выражение *岁寒三友* (Три друга зимней стужи), включающее в себя названия трёх деревьев: 松¹ (сосна), 竹 (бамбук) и 梅 (цветы мэй), – не боящихся морозов, символизирующих негибкость, выдержку человека. Специфические представления о значимости трёх растений в системе

ценностей сформировались на основе их природных особенностей – сосна, бамбук, цветы мэй выступают символами китайского национального духа.

Внутренняя форма фразеологической единицы содержит компонент 竹 (бамбук), который символизирует дух, долголетие и счастье. Фразеологизм 竹报平安 (Желаю благополучия (доброе пожелание): а) в письме из дома или домой; б) на Новый год) связан с буддийской историей. «Часть бамбука, так называемое коленце (竹节), метафорически ассоциируется с определенными человеческими качествами – сильной волей, кристальной честностью, безупречной совестью, строгой принципиальностью» [Ван Синхуа, 2021, С. 114]. Сравнение свойств бамбука и моральных качеств человека наблюдается в пословице 人有志, 竹有节 (У человека воля (или дух), а у бамбука – коленце). Образ бамбука имеет различное символическое значение, например 竹苞 (пышные заросли бамбука) – символ единства, процветания и благополучия семьи. Соответственно, фразеологический оборот 竹苞松茂 часто употребляется в поздравлении с окончанием постройки дома, при переезде в новую квартиру.

В семантике многих китайских фитонимичных слов можно выделить национально-культурные семантические доли, отражающие жизнь народа; в их числе – слово 桑木 (тутовое дерево), с которым связано упорство и вечная жизнь. Фразеологизм 桑弧蓬矢 (Лук из тутовника, стрелы из стеблей полыни), происходящий из книги «Ли цзи» («Книга установлений», или «Книга обрядов»), входящей в конфуцианское «Пятикнижие», используется для поощрения человека, особенно мужчины, имеющего высокие карьерные устремления. Несмотря на симпатию к тутовому дереву, укоренившуюся в душе китайского народа, ввиду того, что слова 桑 (тутовое дерево) и 丧 (смерть, траур) совпадают по звучанию, но различаются по значению, сложилась национально самобытная традиция, запечатлённая в пословице: 前不栽桑, 后不插柳 (Тутовник нельзя сажать перед

домом, а за домом – иву), – отражающей базовую ценность китайской нации 趋吉避凶 (Стремиться к добру и избегать зла).

2.2.6. Названия цветов

С цветами тесно связан духовный мир человека, и каждый народ по-своему воспринимает их красоту. Известно, что ромашка является национальным цветком России, символизирует чистоту, мир, молодость, верность и силу любви. Во многих китайских городах имеются свои цветы-символы. В Цзинане таким цветком является лотос – символ чистоты, в Лояне пион – символ благородства и красоты, в Шаосине орхидея – символ преданности и патриотизма и т.д.

Русская поговорка *Плакать на цветы*, изначально обозначавшая славянский обряд вызывания дождя, со временем стала элементом христианской обрядности. В «Словаре русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» раскрыто толкование данного обряда: «...оплакивание травы в Троицын день. Утром к обедне идут с травой, которая должна быть оплакана, её сохраняют во время обедни и с нею же идут к вечерне. На вечерне, становясь на колени, прижимают ладонями траву к лицу и плачут. Этот пучок тщательно сберегается после и считается залогом того, что в это лето не будет засухи. Троицкое проливание слёз на траву, цветы относится к формам симпатической магии» [Бирих, 1998, С. 596].

В китайских фразеологизмах, репрезентирующих религиозный мир человека, обнаружилось 17 устойчивых выражений с компонентом *цветок*, имеющих буддийское происхождение, в том числе, с компонентом *лотос*. Лотос является самым упоминаемым растением в буддизме, отождествляется со святостью, чистотой и бессмертием: 步步莲花 (На каждом шагу возрастает лотос. Обр. в знач.: о женственности и красоте). Этимологический анализ показал, что данный фразеологизм имеет отношение к Будде Шакьямуни, сразу после рождения умевшему ходить и говорить, – на месте каждого его шага вырастал цветущий

лотос. Так как буддийские монахи стремятся к доброте, всячески распространяют свои знания, возник фразеологизм *舌灿莲花* (Язык искрится цветком лотоса). Лотос как символ соединения буддизма и даосизма ассоциируется с чистотой, совершенством. В даосской традиции одна из восьми бессмертных, дева Хэ Синьгу, изображается с лотосом в руке. Таким образом, лотос в Китае почитается с древнейших времён до наших дней. Именно лотос занимает центральное место в символике цветочных растений, в том числе и потому, что рождается из грязи, но ею не замаран: *出淤泥而不染* (Остаться незапятнанным в сложной обстановке).

Хризантеме в Китае приписывают разнообразные национально-культурные символы: прежде всего хризантема символизирует верность, что закреплено во фразеологизме *黄花晚节* (Беречь честь до конца своей жизни), в котором прежнее название *黄花* (жёлтый цветок) обозначает хризантему. Образ хризантемы перекликается с описанными в произведениях конфуцианства качествами благородного мужа – спокойствием, бескорыстной жертвенностью, силой духа, настойчивостью.

Орхидея, наряду с цветком мэй, бамбуком и хризантемой, высоко ценилась китайскими поэтами, писателями, мыслителем Конфуцием как знак благородного мужа. Орхидея, отличаясь сильным ароматом, в древнем Китае являлась распространённым подарком, считалась знаком любви, что зафиксировано во фразеологизме *采兰赠芍* (Рвать орхидеи и дарить пионы. Обр. в знач.: взаимная любовь). Помимо того, орхидея в китайском менталитете ассоциируется с крепкой дружбой, эта образная символика извлечена из классического произведения конфуцианства «И Цзин»: «二人同心，其利断金；同心之言，其臭如兰» (Если два человека объединяются в сотрудничестве, их силы достаточно, чтобы резать металл; Слова единомышленников пахнут так же, как орхидея) [Юй Хайин, 2017, С. 139]. Поэтому компонент *орхидея* входит в состав фразеологизмов в качестве символа дружбы, например, *金兰之友* (Закадычные друзья); в современном

китайском языке 臭兰 (Аромат орхидеи, ароматный) олицетворяет чувства симпатии, любви и эмоциональную близость.

Далее рассматриваются русские и китайские фразеологизмы духовно-религиозных текстов с компонентом «часть растения».

2.2.7. Названия частей растения

1. Корень

Являясь самым частотным словом среди названий частей растения по данным Национального корпуса русского языка [Ху Янисинь, 2022, С. 393], корень способствует укреплению растения в почве и улучшению его питания. В русской языковой картине мира корень – источник, самое начало чего-л., о чём свидетельствует русский библеизм: «*Корень зла* (в значении: основа, главная причина чего-л. дурного, плохого, неприятного; источник всех бед, неудач)» [Дубровина, 2010, С. 315] и китайская фразеологическая единица буддийского происхождения: 叶落归根 (Листья опадают и возвращаются к корням. Обр. в знач.: а) вернуться на родину; б) оказаться в исходном положении; вернуться к прежнему состоянию, восстановить статус-кво; закономерный финал).

В китайских фразеологических единицах с компонентом «корень» также обнаруживается национально-культурное своеобразие. Примером служит даосское выражение 根深蒂固 (Корни глубоки, черенки прочны. Обр. в знач.: крепкий, солидный, прочный; на прочной и здоровой основе), мотивированное изречением основоположника даосизма Лао Цзы «有国之母，可以长久，是谓深根固柢，长生久视之道 (И потому может стать хозяином всей земли. Чувство хозяина всей земли – это источник всего, благодаря этому можно достичь постоянного, вечного. Вот что называют корнем глубочайшего, истоком нестигаемой устремлённости)» [Юэ Чанцян, 2019, С. 187]. Общеизвестно, что «в буддийском учении практика совершенствования является основополагающим аспектом, цель совершенствования – освобождение от сансары и достижение просветления» [Пэн

Лин, 2015, С. 24]. Достижение нирваны утверждается фразеологическим оборотом *六根清淨* (Шесть корней чистые. Обр. в знач.: освобождённый от человеческих страстей), в котором человеческие желания были сгруппированы в шесть разрядов, порождаемых органами чувств, такими как глаза, уши, нос, язык, тело и разум.

2. Ветвь / сук

Сук – крупный боковой отросток от ствола дерева, ответвление от основного, главного. Фразеологизм *В чужом глазу сучок (соломинку) видим, а в своём <и> бревна не замечаем* восходит к главному библейскому предписанию, применяемому по отношению к тем, «кто видит у других даже мелкие недостатки, а у себя не замечает и больших, кто прощает себе то, что не прощает другим» [Дубровина, 2010, С. 147].

Представления конфуцианства и буддизма совпадают в том, что ветви, как части, отходящие от ствола дерева или стебля травянистого растения, считаются вторичными, иногда лишними. Это отражается во фразеологических единицах:

节外生枝 (Порождать новые ветви. Обр. в знач.: усложняться, запутываться);

别生枝节 (Порождать новые ветви. Обр. в знач.: появились другие осложнения).

Растущим на ветвях деревьев листьям, китайцы придавали коннотативные значения:

有枝添叶 (К ветке добавлять листья. Обр. в знач.: приукрашивать, преувеличивать, добавлять лишнее при пересказе);

粗枝大叶 (Грубые ветви и большие листья. Обр. в знач.: делать что-л. небрежно и грубо).

Таким образом, анализ фитонимических фразеологизмов духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках показывает важную роль растений в обыденной жизни обеих наций, отражает духовный мир, уникальный национальный менталитет и несёт своеобразную культурную информацию.

2.3. Фразеологизмы с компонентом-нумеративом

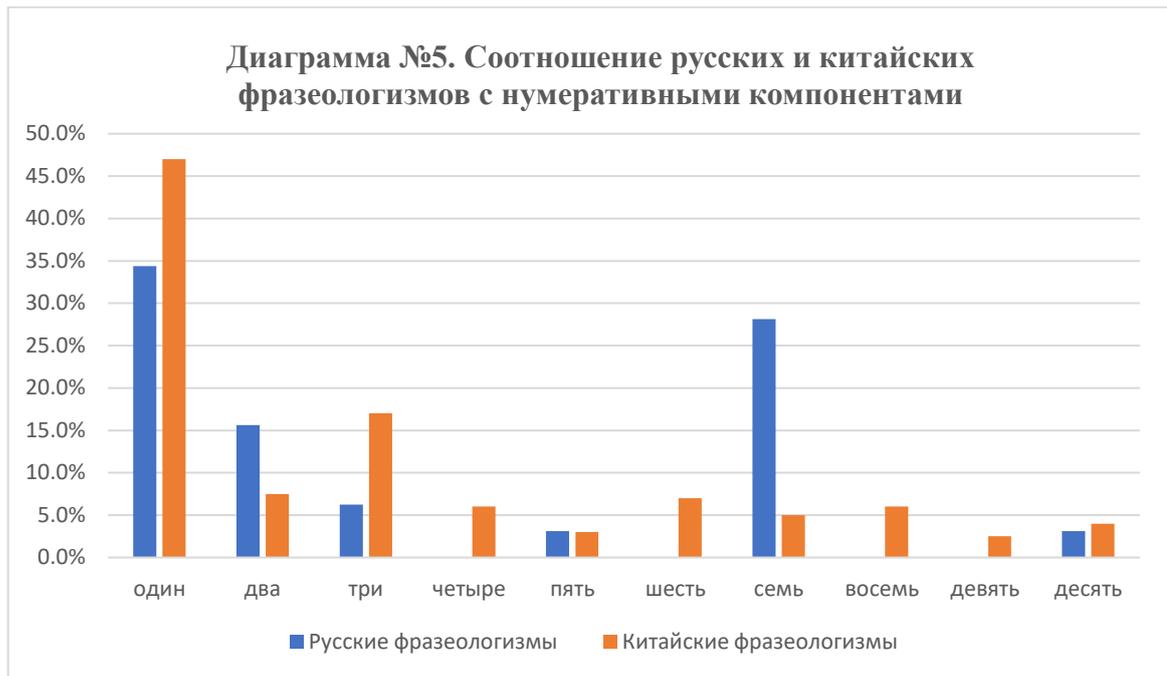
Числа, сопровождая человека на протяжении всего жизненного пути, влияют на его жизнь и даже определяют судьбу. «Число – одно из основных понятий математики, используемое для количественной характеристики, сравнения, нумерации объектов и их частей» [URL: <https://kurl.ru/UrWqQ>]. Однако помимо счётного значения, Ю. М. Лотман отмечает «особое значение чисел и числовой символики в истории культуры, великое множество случаев, когда число приобретает, сверх своего основного цифрового значения, некоторые добавочные – культурно-типологические» [Лотман, 2000, С. 430]. Издревле люди верили в таинственное, мистическое значение чисел, эта вера отражена в церковно-религиозных ритуалах, Писаниях, мифологии и т.д. Чтобы познать окружающий мир и специфическую картину мира некоего народа, человек должен постигать суть и символику, присущие числам. Образность фразеологизмов с религиозным культурным кодом возникает не только через переосмысление сакральных цитат или сюжетов, но и путём актуализации скрытой лингвокультурной информации. Поэтому русские и китайские фразеологизмы с числовым компонентом духовно-религиозных текстов представляют значительный научный интерес.

Методом сплошной выборки из лексикографических источников получено 32 русских фразеологических единицы и 200 китайских фразеологических единиц с компонентом-нумеративом. В зависимости от стержневого компонента (наименование числа) и в соответствии с возрастанием его числового значения фразеологические обороты были распределены на следующие группы: *один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, восемнадцать, тридцать, пятьдесят, сто, тысяча, десять тысяч*. По данным таблицы №5, выделенным оранжевым цветом, составлена диаграмма «Соотношение русских и китайских фразеологизмов с нумеративными компонентами». В диаграмме не нашли отражения не обнаруженные в текстах или

малочисленные русские фразеологизмы с компонентами *восемнадцать, тридцать, пятьдесят, сто, тысяча, десять тысяч*.

Таблица №5. Соотношение русских и китайских фразеологизмов с нумеративными компонентами

Числа	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 30		Другие 2		Всего 32		Конф. 97		Дао. 19		Будд. 84		Всего 200	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
один	11	36.70%		0.00%	11	34.40%	52	53.60%	3	15.80%	39	46.40%	94	47.00%
два	5	16.70%		0.00%	5	15.60%	9	9.30%	0	0.00%	6	7.10%	15	7.50%
три	2	6.70%		0.00%	2	6.30%	16	16.50%	5	26.30%	13	15.50%	34	17.00%
четыре	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	7	7.20%	1	5.30%	4	4.80%	12	6.00%
пять	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	2	2.10%	2	10.50%	2	2.40%	6	3.00%
шесть	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	3	3.10%	3	15.80%	8	9.50%	14	7.00%
семь	7	23.30%	2	100.00%	9	28.10%	1	1.00%	3	15.80%	6	7.10%	10	5.00%
восемь	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	1	1.00%	0	0.00%	11	13.10%	12	6.00%
девять	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	3	3.10%	1	5.30%	1	1.20%	5	2.50%
десять	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	6	6.20%	1	5.30%	1	1.20%	8	4.00%
одиннадцать	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%
восемнадцать		0.00%		0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	1.20%	1	0.50%
тридцать	2	6.70%		0.00%	2	6.30%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%
пятьдесят		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	1.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	0.50%
сто		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	0	0.00%	4	4.80%	8	4.00%
тысяча		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	2	10.50%	8	9.50%	14	7.00%
десять тысяч		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	2	10.50%	6	7.10%	12	6.00%

На Диаграмме №5 показано, что в русской лингвокультуре наиболее частотны нумеративы *один*, *два* и *семь*, образные значения которых мотивированы библейскими текстами, церковно-религиозными ритуалами. В китайской лингвокультуре частотны нумеративы *один*, *два*, *три* и *шесть*, наделённые под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма божественными смыслами. Проанализировав отобранные фразеологизмы в обоих языках, отметим, что большее количество совпадений демонстрируют фразеологизмы, репрезентирующие символические значения чисел *один* и *три*. На основании данных, представленных на Диаграмме №5, далее описываются, прежде всего, фразеологизмы, в состав которых входит один и тот же нумеративный компонент.

2.3.1. Нумеративный компонент *один*

Являясь первым числом среди всех нумеративов, *один* играет главную роль в обеих лингвокультурах, что отражено высотой столбцов в Диаграмме №5. В русской христианской культуре число *один* олицетворяет Бога, Начинателя всего, о чём свидетельствует цитата из Нового завета: «Один Господь, одна вера, одно крещение; Один Бог и Отец всех, который над всеми, через всех и во всех нас» (Еф.

4:5 – 4:6). В Китае последователи конфуцианства считают число *один* мистическим центром, из которого и произошёл наш мир. Китайцы с древних времён почитали число *один* в связи с идеей даосизма: «Дао рождает одно (нерасчленённое единство), одно рождает два (раздвоенность), два рождает три (триаду), от трёх рождаются все существа (вещи)» [URL: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf>].

Как показывает анализ извлечённых из лексикографических источников русских и китайских нумеративных фразеологизмов с числовым компонентом *один* / 一, их семантическая структура включает следующие четыре значения:

1) «немного» (в русском языке: *Ни на <одну [единую]> йоту; <Ни один> волос не упадёт с головы чьей, кого*. В китайском языке: 一日之长 (Старше на один день. Обр. в знач.: немного старше; несколько способнее); 一毛不拔 (Даже и волоска своего не вырвать. Обр. в знач.: о крайней скупости, эгоизме); 功亏一篑 (Для завершения холма не хватило одной корзинки земли. Обр. в знач.: недоделать; все труды пошли прахом));

2) «единодушно, вместе» (в русском языке: *Как один <человек>; Муж и (да) жена – одна сатана*. В китайском: 一心一德 (Держаться одних помыслов и одних моральных устоев. Обр. в знач.: единодушно, единство); 从一而终 (Посвятить себя одному мужу до конца жизни));

3) «один и тот же» (в русском языке: *Одним миром мазаны*. В китайском: 一仍旧贯 (Держаться старого, придерживаться консервативных взглядов); 一成不变 (Неизменно, без изменений));

4) противопоставление «один – много» (в русском языке: *Бедя <никогда> не приходит одна; Муж и (да) жена – одна сатана*. В китайском: 一日千里 (Тысяча ли в день. Обр. в знач.: чрезвычайно быстро); 闻一知十 (По частному судить о целом, по одному признаку понимать весь предмет. Обр. в знач.: о способном человеке); 救人一命胜造七级浮屠 (Лучше спасти одного ребенка, чем строить семьюрусную пагоду. Обр. в знач.: наставлять человека делать добро)).

Следует отметить, что русский библеизм *Первые будут последними*, *<а последние первыми>* и пословица из конфуцианства *彼一时此一时* (То было тогда, а теперь другое) совпадают по смыслу: «не всегда одни и те же люди будут занимать в обществе самое высокое положение: со временем, в новом обществе будущего, всё изменится и возникнет новая система ценностей» [Дубровина, 2010, С. 486].

Выдающаяся роль в истории идей Конфуция о строительстве государства и государственном управлении заключалась в том, что «выдвинув социально-этическую концепцию, соответствующую новому классовому состоянию общества, он сумел сохранить представления об общечеловеческих ценностях и внедрить их в сознание людей» [Янгутов, 2014, С. 114]. Его концепция управления государством реализуется в таких фразеологизмах, как:

一軌同風 (Одна колея, одинаковый обычай. Обр. в знач.: в едином государстве все народы живут по единым правилам и законам);

无求备于一人 (Благородный муж никогда не доводит крупных сановников до роптания из-за того, что их советам не внимают, если нет этому серьезных причин, не требует, чтобы в одном человеке совмещались все благородные достоинства);

一张一弛 (То натягивать, то ослаблять (лук). Обр. в знач.: чередующий работу и отдых; умелое сочетание двух принципов строгости и благости для управления страной);

一國三公 (В одном государстве три правителя. Обр. в знач.: неразбериха, полный разборд).

Четвёртой по величине религией в мире с более чем 520 миллионами последователей является буддизм. В буддизме конечной целью является нирвана, важный путь к которой – в соблюдении этических норм, постижении мудрости и медитации. Будда знал, что на своём жизненном пути человек слишком привязан к мирским благам, его душа наполнена заботами и страданием. Эта доктрина отражена в следующих фразеологизмах буддийского происхождения:

一尘不染 (будд. Полная чистота (полное очищение) от всего чувственного (мирского). Обр. в знач.: без единой пылинки, чистый, честный);

一丝不挂 (будд. Нет никаких забот и тревог. Обр. в знач.: совершенно голый);

一口吸尽西江水 (Выпить залпом реку Сицзян (Река Сицзян – мифическая река, полная человеческой тоски и горя, в том числе, тщеславия, скептических сомнений и трёх ядов: алчности, гнева, тупости и т.д.). Обр. в знач.: действовать поспешно, одним махом, на одном дыхании);

一刀两断 (будд. Решительно отмежеваться от людского мира. Обр. в знач.: прекратить всякие связи). Источником мотивации внутренней формы фразеологизмов данной группы послужили образно-переносные значения лексемы *один*: целый, полный [Чэнь Фу, 2009, С. 108].

Заметим, что для буддистов звон колокола – это голос Будды, дающий мудрость просветления, что находит своё отражение в пословице *做一日和尚撞一天钟* (будд. Пробыл день монахом – прозвонил день в колокол. Обр. в знач.: жить сегодняшним днём; прожил день – и ладно). Поскольку на пути к достижению состояния нирваны человек встречается с многочисленными препятствиями и трудностями, буддийское учение всячески поощряло индивидуальный духовный поиск, что отражается в следующих фразеологизмах: *道高一尺魔高一丈* (будд. досл. Коль на один только чи добродетель растёт, преграды пред ней возрастают на чжан. Хотя божество и сильно, но демон в десять раз сильнее. Обр. в знач.: чем больше успехов, тем больше трудностей встаёт на пути); *百尺竿头更进一步* (будд. Достигнуть ещё больших успехов на основе уже достигнутого; не останавливаться на достигнутом).

2.3.2. Нумеративный компонент *два*

Нумеративный компонент *два* в составе фразеологических единицах духовно-религиозных текстов в обоих языках характеризуется полисемантизмом. Фразеологические единицы с различными символическими значениями были разделены на группы.

Прежде всего, компонент *два* входит в состав фразеологизмов библейского происхождения со значением «свидетельство», что, в частности, отражено в выражении *Послать апостолов по двое*. В Священном Писании многократно упомянуто число *два* как символ двух свидетелей (Числ. 11-16-17; Исх. 24:1, 9). Избрал Господь и других семьдесят [учеников] и послал их по два пред лицом Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти... (Лк.10:1). Господь посылает Апостолов по два, как для того, чтобы они могли поддерживать друг друга, так и для того, чтобы евреи больше верили их свидетельству, ибо закон Моисеев гласил, что свидетельство двух есть истинно (Ин. 8:17; Втор. 19:15). Данное значение также содержится в словосочетании *два херувима*, которые были установлены на обоих концах крышки Ковчега Завета (Ковчега Свидетельства).

В группу фразеологизмов со значением «больше, чем один» входит фразеологический оборот *Овому талант, овому два (иному талант, иному два)*, в современном языке имеющий значение «способности у всех разные; как предопределено свыше, каждому дано по его возможностям: одному – меньше, другому – больше...». Выражение восходит к притче Иисуса Христа о талантах (серебряных монетах большого достоинства), рассказанной евангелистом Матфеем... Притча содержит также мысль о том, что каждый человек должен развивать и приумножать полученные свыше, от Бога, способности и таланты, а не зарывать их в землю» [Дубровина, 2010, С. 453].

На основе порядкового следования числительного *второй* выделена группа фразеологизмов со значением «повторно», в частности, фразеологизм *До второго пришествия (ждать)*, имеющий значение «очень долго, до неопределённо далёкого срока». Семантический и лингвокультурологический анализ показали, что фразеологизмы с компонентом-числительным *два* приобретают сходную культурную коннотацию в русской и китайской лингвокультурах – раздвоенность; отвлекаться, разбрасываться. Библизм *Служить двум господам / слуга двух господ* функционирует в значении «служить, угождать одновременно двум противоположным или враждебным сторонам (людям, партиям, направлениям и

т.п.); быть предателем, двурушником» [Дубровина, 2010, С. 601]. Во фразеологизме конфуцианского происхождения 二三其德 (конф. Изменчивы его качества; непостоянны его чувства) также отмечается указанное значение.

Известно, что в бытовой жизни китайцев важную роль играют чётные числа. Единица *два*, символизируя баланс и взаимодействие между двумя противоположностями – инь и ян, мужчиной и женщиной, ассоциируется с парой, партнёрством и семантизируется в следующих фразеологизмах:

二姓之好 (конф. Заключить брак. Соединение двух семей, у которых разные фамилии);

二人同心, 其利断金 (конф. Единодушие крепче стали. Обр. в значении: дружба (взаимная поддержка, сотрудничество) – большая сила; один в поле не воин);

二惠竞爽 (конф. Внуки Хуэйгуна (княжества Ци) соревнуются в достоинствах. Обр. в значении: оба брата как на подбор, два выдающихся брата).

Заметим, что библейское выражение *Всякой (каждой) твари по паре* в современном русском языке переосмыслено и употребляется иронически по отношению к смешанному, разнородному собранию вещей, людей или животных.

2.3.3. Нумеративный компонент *три*

Считается, что Бог благословляет число *три*, что, в частности, отражено в поговорке *Бог любит троицу*. В разных религиях число *три* сопровождается различными ассоциациями. В Библии *три* выступает символом божества, обозначает Троицу – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28:19). В Священном Писании использованы многочисленные, связанные с числом *три* выражения, например, *Три образа Преображения, Три искушения; Три погружения в воду; Три отречения Петра; Три креста на Голгофе; Три дня смерти Христа; Три*

добродетели: *Вера, Надежда, Любовь* и т.д. Пословица *Три перста крест кладут* передаёт православное молитвенное правило троеперстного крестного знамения.

Компонент *три*, обозначающий множество и изобилие, входит в состав как русского библеизма (напр: *Лить (проливать) слёзы (потоки слёз) <в три ручья>* – безудержно, горько, обильно проливая слёзы (плакать)), так и во фразеологизмы конфуцианского происхождения, например:

三思而行 (конф. Трижды подумать, а затем уж действовать. Обр. в знач.: семь раз отмерь, один отрежь);

一日三秋 (конф. Один день разлуки как три года. Обр. в знач.: томиться в разлуке; медленно тянется время);

三牲五鼎 (конф. Три жертвы и пять жертвенных треножников. Обр. в знач.: вкусная и обильная еда);

三折肱为良医 (конф. Трижды ломать руку. Обр. в знач.: а) об опытном медике, лично перенёсшим много болезней; б) о большом мастере своего дела, о человеке с большим опытом).

Три – одно из положительных чисел в картине мира китайцев. Древний мыслитель и философ Конфуций ценил число три, что нашло отражение в его произведениях. В книге «Беседа и суждение · Сюэ Эр» ученик Конфуция Цзэн-цзы сказал: «*吾日三省吾身*» «конф. Я ежедневно проверяю себя в трёх отношениях: преданно ли служу людям, искренен ли в отношениях с друзьями, повторяю ли заповеди учителя?» [Переломов, 1998, С. 3], это способствует становлению и развитию личности, помогает человеку достигнуть гармонии внутри и снаружи.

В седьмой главе книги «Беседа и суждение · Шу Эр» содержится изречение *三人行则必有我师* «конф. Из троих обязательно найдётся один, у кого можно чему-либо поучиться» [Переломов, 1998, С. 51], служащее ориентиром для всех образованных и мыслящих людей, стремящихся к знанию и совершенству.

В главе «Беседа и суждение · Цзи Ши» создан образ благородного мужа, соответствующего моральным принципам и устоям конфуцианства *三畏* (конф. Три

вещи, вызывающие страх совершенного человека: веление неба, большой сановник, слово мудреца), которые презирает низкий человек.

Данная глава также является источником таких выражений, как:

益者三友, 损者三友 (конф. Три вида дружбы (см. дружить с человеком или прямым, или честным, или обладающим большой проницательностью) приносят пользу и три (см. дружить с человеком или неискренним, или изворотливым, или бойким на язык) – вред);

益者三乐, 损者三乐 «конф. Три вида радости приносят пользу и три вида – вред. Когда радуешься от того, что или поступаешь в соответствии с ритуалом и музыкой, или говоришь о добрых делах людей, или вступаешь в дружбу с мудрыми людьми, – это приносит пользу. Когда испытываешь радость от того, что или предаёшься расточительству, или праздности, или пирам, – это приносит вред» [Переломов, 1998, С. 135].

В данных фразеологизмах отражены принципы социального взаимодействия, законы межличностных отношений для будущих поколений. Последователь Конфуция, философ и писатель Мэньцзы выдвинул идею *不孝有三*, обозначающую различные виды сыновнего непочтения к родителям. В дальнейшем появилась пословица *不孝有三, 无后为大* (конф. Среди многих видов сыновнего непочтения к родителям самое злостное – бездетность).

В феодальном обществе господствовали морально-этические принципы конфуцианства, такие как:

三纲五常 (конф. Три устоя (*三纲* – три устоя (абсолютная власть государя над подданным, отца над сыном, мужа над женой –этические нормы древнего Китая)) и пять неизблемых правил (*五常* – пять постоянств (пять добродетелей));

三从四德 (конф. Троякая покорность (см. *三从*) и четыре достоинства (женщины: добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие – традиционная формула требований к женщине в древнем Китае))».

В построении базовых концепций буддизма важную роль играет мистическое число *три*. В первую очередь, – в концепции времени, сложившейся в религиозных представлениях китайского народа, особенно буддийских, например:

三世说 (будд. Три периода времени: прошлое, настоящее и будущее) и

三生说 (будд. Три жизни: прежнее существование, настоящее существование и последующее перерождение), – отражающей понятия сансары и воздаяния по деяниям.

Базовой концепции буддизма в китайском языке соответствует фразеологизм *三生有幸* (будд. Иметь счастье в трёх существованиях. Обр. в значении: об особенно счастливых людях). Также в буддизме имеется выражение *三界说* (будд. Три категории в соответствии со ступенью развития сознательных существ: имеющие желания, имеющие чувственность, не имеющие ни желаний, ни чувственности). Считается, что, освободившись от чувств и желаний, буддист может достичь нирваны.

Во фразеологической единице *无事不登三宝殿* (будд. Без надобности / неприятности / несчастья в храм не ходят) храм Сэньбао – основное место, предназначенное для совершения разнообразных буддийских обрядов и практик, в котором отдельно возводились три сооружения: для поклонения Будде, сохранения буддийского канона и проживания монахов. Стрдание, обусловленное привязанностью и *三灾八难* (будд. Три беды и восемь несчастий. Обр. в значении: о многих несчастьях, например, болезненности в детском возрасте), является базисным понятием для адекватного понимания буддийского мировоззрения. Поэтому в глубочайшей медитации следует стремиться к избавлению от иллюзий, заблуждений и связанных с ними страданий, что отражается в китайских фразеологизмах:

游戏三昧 (будд. Освободиться от мирских страстей, позволить сердцу и уму успокоиться. Обр. в значении: а) легко и свободно достигать Самадхи, например: о

бодхисаттве; б) умение (мастерство) устраивать игры; в) в современном китайском языке – «относиться ко всему легко и играючи»);

得其三昧 (будд. Достигнуть состояния созерцания при помощи умственного сосредоточения и устранения посторонних мыслей. Обр. в значении: тонкое понимание, проникновение в самую суть чего-нибудь). Образ Будды содержится во фразеологическом обороте, который в современном китайском языке имеет позитивную эмоционально-экспрессивную окраску: *三头六臂* (будд. О трёх головах и о шести руках. Обр. в значении: чудесные способности).

Во фразеологической единице *三教九流* (Три учения – конфуцианство, даосизм, буддизм и девять течений (школ) – жу (цзя) (конфуцианство), мо (цзя), дао (цзя) (даосизм), мин (цзя), фа (цзя) (легизм), иньян (цзя), нун (цзя), цзунхэн (цзя), цза (цзя), сяошо (цзя). Обр. в значении: все слои общества; люди самых различных профессий) представлены основные религии и философские течения, участвующие в становлении и развитии китайских мировоззренческих взглядов на окружающую действительность.

2.3.4. Нумеративный компонент *пять*

В Библии слово *пять* является, в первую очередь, символом ответственности, частотно актуализируется в выражениях и цитатах, таких как *пять покрывал, пять перекладин, пять столбов*.

В русском языке имеется пословица *Без пяти просвир обедни нет*, возникшая на основе благочестивой традиции – молиться перед едой, содержащая коннотативное значение – хорошая подготовка к действию.

В китайской лингвокультуре наблюдается особая симпатия к числу *пять*, в основном, в связи с древней философской категорией У-син (*五行*), представляющей пять элементов Вселенной (вода, дерево, огонь, металл, земля), которым присущи два основных циклических взаимодействия: взаимопорождение и взаимопреодоление. Согласно учению о пяти первоэлементах, *пять цветов* (*五色*)

, синий, красный, жёлтый, белый и чёрный) соответствуют *пяти Цзан – органам (五脏)*: печени, сердцу, селезёнке, лёгким и почкам. В китайской традиционной картине мира *пять* – святое и мистическое число, выступающее символом центра мира (*九五之尊*) и основополагающим правилом (*三纲五常*).

Лаоцзы использовал фразеологизм *目迷五色* (даос. Глаза разбежались, пестрит в глазах), для описания запутанной и сложной мирской жизни.

Анализ фразеологизмов буддийского происхождения с компонентом *пять*, позволяет заключить, что их семантическая структура осложняется значением «весь, полностью», например:

五体投地 (будд. Падать ниц; класть земной поклон, вместе с ним кланяются пять частей: лоб, две кисти, двое колен и две стопы. Обр. в знач.: благоговеть перед кем-л., относиться с глубоким уважением, испытывать величайшее восхищение);

五蕴皆空 (будд. *五蕴* – Пять сканд (все дхармы, распределённые по пяти группам – сканда: 色 rupa – чувственные; 識 vijñāna – сознания; 受 vedana – чувств, восприятия; 想 sañña – процессов различения; 行 saṃskāra – вообще процессов) URL: <https://kurl.ru/XmArQ> (дата обращения: 07.07.2023)]. Человек состоит из этих пяти сканд.

2.3.5. Нумеративный компонент *семь*

«Семь – одно из самых удивительных чисел. Семь – это число духовного порядка, которое правит миром, которое символизирует творение и созидание» [Мэн Цинжун, 2008, С. 12].

«Число *семь* является христианским символом, имеющим распространение в разных культурах» [Маслова, 2004, С. 77], в христианской культуре *семь* считается святым, мистическим числом, поскольку это число многократно упоминалось в Библии, например: *Семь таинств; Семь даров Святого духа; Семь добродетелей и смертных грехов; Семь Архангелов; Семь пророков; Семидневный пост и покаяние*

– здесь семёрка обладает сакральным значением, символизируя полноту, законченность и совершенство.

«В русской культуре *семь* – символ чего-л. чрезмерного: *За семью замками (печатями)* – что-л. абсолютно непостижимое, недоступное, в глубокой тайне; *Семь смертных грехов* – самые тяжкие и непростительные пороки; *Быть на седьмом небе* – быть очень счастливым» [Маслова, 2004, С. 77]. Библиизм *За семью замками* происходит из старославянского языка; известны и другие его варианты, «наиболее распространённый из которых – *Тайна за семью печатями* (возможно, потому, что *Книга за семью печатями* – это какие-то сокровенные знания, информация, к которой нет доступа, непостижимая тайна)» [Дубровина, 2010, С. 304].

В китайском языке фразеологизм даосского происхождения с компонентом *семь* 七竅生烟 (даос. Из семи отверстий повалил дым. Семь отверстий – глаза, уши, нос, рот. Обр. в знач.: «выйти из себя, вспыхнуть гневом»), имеет инвариантное значения «чрезмерно».

Выражение *Семь пятниц на неделе*, по данным «Словаря русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» [Бирих, 1998, С. 99], восходит к языческому культу богини плодородия, воды, дождя, покровительницы материнства Мокоши. День богини Мокоши, пятница, был днём, свободным от работы. В этот день запрещалось прясть, купать детей, начинать какое-л. дело и т.д. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день Св. Параскевы Пятницы. В пятницу следовало поститься, поминать умерших. Пятницы были торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения торговых и долговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. В современном русском языке данный фразеологизм обозначает человека, который «очень часто и непредвиденно меняет планы, настроения и т. п.» [Ермаков, 1894, с. 36].

Семь, в китайской картине мира, отсылает к концепции смерти, так как седьмой месяц (июль) в народе считается «злым месяцем». Пятнадцатое июля по

лунному календарю традиционно называется «День мёртвых». «Это один из тех периодов в году, когда, по народному поверью, врата подземного мира открыты и души умерших могут выйти в мир людей» [Джарылгасинова, 1989, С. 77].

В даосизме *семь*, являясь циклом движения, обозначает системность и порядок *Дао*, таким образом, возник ряд выражений, связанных с числом *семь*: *七星* (даос. Семь звёзд); *七元* (даос. Семь начал – Солнце, Луна и пять больших планет); *七煞* (даос. Циша – злой дух стихии Металл); *七宝* (даос. Семь сокровищ – золото, серебро, лазурит, раковина тридакны, агат, коралл и горный хрусталь или жемчуг и биотит) и т.д. Фразеологическая единица *三魂七魄* (даос. Тройственное духовное начало и семь нечистых животных духов в теле человека), даосского происхождения, используется для обозначения человеческой души. Во фразеологизме даосского происхождения *七返灵砂* (даос. Выпив чудодейственный препарат, человек может многократно возвращаться к жизни) заключается идея бессмертия.

Примерами фразеологизмов, содержащих структурные элементы *七...八...* (семь раз... и восемь раз...) и построенных на ярком образном значении «беспорядочность», являются следующие обороты китайского языка:

七颠八倒 (будд. Семь – кувыркком, восемь – вповалку. Обр. в знач.: бессвязный, хаотический – о речи; в беспорядке);

七零八落 (будд. Рассыпаться в беспорядке);

七手八脚 (будд. Семь рук и восемь ног. Обр. в знач.: суетиться, в суматохе, в спешке);

七上八下 (будд. В смятении, охваченный тревогой, сердце бешено билось), передающие отрицательную эмоционально-оценочную окраску.

Фразеологизм буддийского происхождения *七情六欲* (будд. Семь чувств и шесть страстей) употреблялся для описания эмоций, присущих всему человечеству, семь чувств – радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и половое влечение;

шесть желаний, шесть страстей (порождаемых шестью индриями, см. 六根: глаз, ухо, нос, язык, тело и разум).

2.3.6. Нумеративный компонент *десять*

Число *десять* в Библии обозначает человеческое совершенство, завершённость, полноту. Десять пальцев рук служат наглядной иллюстрацией этой полноты. Помимо того, *Десять Заповедей* также были даны человеку для его совершенства и завершённости. Фразеологическая единица библейского происхождения *Десять Заповедей* в современном русском языке имеет значение «основные правила, которым необходимо следовать в каком-либо деле, предприятии» [Дубровина, 2010, С. 136].

Коннотативное значение приобрело и китайское числительное *десять*, символизируя «полноту, совершенство»: 十全十美 (конф. Полностью и без изъяна; совершенный во всех отношениях). Самый удобный для древних людей счётчик – это пальцы; в обоих языках слово *десять* казалось ранее самым большим числом, отсюда возникло другое коннотативное значение данного числа – «много», например, в китайском языке:

一曝十寒 (конф. В мире растёт много прекрасных растений, за которыми легко ухаживать. Но если взять их и оставить сушиться под солнцем на один день, потом их оставить в холодном месте на десять дней, то они умрут. Обр. в знач.: учиться (работать) с большими перерывами, от случая к случаю, урывками, наскоками, кое-как);

十目所视, 十手所指 (конф. букв. Десять глаз смотрят, десять рук указывают; от людского глаза не скроешься; все взгляды устремлены на кого-л. Обр. в знач.: под строжайшим надзором масс).

Кроме того, отмечается типичная фразеологическая модель 十...九... (десять раз... и девять раз...), используемая для обозначения большей доли от общего количества, например,

十病九痛 (конф. Болезненный, боль во всем теле);

十室九空 (дао. Из десяти домов девять пустуют. Обр. в знач.: об опустошённом районе).

Числовая символика в обоих языках имеет свои особенности, связанные с их религиозным содержанием. Далее рассматриваются фразеологизмы с нумеративными компонентами, которые имеются во фразеологизмах только одного языка.

Нумеративный компонент *тридцать* / 三十 в китайском языке является обычным числительным. По словам Конфуция, тридцатилетний возраст обозначает самостоятельность, независимость от родителей.

В русском языке компонент фразеологизма *тридцать* несёт совсем другой смысл – *Тридцать сребреников* понимается как цена предательства; цена крови Иисуса Христа, имя Иуда употребляется как синоним слова *предатель*. Так возникло выражение «*Продать (предать) кого за тридцать сребреников*, означающее предать кого-л. из корыстных соображений» [Дубровина, 2010, С. 543]. Яркая образная мотивировка делает фразеологическое значение нумеративных фразеологизмов экспрессивным и эмоционально-оценочным.

2.3.7. Нумеративные компоненты *четыре* и *шесть*

«По традиции русские считают, что чётные числа символизируют злых духов, нечётные (кроме тринадцати) являются счастливыми» [Донова, 2009, С. 80]. Однако в русском языке существуют и такие фразеологизмы, как *Чёртова дюжина*; *Чёрта с два*. В китайской традиции и китайском языке, наоборот, наибольшую значимость и национально-культурную специфику обнаруживают чётные числа, например, *четыре* и *шесть*.

Представления о земле и небе в картине мира древних китайцев были связаны с квадратным началом: земля – квадратная, Китай – в её центре, а небо – это

окружность, что закрепляется в устойчивых выражениях в значениях «Четыре стороны, страны света, со всех сторон»:

四面八方 (будд. Четыре стороны и восемь направлений. Обр. в знач.: везде и всюду);

四郊多垒 (конф. На подступах к столице много земляных укреплений. Обр. в знач.: государство превращено в осаждённый лагерь);

四海之内皆兄弟 (конф. Все люди из разных стран мира – братья);

五湖四海 (конф. На пяти озёрах и четырёх морях. Обр. в знач.: повсюду, во всех уголках).

В двух последних оборотах отразилась конфуцианская концепция о мире и дружбе между народами, в основе которой лежит идеал конфуцианства – создание гармоничного общества.

В буддизме существует важное понятие *四禅八定* (будд. Четыре степени дьяны (медитации) и восемь степеней самадхи, все восемь степеней созерцания), обозначающее высшее состояние созерцания, с целью достижения которого требуется избавиться от мирских желаний.

Другое выражение из буддийского учения *四大皆空* (будд. Четыре элемента пусты) означает, что четыре базовых элемента, из которых состоит всё сущее, – это земля, вода, огонь и ветер, не существуют и не имеют собственной природы, самости. В русском языке найдено эквивалентное по содержанию библейское выражение *Суета сует*.

Три шестёрки в представлении русских воспринимаются как знак дьявола, дурная примета. Однако в китайских сказках, религиозных канонах и в бытовой жизни частотна положительная символика шестёрки, обозначающей благополучие и удачу.

Во фразеологической единице конфуцианского происхождения *三茶六礼* (конф. Три сорта чая и шесть обрядов. Обр. в знач.: жениться на ком-нибудь с подобающими церемониями) отражаются старинные свадебные традиции и

обычай: в Китае во время помолвки жених в знак верности дарил невесте чай, и, в соответствии с каноническими правилами, содержащимися в Ли цзи, брачный ритуал состоял из шести этапов – «*нацай* (отправка первого подарка в дом невесты в знак помолвки), *вэньмин* (объявление имени невесты), *нацзи* (извещение [семьи невесты] о положительном результате гадания [в храме семьи жениха]), *начжэнь* (посылка закрепляющего помолвку подарка в дом невесты), *цинци* (договориться о дне свадьбы), *цинбин* (встреча жениха и невесты, происходившая в доме невесты)» [Кейдун, 2016, С. 81-82].

У китайцев не существует каких-либо особых предпочтаний в использовании единицы *шесть*. Число *шесть* в китайской традиции считается счастливым. Это связано со звучанием иероглифа 六 («шесть»), который читается, как [лю] и ассоциируется у китайцев с успехом в различных делах и начинаниях. В даосизме бытует выражение 六神 (Шесть богов), обозначающее шесть богов, которые отдельно управляют шестью человеческими органами, такими как сердце, печень, селезёнка, лёгкие, желчный пузырь и почки. В современном китайском языке данное выражение применимо к определению душевного состояния вообще, что отражено в следующих фразеологических единицах:

六神不安 (дао. Шесть нервов не спокойны. Обр. в знач.: быть крайне расстроенным);

六神无主 (дао. У шести органов нет богов. Обр. в знач.: прийти в душевное смятение, быть в полной растерянности).

Лао-цзы, диалектически относясь к отрицательным чертам социума, признаёт глубокую испорченность нравственной природы людей, возмущается этим явлением и одновременно замечает позитивные аспекты. Примером является фразеологический оборот 六亲不和 (дао. Родственники живут в несогласии. 六亲 – 1) родня, ближайшие родственники; 2) шесть степеней родства: а) отец, мать, старшие и младшие братья, жена, дети; б) отец и дети; старшие и младшие; муж и жена; в) тесть и зять, супруги, свойственники), который восходит к тексту в книге «Лао-цзы»: «六亲不和，有孝慈；国家昏乱，有忠臣» (Чуть в семье нелады – тут

тебе и «сыновняя нежность», и «забота отеческая». Чуть в стране, при дворе ли – смута, – тут как тут «верноподанные») [Лао-цзы, С. 74. URL: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf>].

Активно употребляясь в буддийском учении, число *шесть* стало важной составной частью фразеосочетаний:

六尘不染 (будд. Быть чистым в душе, не соприкасаясь с шестью нечистыми, возбуждёнными шестью внешними сенсорными объектами: цвет, звук, запах, вкус, прикосновение, мысль);

六根清淨 (будд. Освобождённый от человеческих страстей. *六根* – шесть органов чувств: глаз, ухо, нос, язык, тело и разум);

六道轮回 (будд. Шесть путей метемпсихоза).

2.3.8. Нумеративные компоненты *тысяча* и *десять тысяч*

Установив религиозное происхождение и содержание лексического значения больших чисел, например, *тысяча* и *десять тысяч* в китайской культуре, мы определили, что многочисленные фразеологические единицы, включающие эти числительные, восходят к буддизму. Такая распространённость данных единиц свидетельствует о прочности буддийских традиций в древнем Китае, о значительном влиянии буддийских канонов на формирование китайской письменности, об их неразрывной связи.

Фразеологизмы с компонентами-названиями больших чисел имеют следующие значения:

1. Многочисленность, многообразие:

千差万别 (будд. Тысяча отличий и десять тысяч различий. Обр. в знач.: необыкновенное разнообразие; великое многообразие);

千仓万库 (конф. Тысяча амбаров и десятки тысяч ларей для хранения и перевозки богатого урожая. Обр. в знач.: изобилие, богатый выбор);

万紫千红 (конф. Многоцветный, разноцветный. Обр. в знач.: яркий, разнообразный).

2. Далёкое расстояние, большая разница:

大千世界 (будд. Великая Тысяча Миров, большой хилиокозм. Обр. в знач.: вселенная, космос);

一日千里 (дао. Тысяча ли в день. Обр. в знач.: гигантскими шагами; чрезвычайно быстро);

拒人于千里之外 (конф. Держать всех на расстоянии, никого к себе не подпускать; отчуждённый);

失之毫厘差之千里 (конф. На волосок отклониться в начале, и получится дистанция огромного размера к концу. Обр. в знач.: крошечный промах может привести к серьёзным последствиям).

Отмечается активное участие числового компонента *десять тысяч* в переносном значении «множество, бесчисленность, всё» в образовании фразеологизмов китайского языка, в частности, его частотное использование в устойчивых выражениях духовно-религиозных текстов, например, во фразеологических единицах буддийского происхождения:

万劫不复 (будд. Навечно, без возможности вернуться в плоть человека вновь. Обр. в знач.: проклятый);

森罗万象 (будд. Перечислять все многообразные явления природы. Обр. в знач.: о многообразии природы);

万家生佛 (будд. Живой будда для всех. Обр. в знач.: о добром и честном правителе).

Представитель даосизма Чжуан Цзы метафорически применял единицу *鹏程万里* (дао. Полёт птицы Пэн – десять тысяч ли. Обр. в знач.: успехи в будущем) к выражению надежды на чьи-то блестящие перспективы. Помимо того, что данное число отсылает к идее долголетия, проявляющейся в конфуцианском фразеологизме: *万寿无疆* (конф. Тысячи лет вам без конца. Обр. в знач.:

долголетие, долгая жизнь), это выражение употребляется для поздравления пожилых людей с днём рождения.

Таким образом, компоненты-числительные в составе фразеологизмов являются культурными феноменами, в них раскрываются черты, свойственные коллективной картине мира этноса, с помощью которых человек транслирует определённые позитивные, нейтральные или отрицательные эмоции. Сопоставительное описание фразеологических единиц с компонентами-числительными духовно-религиозных текстов в русской и китайской лингвокультурах позволило выявить как принципиальное отличие в представлениях об этих числах у носителей этих культур, так и сходство или близость традиционных верований, относящихся к числам, например, *один* и *три*, у русских и китайцев.

Итак, числовые компоненты являются типичными и представляют собой неотъемлемую часть русской и китайской языковых картин мира. Изучение числовой символики, входящей в состав русских и китайских фразеологизмов, содействует более глубокому пониманию их национально-культурной специфики в межкультурной коммуникации.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Данная глава, состоящая из трёх параграфов, посвящена исследованию трёх групп фразеологизмов духовно-религиозных текстов: фразеологизмов с компонентом-зоонимом, компонентом-фитонимом и компонентом-нумеративом. В изученном фразеологическом материале выявлено меньше сходств и больше различий, что проявляется, с одной стороны, в разновидностях сопоставляемых объектов, с другой стороны, – в совпадении коннотаций в русской и китайской лингвокультурах.

Статистические данные, представленные в диаграммах, свидетельствуют, что в китайских фразеологизмах духовно-религиозных текстов животный мир отображён значительно богаче, чем в русских. Так, в русском языке, в отличие от китайского, отсутствуют фразеологизмы с названиями таких животных, как *тигр, олень, заяц, утка, муравей, мышь, богомол, обезьяна, лебедь, тутовый шелкопряд, медведь, лиса, скорпион, волк, дикий гусь, орёл, журавль, дракон, цилинь, ночная бабочка, филин, попугай, муха, перепел, сова, феникс, сорока, горлица, ворона, пчела, ласточка, черепаха, рак, лягушка, кит.*

Сопоставительный анализ фразеологизмов с одинаковыми компонентами-зоонимами в обоих языках осуществлялся в следующей последовательности: морские животные, птицы, наземные животные. В двух лингвокультурах были выявлены общие и не совпадающие характеристики. Например, слово 𪛗 (змея) в китайском языке, как и в русском, имеет коннотативное значение «коварный человек», актуализированное во фразеологических оборотах: *Змий [змея] - искуситель* и 佛口蛇心 (Уста Будды, а сердце змеиное. Обр. в знач.: сладкие речи, а в сердце злоба). Также были проанализированы фразеологизмы русского и китайского языков, не совпадающие по значению и компонентному составу.

Фитоним является константой русской и китайской лингвокультур, поскольку объективируется в большом количестве фразеологизмов и

вербализуется значительным количеством лексических единиц. Фитонимические фразеологизмы духовно-религиозных текстов формируют важный фрагмент языковой картины мира.

Проанализировано 27 русских и 66 китайских фразеологических единиц с компонентом-фитонимом. Результаты исследования показали, что в русской и китайской лингвокультурах фитонимы обладают совпадающими символическими значениями: так, во фразеологических единицах с компонентом *травка* в русском языке и 草 в китайском языке семантическое сходство обусловлено совпадающими представлениями об особенностях травянистых растений, использованием их названий для обозначения никчёмного или ничтожного человека. В русском языке было найдено библейское выражение *Горчичное зерно*, или *С горчичное зерно*, обозначающее что-либо малое, незначительное по размеру. В китайском языке имеется большее количество фразеологизмов с данным компонентом, по своему происхождению связанных в основном с учением Конфуция: 一草一木 (Одна травинка и одно дерево. Обр. в знач.: о самом малом).

Отмечены несовпадения русской и китайской языковых картин мира при образной интерпретации растения смоковница. В современном русском языке *смоковница* (или *смоква*, *инжир*, *фига*) ассоциируется, прежде всего, с плодородием, деторождением (*Бесплодная смоковница*: 1. бездетная женщина; 2. кто-либо, чья деятельность бесплодна, безрезультатна), а также с миром, процветанием (*Под своей смоковницей*). В китайской картине мира сложилось представление о плоде смоковницы как символе сдержанности, скромности и незаметного вклада во что-либо, поскольку китайцы считали, что само дерево не цветёт, но даёт сочные плоды.

Показано, что в ходе исторического развития у чисел возникали дополнительные значения, особая числовая символика – помимо своих основных количественных значений числа приобретали добавочные культурно-типологические смыслы.

Материалом исследования стали 32 русских и 200 китайских фразеологизмов. Их анализ показал, что в русской лингвокультуре наиболее частотны числа *один*, *два* и *семь*, в китайской лингвокультуре – числа *один*, *два*, *три* и *шесть*. Больше количество образно-символических совпадений отмечено во фразеологизмах, репрезентирующих символические значения чисел *один* и *три*.

Фразеологизмы с компонентом-нумеративом интерпретируются в аспекте их семантики и лингвокультурных коннотаций. Яркая образная мотивировка создаёт оценочную, эмоционально-экспрессивную окрашенность нумеративных фразеологизмов.

ГЛАВА III. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ДУХОВНО-РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КАРТИНА МИРА

Фразеологический состав языка так же, как и лексический, может быть представлен в виде полевой модели. Микрополе фразеологических единиц мы понимаем как совокупность фразеологических единиц, объединённых общим семантическим признаком [Сабурова, 2002, С. 82].

При лингвокультурологическом анализе тематических микрополей различных языков, в нашем случае – русского и китайского, с целью их наиболее продуктивного сопоставления особое внимание, на наш взгляд, следует обращать на выявление их общих свойств. И, следовательно, общность темы можно понимать как ядро лингвокультурологического значения фразеологической единицы.

Семья, Бог, богатство – ведущие темы, определяющие и формирующие национально-этнические ценности. В данной главе устанавливаются свойства фразеологических микрополей «семейные отношения», «Бог», «богатство» в русском и китайском языках в сопоставительном аспекте, выделяются образующие их подгруппы, анализируется семантика членов данных подгрупп.

3.1. Микрополе «семейные отношения»

Семья – одна из важнейших и значимых составляющих нашей жизни. Это «общность людей, связанных отношениями супружества, родительства, родства, совместного домохозяйства; она как основная ячейка общества выполняет важнейшие социальные функции, играет особо значимую роль как в общественном развитии в целом, так и в жизни человека, его защите, формировании и удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации [Гуслова, 2010, С. 5].

Всё большую актуальность приобретают лингвокультурологические исследования слова *семья*, поскольку данная лексическая единица играет важную роль в русской и в китайской лингвокультурах. Как отмечают некоторые исследователи, например, М. В. Матвеева [Матвеева, 2007, С. 249] и Н. Н. Рухленко [Рухленко, 2005, С. 20], микрополе «семья» считается базовой ценностью в русском языковом сознании, что находит отражение в различных жанрах фольклора и народного творчества. В китайской традиционной культуре, обычаях и верованиях семья представляется гармоничным, долгосрочным, незыблемым образованием. Традиционная структура семьи по-прежнему высоко ценится и занимает немаловажное место в китайской культуре. С другой стороны, положение семьи и семейных отношений в современном обществе переживает значительные изменения негативного характера: гостевой брак, гражданский брак, жестокое обращение с детьми и другими членами семьи, социальное сиротство и т.д. Семейные кризисы вынуждают людей размышлять об исконном значении и предназначении семьи.

Изучение микрополя «семейные отношения» необходимо предварить выявлением семантической структуры слова *семья* по данным словарей различных типов. Дефиниционный анализ является эффективным средством анализа языкового материала, направленным на определение семантической структуры лексемы.

Д. В. Жигулина в статье «История имени концепта «Семья» (XI - XXI веков)» анализирует происхождение и развитие лексемы *семья*: «со времени появления лексемы *семья* в языковой системе её семантическая структура подверглась некоторым изменениям. В X–XI веках, на переходном этапе от язычества к христианству, концепт находился в стадии становления» [Жигулина, 2014, С. 182]. В «Этимологическом словаре русского языка» указано, что «русское *семья* родственно лит. *seima, seimyna* – «челядь», лтш. *saimė* – «семья, домочадцы», др. - прусск. *seimins* – «челядь»» [Фасмер, 1971, С. 600]. По мнению академика РАН О. Н. Трубочёва, славянское *setьja* восходит к обозначению территориальной

общности, ср. знач. родственного сябёр, *sębrъ и исходное и.-е. *kei – «лежать» [Трубачёв, 1959, С. 164-165]. Об этом же свидетельствуют соответствия в гот. *haims* – селение, д.-в.-н. *heim* – родина, греч. *χώμη* – селение. Отсюда следует, что слово *семья* имеет исходное значение «люди, живущие на одной территории».

П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» понимает под «семьёй собственное жилище, где можно обрести покой. Кроме того, семья – это маленький мир, в котором можно укрыться от проблем и получить поддержку близких» [Черных, 1999, С. 154].

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» представлено пять значений слова *семья*:

- «1. челядь, домочадцы, рабы.
2. семья, семейство.
3. жена, супруга.
4. группа единомышленников, соратников
5. монастырская братия, монахи одной обители» [Словарь русского языка XI–XVII вв., 2000, С. 59].

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, охватывающем состояние русской разговорной и книжной лексики, фразеологии и паремиологии первой половины XIX века, дано следующее толкование лексемы *семейство*: «совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью» [Даль, 2006, т. 4, С. 216].

Рассмотрим содержание лексических единиц со значением «семья» в китайской лингвокультуре. С древности до наших дней данная лексика не претерпела существенных изменений. Проанализируем значения слова 家 в древней литературе.

В «Словаре Шовэнь цзецзы» (или «Происхождение китайских иероглифов», первый словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также с анализом строения иероглифического знака)

под семьёй понимается «家, 居也» (семья – это жительство) [Сюй Шэнь, 2016, С. 318].

В книге «Чжоуские ритуалы» специалист по изучению канонических книг Чжэн Сюань дал такой комментарий к слову *семья* «有夫有妇, 然后为家» (Муж и жена составляют семью) [URL: <http://ewenyan.com/articles/zt/2/3.html>]. В «Мэнцзы · Тэн Вэньгун» отмечено, что «丈夫生而愿为之有室! 女子生而愿为之有家» (Когда родился мальчик, родители выбирали ему жену; когда рождалась девочка, родители выбирали ей жениха) [Меньшиков, 1999, С. 91]. В «Чжоу И · Цзяжэньгуа чжуань» написано, что «家有严君焉, 父母之谓也。父子、子子、兄弟、弟弟、夫夫、妇妇, 而家道正, 正家而天下定矣.» («Над домашними стоят строгие государи, это отцы и матери. Если отец является отцом, сын – сыном, старший брат – старшим братом, младший брат – младшим братом, муж – мужем, жена – женой, то Дао семей правильное. Если семьи выправлены, то и Поднебесная непоколебима») [Лукьянова, 2018, С. 191]. Таким образом, у слова *семья* можно выделить исходные значения: «Семья – это 1. основанная на браке, кровном или усыновлённом родстве единица общества. 2. обращение к супругам в древнем Китае...» [Словарь китайского языка, 2002, С. 1677]. Традиционная семья состоит из мужа, жены и их детей.

Таким образом, рассмотрев словарные толкования слова *семья* в русских и китайских словарях и литературе, можно заключить, что в обоих языках слово *семья* обозначает группу близких родственников, живущих вместе.

Отметим, что в современных энциклопедиях и словарях русского и китайского языков *семья* определяется через наличие брачных и/или кровных отношений:

«Семья – это основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью» [Прохоров, 1979, URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F>].

«Семья – основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью» [Грицанов, 1999, URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%AF>].

«Семья – основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью. Как устойчивое объединение возникает с разложением родового строя» [Большой энциклопедический словарь, 1993, URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%AF>].

В «Словаре современного китайского языка» (1996 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников (У него в семье пять человек)». В «Словаре китайского литературного языка» (2000 г.) «Семья – это 1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников...» [Ян Фан, 2013, С. 251].

Фразеологизмы духовно-религиозных текстов были разделены на три тематические группы: брачные отношения: муж и жена; кровные отношения: родители и дети; братья и сёстры.

«Семья, государство и религиозные конфессии являются важнейшими, необходимыми формами объединения человеческого общества, значение которых трудно переоценить» [Лёвушкин, 2018, С. 131]. Не только в России, но и в Китае тесная взаимосвязь семейных ценностей и религии обусловлена присутствием религиозного фактора в политике государства. Семья является опорой христианства и одного из его направлений – православия. С принятием христианства как государственной религии (988 г.) «семья переходит под полное покровительство Православного христианства, что было закреплено в церковных уставах князей Владимира и Ярослава. Церковь стремилась к повсеместному установлению канонов христианского брака, что давало ей право признавать только

те браки, которые были заключены в соответствии с нормами церковного права. С XII в. совершение брака должно было происходить в форме церковного венчания и выдачи венчальной памяти, которая подтверждала законность брак» [Лёвушкин, 2018, С. 132].

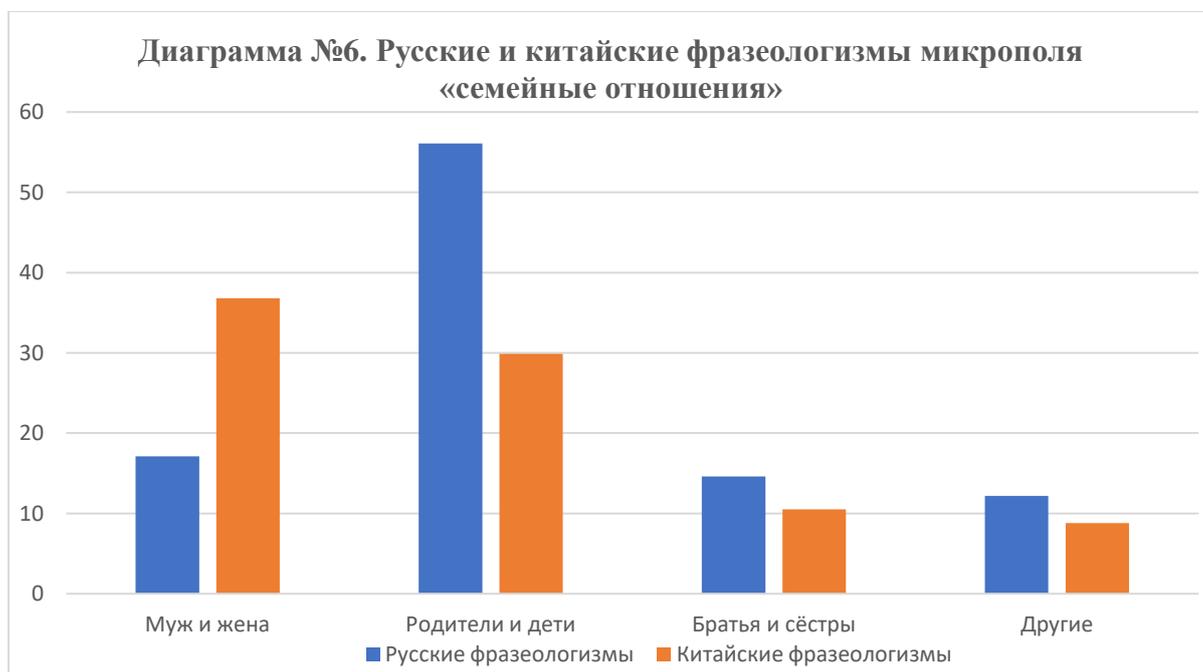
В китайском обществе мощь государства, его стабильность и процветание непосредственно зависят от каждой семьи, которую тоже можно расценивать как маленькое государство: *齐家治国* (Упорядочить семью и управлять страной). Конфуцианство оказало более значительное влияние на управление государством, чем буддизм и даосизм. Его основатель Конфуций «предлагает начать унификацию на базе концепции «семья – государство». В рамках данной модели государство – аналог «большой семьи», состоящей из отцов и детей. Отношения между гражданами и властями регламентировались как воспитание. Государственные мужи выступали в своеобразной роли «отцов всех семей» и должны были вести себя соответствующим образом» [Нехамкин, 2020, С. 4]. Поэтому семья должна подчиняться государству. Данная концепция отражается во фразеологизме *毀家紓難* (Пожертвовать всем своим достоянием для спасения родины). Традиционная модель семейной организации в Китае сформировалась на основе конфуцианских представлений о семье и характере взаимоотношений между различными категориями родственников по крови и браку, культе предков и учении о сыновней почтительности (сяо).

Аналитическими материалами данного раздела являются 41 русская и 57 китайских фразеологических единиц со значением «семья». Были выделены фразеологизмы, эксплицитно или имплицитно выражающие сему «семья». На этом этапе, по мнению Ю. Н. Караулова, отмечается некоторая интуитивность при выборе единиц [Караулов, 1976, С. 96]. Действительно, при выполнении данной работы имеет место субъективность, то есть каждый человек будет индивидуально выбирать подходящие, по его мнению, единицы. Несмотря на возможность различного выбора материала, поле всё же будет отражать определённые

константы. Мы в качестве такой константы выбрали фразеологизмы со значением «семья».

На следующем этапе были выделены: 1) фразеологизмы с лексемой *семья*; 2) фразеологизмы с лексемой, эксплицирующей семейные отношения; 3) фразеологизмы с семой «семья», но без лексического компонента *семья* в своей структуре.

На третьем этапе фразеологизмы группируются в соответствии с их наиболее общими семантическими связями.

На Диаграмме №6 показано количественное соотношение фразеологизмов со значениями «муж и жена», «родители и дети», «братья и сёстры» в русском и китайском языках. В русском языке самыми частотными являются фразеологизмы группы «родители и дети» (56,1%), в китайском языке – «муж и жена» (36,8%).

В китайском классической книге «Чжоу И» (周易序卦传) говорится: «有男女 然后有夫妇，有夫妇然后有父子!» [Фэн Гочао, 2021, С. 246] (Вначале существовали мужчина и женщина, потом появились муж и жена, на этой основе имеются отношения между родителями и детьми). Такой доктрине соответствует библейская цитата: «И сотворил Бог человека по образу Своему; по образу Бога Он сотворил его; мужчиной и женщиной Он сотворил их. И благословил их Бог; и

сказал им Бог: Плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю...» (Бытие 1:27-28). Таким образом, супружеские отношения является основой семейных отношений.

3.1.1. Брачные отношения – муж и жена

Согласно Библии, брак – особое таинство, совершаемое на небесах, и семьёй является освященный Богом союз мужчины и женщины: «посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, Так что они уже не двое, а одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мат. 19:5-6) и «Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мк.10:9). «Принцип единобрачия появился после Крещения Руси, поскольку Церковь осуждала господствовавшее в языческую эпоху многожёнство» [Левченко, 2014, С. 32]. По христианским представлениям, в основе брака лежат взаимная любовь, взаимное уважение, взаимопонимание и поддержка.

В китайском языке также имеется фразеологизм, в котором закреплена сходная идея («Бог / Небо определил брак как обязательство на всю жизнь») – 天作之合 (Союз, совершённый небом (о браке)).

Следующие китайские фразеологизмы выражают положительное отношение к браку:

三星在户 (Благоприятный день для свадьбы);

新婚燕尔 (Счастливые молодожёны);

宜室宜家 (Дружная семья; приносить счастье всей семье).

Брачно-супружеские отношения являются основой семьи. В прошлом существовала тенденция к социальной защите права мужчины, поэтому жене предъявляли больше требований, чем мужу, что зафиксировано во фразеологизмах обоих языков.

В ряде русских фразеологизмов духовно-религиозных текстов отмечается наличие у жены отрицательных моральных качеств:

1). Распушенность и безнравственность:

Вавилонская блудница (крайне развращённая, фривольная, распутная женщина.); *Жена Пентефрия* (женщина-соблазнительница, стремящаяся к плотским наслаждениям и искушающая невинных юношей).

«В древнерусском законодательстве в ст. 10 церковного устава князя Ярослава указывается, что следует строго наказать жену в случае её измены мужу... Супружеская неверность начинает рассматриваться как особо тяжкое преступление, совершённое замужней женщиной, которая могла родить ребёнка не от мужа, тем самым передав ему право наследования чужого имущества, что рассматривалось как тайное его хищение» [Лёвушкин, 2016, С. 134]. В Библии супружеская измена считается одним из тяжких грехов, подчёркивается важность мужской верности: «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж...» (1 Тим. 3:2). Таким образом, основой брака является взаимная верность супругов.

2). Бесплодие:

Бесплодная смоковница (бездетная женщина).

3). Жадность к деньгам:

Как Лотова жена (жена Лота – пример земного стяжательства).

4). Красивая, но опасная женщина:

Уриева жена (красивая, соблазнительная, но опасная женщина).

В китайской фразеологической картине мира наблюдается пренебрежительное отношение к жене – у неё больше обязанностей, чем прав.

1). Целомудрие женщины:

不安于室 (Неспокойствие в спальне. Обр. в знач.: чувственная неудовлетворённость замужней женщины; половая неудовлетворённость замужней женщины);

守身如玉 (Придерживаться правил морали; блюсти себя в целомудрии; сохранить личное достоинство);

从一而终 (Посвятить себя одному мужу до конца жизни).

В китайской традиционной культуре женщина, повторно вышедшая замуж, считается дурной, безнравственной. В отличие от принципа «один муж, одна жена» в русском обществе, в древнем Китае жена должна была оставаться верной одному мужу, даже покойному, а муж мог иметь «второстепенных» жён и наложниц, количество которых зависело от социального положения мужчины. Поэтому социальный, имущественный фактор играл главную роль в выборе жениха и невесты. В феодальном обществе существовало такое социальное явление, как неравный брак: старик-земледелец женился на юной девушке, о чём свидетельствует фразеологизм конфуцианского происхождения: *枯杨生稊* (Старый тополь даёт побеги. Обр. в знач.: о рождении сына у старика).

2). Покорность и подчинённость женщины:

У древних китайцев преобладало мнение *男尊女卑* (Превосходство мужчины над женщиной), в котором отражён социальный статус женщины и её место в семье. Женщина должна соблюдать правила конфуцианского учения: *三从四德* (Троякая покорность: до замужества – отцу, в замужестве – мужу, после смерти мужа – сыну, - и целомудрие) и четыре достоинства женщины (добродетель, скромность в речах, женственность, трудолюбие) – традиционная формула требований к женщине в старом Китае)). Вместе с тем, в классическом китайском даосском трактате «Тайпинцзин» (*太平经* или «Книга Великого Спокойствия») записано: «*女之就夫家，乃当相与并力，同心治生，乃共传天地统。*» [Юй Лимин, 2001, С. 47] (Выйдя замуж, женщина должна вместе с мужем прилагать общие усилия для прекрасной жизни) – даосизм рассматривает жену как помощника мужа. Поэтому в народе бытует такой фразеологизм даосского происхождения: *夫唱妇随* (Муж запеваёт – жена подпевает. Обр. в знач.: о согласии и мире в семье).

Анализ фразеологизмов, характеризующих образ жены, показывает, что в устойчивых выражениях русского языка находит отражение представление о негативных чертах женщины, сформировавшихся под влиянием библейского

сюжета о грехопадении Евы. Китайцы, под влиянием доминирующей в Китае религии – конфуцианства, высоко ценили такие качества жены, как целомудрие, покорность и подчинённость.

Существует мнение, что «само слово *женщина* в русском языке имеет негативное происхождение: все слова, кончающиеся на *-щина*, в русском языке имеют негативную коннотацию (презрение или пренебрежение) – *деревенщина*, *казенщина*, *групповщина*, *чертовщина*. Слово *женщина* вышло из славянского *жена* и несло на себе коннотацию пренебрежения. Женщина – символ нижнего мира, греховности, зла, всего земного, тленного» [Казимагомедова, 2021, С. 49]. Вероятно, ещё и по этой причине положительная оценка женщины содержится в малом количестве русских фразеологизмов духовно-религиозных текстов.

Выражения *Кость от кости кого, чьей* и *Плоть от плоти кого, чьей* «восходя к библейскому рассказу о сотворении первой женщины на земле» [Дубровина, 2010, С. 317]: «И навёл Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из рёбр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привёл её к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей...» (Быт. 2:21-23), – обозначают единство мужа и жены. В современном русском языке эти фразеологизмы употребляются по отношению к родному ребёнку, кровному родственнику.

К. Н. Дубровина отметила коннотативную амбивалентность русского библеизма *Муж и (да) жена – одна сатана*: «...Неся смысл положительного характера и обозначая, что супруги одинаковы в своих помыслах, желаниях, стремлениях, в их отношениях к окружающим и действуют заодно», «но с компонентом пассивной оценки *сатана*, явно используется не ради одной лишь рифмы, но также вносит в данный оборот несколько негативную окраску и определённый семантический нюанс: жена всегда поддержит мужа, а муж – жену не только в чём-либо хорошем, добром, но и в плохом» [Дубровина, 2010, С. 372, 374].

В русском языке выделяется группа пословиц фольклорного происхождения с положительным образом жены: *Что гусь без воды, то мужик без жены; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне.* В русском сознании жена важна для мужа, особенно хорошая жена.

По убеждению конфуцианских комментаторов, идеальная супружеская пара характеризуется гармонией, глубокой привязанностью друг к другу и взаимным уважением, что отражено во фразеологических оборотах:

琴瑟之好 (Цинь и сэ в аккорде (цинь и сэ – настольные струнные инструменты). Обр.: о супружеском согласии);

鸾凤和鸣 (Согласное пение луани и феникса. Обр. в знач.: счастливый брак, жить душа в душу);

爱屋及乌 (букв.: Любить не только дом, а даже ворон на его крыше. Обр.: любя человека, любить всё, что с ним связано; ср.: любишь меня, люби и мою собаку);

相敬如宾 (букв.: Относиться друг к другу с уважением, как к гостю. Обр. в знач.: уважать друг друга (о супругах), взаимоуважение (между супругами)).

Даосизм, основываясь на принципе гармонии, провозглашает «равенство мужа и жены», что отражено в книге «Тайпинцзин»: «男女各出半力, 同志和合, 乃成一家» (Муж и жена, дополняя друг друга, создают гармоничную семью). Антонимичный по семантике фразеологизм восходит к буддийскому тексту *同床异梦* (Деля ложе, видеть разные сны. Обр. в знач.: в общем деле преследовать разные/собственные цели: при внешнем единстве каждому делать своё личное дело). Согласно учению Будды, чтобы последовать восьмеричному пути, человек должен стать монахом или монахиней, порвать все земные связи и дать обет безбрачия. Но брак в буддизме считается общественным институтом, а не долгом, налагаемым на человека религией. Будда придавал большое значение семейным отношениям, считая, что они могут стать для человека источником огромного счастья или

привести к страданиям. Буддизм предложил модель счастливой супружеской пары: взаимная любовь, взаимное уважение, доверие, забота; в супружестве можно развить свои духовные качества, научившись терпению, умению сосредотачиваться и мудрости.

Таким образом, единство супругов и супружеская гармония крайне ценны в обоих лингвокультурах. В китайском даосизме и буддизме можно отметить уважительное и толерантное отношение к женщине.

3.1.2. Кровные отношения – родители и дети

Отношения между родителями и детьми – это основа семьи. Конфуцианство в трактате «Ли цзи» провозгласило: «为人子，止于孝；为人父，止于慈» (Для сына – сыновья почтительность; для отца – доброта), – то есть со стороны родителей требуется любовь, а со стороны детей – почтительность, обе стороны имеют свои этические обязанности. В ходе анализа языкового материала двух языков были отмечены некоторые различия: так, в русских фразеологизмах об отношениях детей и родителей подчёркивается отцовская любовь; в китайском языке значительная доля фразеологизмов связана с сыновней почтительностью. Русский и китайский фразеологический фонд совпадают в признании главной роли отца в воспитании детей.

1). Отцовская любовь и ответственность.

Согласно Библии, Бог как отец любит людей, «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16). «Отче наш» – одна из наиболее известных христианских молитв, которой Иисус Христос научил Своих учеников. Это выражение знакомо каждому верующему христианину и произносится по несколько раз в день. Но фразеологизм *Как «Отче наш»* в современном понимании употребляется в разговорной речи со значением «хорошо, основательно, не забывая

никогда, ни при каких обстоятельствах (знать, помнить / запомнить, затвердить наизусть что-либо)» [Дубровина, 2010, С. 276].

Божественная любовь считается вечной, святой, безусловной. Образ любящего отца присутствует во многих библеизмах русского языка, например, *Водить (держать) за руку [ручку] кого*, где закреплён образ заботливого отца и покровителя, оберегающего, направляющего своего подопечного. В Библии имеется и синонимичный фразеологизм: *Носить на руках кого*, – метафорически выражающий отношение Бога к человеку, «которого Он окружает любовью и заботой, сравнимой с родительской» [Дубровина, 2010, С. 443]. Словосочетания «*Как зеницу ока беречь (хранить) кого, что* или *как зеницей ока дорожить кем, чем* употребляются в современном обществе в значении: заботливо, тщательно, бдительно, с особой ответственностью охранять, оберегать кого или что-либо» [Дубровина, 2010, С. 273]. В Библии посредством данного сравнения изображается безмерная любовь Господа к сынам Израилевым и забота о них. Эквивалентную по значению фразеологическую единицу буддийского происхождения находим в китайском языке: *掌上明珠* (Жемчужина на ладони (о горячо любимом ребёнке, особенно дочери). Милостивая любовь Бога даже к согрешающим людям изображается в «Притче о блудном сыне» из Главы 15 Евангелия от Луки (Лук.15:11), иллюстрирующей неизречённое Божье милосердие и прощение ко всем грешникам. Китайцы сравнивают благодетеля, спасителя со вторыми родителями, что зафиксировано в устойчивом сочетании *再生父母* (Вторые родители. Обр. в знач.: благодетель, спаситель).

Родители любят своих детей, балуют их, но они также ответственны за их наставление и воспитание, «Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Прит. 3:12). В китайском языке фразеологическая единица *过庭之训* (Отцовское наставление) восходит к истории наставления сына Конфуцием.

Русские библеизмы и китайский фразеологизм имеют сходное значение «Долги отца погашает сын» (*父债子还*). Так в русском языке поговорка *Отцы ели*

кислый виноград (клюкву, терпкое), а у детей на зубах оскомины и устойчивые выражения Хамов сын либо Хамовы дети (в значении: бранное прозвище лакеев, холопов и слуг, вообще людей низкого происхождения; невоспитанные, грубые люди) иллюстрируют, что дети отвечают за грехи и ошибки своих родителей, хотя это значение вступает в противоречие с ветхозаветным учением Священного Писания [Дубровина, 2010, С. 479].

2). Послушание детей и почтение к родителям.

Связь между родителями и детьми является наиболее тесной и сильной человеческой связью. Во-первых, в рамках юридических систем, каждый ребёнок – *Плоть от плоти и Кровь от крови* своих родителей. Во-вторых, дети обычно наследуют внешность родителей, что отражается в таком библейском обороте, как *По образу и подобию кого, чьему*. В-третьих, душевные склонности и привязанности, добродетели и пороки родителей передаются их детям, что зафиксировано в библеизме: *Евина внучка (дочка) [внучка (дочка) Евы]*, обозначающем любопытную женщину, так как «змей-искуситель, воспользовавшись Евиным любопытством, уговорил её вкусить запретный плод с древа познания добра и зла» [Дубровина, 2010, С. 188].

Следовательно, любовь детей к родителям естественна. Главные обязанности детей по отношению к родителям: почтение, послушание, благодарность – постулируются во всех рассматриваемых религиях, поскольку родители дали детям жизнь, любовь, заботу и всё необходимое. Перечисленные обязанности детей по отношению к родителям в китайском обществе считаются законом неба и принципом земли. Кроме того, под влиянием идеи Конфуция о сыновней почтительности (сяо), в традиционном обществе доминирует ценностный стереотип *百善孝为先* в значении «Сыновняя почтительность лежит в основе всех добродетелей».

С учением Конфуция онтологически и концептуально связана идея «Сяо» в даосизме, доказательством чего служит цитата из книги «Тайпин цзин» (или «Канон Великого Благоденствия» – даосский текст эпохи поздней Хань): «天下之

事，孝为上第一» (Что касается мирских дел, сыновняя почтительность – это первый шаг вперед). Как известно, главной целью даосов является достижение бессмертия, таким образом, даосский «Сяо» – это молитва о бессмертии родителей.

Идеи сыновней почтительности нашли отражение и в китайском буддизме. «В процессе распространения буддизма в Китае его первоначальная форма изменялась, так как ему приходилось адаптироваться к местным традициям и культуре: в буддийское учение вошли некоторые основы традиционной китайской морально-этической доктрины, среди них основной принцип – это *Сяо*» [Пэн Лин, 2015, С. 23]. В отличие от даосизма и конфуцианства, буддизм уделяет больше внимания очищению и улучшению духовной сферы. Для буддистов наставить неверующих родителей на путь буддизма – это проявление величайшей сыновней почтительности.

В Десяти заповедях сказано: «Почитай отца твоего и мать твою, [чтобы тебе было хорошо и] чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе» (Исх. 20:12) – это не только первая заповедь с обещанием, но и первая заповедь об отношениях человека с человеком. Из любви к родителям дети делают для них всё необходимое, включая моральную и материальную поддержку, заботятся об их физическом состоянии и жизненном благополучии.

Таким образом конфуцианство обобщало три аспекта сыновней почтительности:

1. 事父母，能竭其力 («Отдать все свои силы служению родителям» [Меньшикова, 2001, С. 4]).

В китайском языке содержится фразеологическая единица конфуцианского происхождения, передающая великую родительскую любовь: 昊天罔极 (Великое небо не знает пределов (также обр. о родительской любви)). Следовательно, дети должны всесторонне заботиться о своих родителях; различные виды ухода за родителями закреплены в устойчивых оборотах, например:

冬温夏清 (Заботливо относиться к родителям так, чтобы зимой им было тепло и летом прохладно);

昏定晨省 (Вечером и утром справляться о самочувствии родителей); постоянно заботиться о родителях);

菽水承欢 (Бобами и водой радовать родителей, в бедности безукоризненно служить родителям);

先意承志 (Предугадывать мысли и удовлетворять желания родителей).

В соответствии с конфуцианством, «生，事之以礼；死，葬之以礼，祭之以礼 (При жизни родителей служить им, следуя ритуалу. Когда они умрут, похоронить их в соответствии с ритуалом и приносить им жертвы, руководствуясь ритуалом)» [Меньшикова, 2001, С. 9]. В связи с этим, смысл сыновней почтительности также заключается в культе предков и благодарности за их благодеяния. Дети обязаны кормить (поддерживать) живых родителей и в соответствии с ритуалом хоронить мёртвых (Обр. в знач.: Быть настоящим сыном, свято выполнять свой сыновний долг) (养生送死), уделяя значительное внимание погребальному и поминальному культу.

В старом Китае существовал традиционный ритуал: 寝苫枕块 (Спать на циновке, положив под голову ком земли в трауре по родителям). Во фразеологизме 如丧考妣 (Будто потерял родителей. Обр. в знач.: рыдать во весь голос, заливаясь слезами) передана великая скорбь детей при потере родителей.

2. 孩提之童，无不知爱其亲也 («Среди детей, которых ещё носят на руках, нет таких, которые не знают любви к своим родным» [Меньшикова, 1999, С. 189]).

Дети должны относиться к своим родителям с искренней любовью и уважением. В книге «Луныюй» ученик Цзы-ю спросил о почтительности к родителям. Конфуций дал ответ: «Сегодня почтительностью к родителям называют их содержание. Но люди содержат также собак и лошадей. Если родителей не почитать, то чем будет отличаться отношение к ним от отношения к собакам и лошадям?» [Меньшикова, 2001, С. 35]. Поэтому важно выражение почтения родителям не только во внешних проявлениях, но и во внутренних мотивах: 毕恭毕

敬 (Быть весьма почтительным; питать глубочайшее почтение). Фразеологизм с противоположным значением 没大没小 употребляется по отношению к человеку, который непочтителен к старшим. Мэн-цзы также поддерживает данную точку зрения: «孝子之至，莫大乎尊亲. (Для почтительного сына нет большего достижения, чем почитание родителей)» [Меньшикова, 1999, С. 135].

3. 孝而不失规劝 («Служи своим родителям, мягко увещивай их. Если видишь, что они проявляют несогласие, снова прояви почтительность и не иди против их воли. Устав, не обижайся на них» [Меньшикова, 2001, С. 27].)

Если родители выдвигают необоснованные требования, а дети их выполняют, то это считается сыновним непочтением, усугубляющим недостатки и пороки родителей.

В конфуцианстве были выделены и другие виды сыновнего непочтения. Так представитель конфуцианской традиции философ Мэн-цзы, выдвинул идею 不孝有三, обозначающую многие виды сыновнего непочтения к родителям и ставшую основой появившейся позднее поговорки 不孝有三, 无后为大 (конф.: Среди многих видов сыновнего непочтения к родителям самое злостное – бездетность).

Роль матери для женщины в подавляющем большинстве оказывается положительной. Устойчивый оборот 母凭子贵 (Высокое положение матери зависит от рождения сына) утверждает, что счастьем для женщины является рождение сына.

3.1.3. Кровные отношения – братья и сёстры

В классической летописи «Шаншу» (или «Чтимая книга» (尚书)), входящем в конфуцианский канон «Пятикнижие» (五经), сформулирован главный принцип отношений братьев – принцип 兄友弟恭 (Старший брат должен быть добрым, а младший – почтительным). Слово 悌 (Ти) употребляется для выражения уважения к старшим братьям и любви младшего брата к старшему. В китайской

традиционной культуре важными концептами конфуцианства, получившими множественную репрезентацию в устойчивых языковых единицах, выступают: *孝* *悌* (*Сяо* – почитание родителей; *Ти* – уважение старших). *Сяо* и *Ти* в современном китайском языке обычно употребляются слитно, что подтверждается цитатами из конфуцианских текстов: «孝弟也者，其为人之本与 (Почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – это основа человеколюбия)» [Меньшикова, 1999, С. 2]; «入则孝，出则悌 (Дома почитать родителей, а вне дома – старших братьев)» [Меньшикова, 1999, С. 3]; «孝乎惟孝，友于兄弟，施于有政，是亦为政，奚其为为政? (Когда надо проявить сыновнюю почитательность, прояви сыновнюю почитательность; будь дружен со своими братьями, осуществление этого и есть управление)». Если это и есть управление, то к чему заниматься управлением [государством?])» [Меньшикова, 1999, С. 3].

Семейные отношения между братьями и сёстрами составляют часть семейных традиций и формируют лингвокультурные стереотипы в национальной языковой картине мира. Китайский учёный Го Пинтин, проанализировав ряд русских поговорок и пословиц на данную тему, пришёл к выводу: «Доброе братство в менталитете русского народа приобретает яркие триединые признаки: любовь, единство, верность. Это триединство братства не только отражает русскую семейную ценность, но и обнаруживает религиозное сознание русского народа» [Го Пинтин, 2018, С. 307].

В сознании носителей китайского языка доброе братство означает:

1) взаимную любовь и поддержку друг друга, например, *司马牛之叹* (Вздых Сыма Нью (об отсутствии брата). Обр. в знач.: один как перст);

2) оказание помощи братьям в беде, например:

兄弟急难 (Брат в беде);

鹳鸣在原 (Трясогузки на равнине. Обр. в знач.: братья, дружные в беде);

3) жить дружно и гармонично, например, *如埙如篪* (Дружны как окарина с флейтой. Обр. в знач.: о дружбе и согласии между братьями).

Кровное родство членов семьи не может гарантировать тёплых отношений братьев и сестёр. В Библии сказано: «первоначальным и главным символом братоубийственной, кровопролитной вражды является первенец Адама и Евы Каин, убивший из чувства зависти своего младшего брата Авеля» [Дубровина, 2010, С. 53]. Данный ветхозаветный сюжет стал источником некоторых фразеологических единиц:

Выражение «*Брат на (против) брата <восстал>*», в современном обществе обозначающее крайнюю степень противостояния, вражды между людьми, состоящими в близких, родственных отношениях; употребляется также как характеристика гражданских войн» [Дубровина, 2010, С. 52].

Каинова печать (каиново клеймо) приобретает негативный смысл – «отпечаток, след, признак чего-либо порочного, преступного. Имя Каина в русском языке, став нарицательным, обозначает убийцу, предателя, изверга, тяжкого преступника. Фразеологизм *Каинов грех* является синонимом братоубийства. Кроме того, *каиновым клеймом* в русском языке стало производное от глагола *окаивать / окаять* кого-либо – ‘признать отверженным или достойным проклятия, отчуждения’ (см. В. И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка», т. 2, с. 661)» [Дубровина, 2010, С. 269].

Выражение *Разве я сторож брату моему?* используется, когда «виновный пытается откреститься от преступления или аморального поступка, отрицает свою причастность к чему-либо» [Дубровина, 2010, С. 559].

В китайской картине мира неблагоприятные отношения с братьями отражаются во фразеологизме *兄弟阋牆* (Старший и младший братья ссорятся внутри дома, но вне дома защищают друг друга от оскорблений. Обр. в знач.: конфликт между своими, междоусобица, внутренние распри; внутренняя борьба; братоубийственная война).

В Библии братские отношения возникают не только на основе кровного родства, но и «слово *брат* очень часто употребляется как синоним близкого по духу человека. Братская любовь – это символ духовного единения людей. Ветхозаветная

идея любви и милосердия к ближнему перерастает в Новом Завете в идею вселенского братства, когда все люди, независимо от их социального положения, национальности – братья во Христе» [Дубровина, 2010, С. 54]. Эта идея нашла отражение в исконно русской фразеологической единице *Ваш брат* (вы (ты) и вам (тебе) подобные), «возникшей из обобщённых оценок поведения и характера монахов и монахинь, которые называли друг друга братьями и сёстрами» [Бирих, 1998, С. 356].

«Братья и сёстры во Христе придерживаются принципа: младшие почитают старших, больший должен заботиться о меньших, служить им (см. Лук. 22:26). В русском языке цитата о братьях меньших встречается уже в летописях, например: «Слыша бо Господа глаголица, аще створисте братье моеи меньшеи, то мне створисте» (Лаврентьевская летопись под 1377 г.). Братьями меньшими (младшими, младшими) называли в Древней Руси удельных князей по отношению к великому князю или просто людей невысокого общественного положения, нуждающихся в защите и помощи» [Дубровина, 2010, С. 55]. Следовательно, фразеологический оборот *Братья наши меньшие* [*Меньшая братия; Меньшие братья*] обозначает людей невысокого общественного положения, стоящих на низшей социальной ступени. Однако в начале XX века меньшими братьями стали называть «и животных, что связано с гуманной деятельностью известных дрессировщиков братьев А. Л. и В. Л. Дуровых, считавших животных разумными, добрыми и эмоциональными существами и добившихся выдающихся результатов при дрессировке с помощью доброты и ласки» [Дубровина, 2010, С. 55].

В китайском языке также отражается идея, что в основе братских отношений лежит не только кровное родство. Конфуций считал, что между четырьмя морями все люди – братья (*四海之内皆兄弟*) [Ян Боцзюнь, 2018, С. 159]. Данная идея актуальна в современном обществе и была включена в контекст современных политических реалий КНР, «прослеживается в докладе председателя Си Цзиньпина на 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 г., где он объявил о строительстве концепции «сообщества единой судьбы человечества».

Эта концепция получила развитие в материалах 18-го съезда КПК, затем Си Цзиньпин повторял её уже в своих выступлениях в качестве руководителя КНР» [Насирова, 2022, С. 622]. Популярность этой идеи способствует стабильности и гармонии государства.

Таким образом, согласно «Ли-цзи», «父子笃, 兄弟睦, 夫妇和, 家之肥业» (Родители и сыновья взаимно искренны и честны; братья и сёстры живут в дружбе; супруги уважают друг друга – это основы прекрасной и зажиточной семьи. Или если в семье царит мир, то всё процветает) [Дай Шэн, 2013, С. 89]. В словарной статье «Словаря русского языка» С. И. Ожегова сделан акцент на семье как сообществе интересов: семья – «это группа живущих вместе близких родственников или объединение людей, сплочённых общими интересами» [Ожегов, 2015, URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28436>].

Во фразеологизмах духовно-религиозных текстов обоих языков содержатся общие культурные феномены, в частности, тесная взаимосвязь членов семьи. В русском языке сочетание *Ноев Ковчег* – это убежище, предназначенное «служить для Ноя, его жены, трёх сыновей с их жёнами, а также для животных (Быт. 6:19)» [Дубровина, 2010, С. 441]. Библиизм «*Мир вам! Мир дому сему (вашему, твоему)*» является формулой приветствия, выражает пожелания покоя, счастья и благополучия при посещении какого-либо дома» [Дубровина, 2010, С. 366]. В современном русском языке данное приветствие может обладать шуточной окраской. В китайском фразеологизме даосского происхождения *拔宅飞升* (Вознестись ввысь со всем семейством. Обр. в знач.: стать бессмертным святым вместе с семьёй) транслируется единство семьи в китайском религиозном сознании.

Сопоставление фразеологических единиц микрополя «семейные отношения» духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках выявило сходство или близость лингвокультурных коннотаций отношений к старшим, братству, семейным ценностям. Также выявлены отличия во взглядах на роль и положение жены представителей этих культур.

3.2. Микрополе «Бог»

В религиозных источниках Бог характеризуется как Верховное всемогущее существо, управляющее миром. Несомненно, такой образ, как Бог – представитель добра, признается всеми религиями мира как основополагающее начало бытия и проявляется в них в той или иной форме [Базарова, 2010, С. 20].

Микрополе «Бог» является константой русской и китайской лингвокультур, частью системы моральных, нравственных и культурных концептов анализируемых языков, поскольку объективируется в большом количестве фразеологизмов и вербализуется значительным количеством лексических единиц.

Русские и китайские фразеологизмы полностью не совпадают друг с другом по внешней форме, но частично адекватны по семантике, поскольку русская и китайская нации отличаются друг от друга историей, культурой, обычаями, верой, географическими условиями. Стоит отметить, что, являясь стержнем духовной культуры человечества, религия играет существенную роль в становлении и развитии миропонимания у того или иного этноса, что отражено в языке, в частности, во фразеологических единицах. Объектом нашего исследования являются 689 фразеологизмов с компонентом *Бог*: 234 фразеологизма русского языка и 455 фразеологизмов китайского языка. Фразеологизмы получены методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников: 1. «Словарь фразеологизмов с компонентом «Бог»» [Шведова, 2005, 111 с.]; 2. «Большой этимологический словарь китайской фразеологии» [Чжу Жуйвэнь, 2006, 432 с.]. Перевод китайских языковых примеров на русский язык взят из ресурсов на сайте «Большой китайско-русский словарь» [URL: <https://bkrs.info/>].

Основным источником подавляющего большинства русских фразеологизмов с компонентом *Бог* является Библия. Такие фразеологизмы называются библеизмами. Слово *Бог* закреплено в сознании русских, особенно православных, в качестве «единственного и всемогущего творца и управителя» [Ожегов, 2015, С. 678], например, *Бог дал, Бог взял; Бог даст день, даст и пищу; Блаженны миротворцы,*

ибо они будут наречены сынами Божиими; Всё в руке Божией; Дар Божий и т.д. В «Толковом словаре русского языка» приводятся три значения лексемы *Бог*. Первое значение, принятое в религиях, – «Верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ. *Вера в бога. Языческие боги*». Второе значение приведено выше. Третье значение – переносное: «Предмет поклонения, обожания (устар., книжн.). *Музыка – его бог. Эта девушка для него бог*» [Ожегов, 2015, С. 678]. В современном русском языке библеизмы постепенно утрачивают свои первоначальные значения и стилистическую окраску. Большинство библеизмов развивают переносные значения.

Установив объём лексического значения слова *Бог* в русском языке, рассмотрим варианты его адекватного перевода на китайский язык для дальнейшего анализа фразеологизмов с данным компонентом в обоих языках. В «Новом русско-китайском словаре» слово *Бог* зафиксировано в трёх значениях:

1. 神; 上帝; 老天爷 (Шэнь; Шанди; ЛаоТяньЕ),
2. 基督教信奉的上帝 (Бог в православии),
3. 崇拜的对象; 偶像 (идол, кумир) [Чжэн Цзяньхуа, 2008, С. 49].

Что касается второго толкования, ввиду препятствий, созданных китайской традиционной культурой и несвободной религиозной политикой, распространение христианского вероучения в Китае прошло непростой путь, поэтому второе толкование слова *Бог* во фразеологизмах китайского языка практически не отмечается. Поэтому мы, прежде всего, проанализируем фразеологизмы с первым значением – 神 (Шэнь), эквивалентным значению слова *Бог*.

Нельзя отрицать, что с Танского несторианства до проповеди Ли Мадоу в конце династии Мин христианство оказало всестороннее влияние на китайцев [Ли Бои, 2004, С. 39]. При переводе слова *Бог* на китайский язык миссионеры заимствовали иероглиф 神 (Шэнь), так как образ 神 в китайском национальном мировоззрении воспринимается как высшее существо, всемогущий правитель Вселенной. Иероглиф 神 берёт начало в династии Западного Чжоу, правая часть которого 申 с исторической точки зрения объясняется образом молнии: в древности

все природные явления китайцы считали волшебными духами и молнию воспринимали в качестве Бога.

В представлениях носителей русского и китайского языков *Бог* и *神*, в первую очередь, являются воплощением справедливости и всезнания. Представление о справедливом Боге актуализируется в библеизмах *Бог (тебе, вам, ему, ей, им) судья, Боже праведный*, имеющих предупреждающий характер.

В тринадцати фразеологизмах китайского языка реализуется сходное значение:

神怒民叛 (Бог возмущается, народ восстаёт);

神怒民痛 (Бог рассердится, народ страдает);

神怒人怨 (Бог гневается, человек обвиняет);

神人共愤 (Бог и человек возмущаются) и т.д.

Анализируемые синонимичные устойчивые словосочетания, обозначающие Божью ярость, обладают негативной окраской. Обычно используются в контексте наказания грешного человека справедливым Богом за его неблагоприятные поступки.

Идея «Всеведущего Бога» отражена в представлениях носителей русского языка о всеобъемлющем и всепроникающем Божественном знании окружающего мира и каждого человека. Данные представления отражены в сериях и рядах фразеологизмов, таких как: *Одному Богу известно; Где Бог пошлёт; Не Бог весть как; Бог знает [весть] где; Бог знает [весть] зачем; Бог знает [весть] как; Бог знает [весть] какой; Бог знает [весть] кто; Бог знает [весть] куда* и т.д. Помимо этого, Бог созерцает глубину человеческой души, непостижимые мысли человека: *(Один) Бог знает (тебя, вас, его, ее, их) [ведает]; Бог твою (вашу, его, ее, их) душу знает.*

В китайской культуре человек, обладающей даром предвидения, сравнивается с Богом:

料敌如神 (Разгадать замысел противника точно, как Бог);

料事如神 (Правильно предугадать развитие дела, как Бог);

妙策如神 (Заранее придумать ловкий план, как Бог).

В двух лингвокультурах сосуществуют монотеистическое и политеистическое представления. До Крещения в 988 году Древняя Русь была языческой. Славяне ассоциировали природные явления с обладающими волшебными силами богами. Многобожие оказало значительное влияние на быт, культуру славян, их картину мира. Уважение к богам отразилось во фразеологических единицах с компонентом *Бог*, например: *Бог Яровит (Бог весны); Бог войны; Бог плодородия и вина; Бог славян (Перун); Вывать к богам и богиням; Лесной бог; Огневейный бог; Олимпийский бог* и т.д.

В китайской лингвокультуре также сохраняются следы язычества. В мировоззрении китайцев сосуществуют различные религии: буддизм, даосизм, конфуцианство, ислам, протестантизм, – концептуально отразившиеся во фразеологическом фонде китайского языка. Даосизм, считающийся в Китае национальной религией, является неотъемлемой частью культурно-психологической самобытности китайского этноса. К Даосизму относится значительное количество божеств, образы которых, созданные человеческим воображением, проявляются в явлениях природы, бытовой жизни людей. Типичным примером служит известный каждому китайцу фразеологизм *八仙过海, 各显神通* (Во время переправы через море восемь небожителей показывают каждый свои чудеса и волшебство. Обр. в знач.: каждый проявляет свои таланты и способности). Также известны боги-хранители ворот (*门神* Мэншэнь, изображения двух божеств, по одному на каждой створке ворот), которых, по традиции, тридцатого декабря по лунному календарю всей семьёй наклеивают на ворота. Согласно представлениям китайцев, боги ворот охраняют дом от нечистой силы и всякого зла. Именно эти два божества, выполняющие в повседневной жизни китайцев функцию защитников, упомянуты во фразеологизме *神荼郁垒* (Два генерала у Хуанди, ловящего чертей и злых духов). Фразеологизм *耳报神* (Божество, живущее в ухе некоторых людей) в современном китайском языке обозначает осведомителя, доносчика.

В китайской речи бытуют фразеологизмы *牛鬼蛇神* (Бычий демон и змеиный дух. Обр. в знач.: отвратительный, чудовище) и *柳圣花神* (Король ив, королева цветов. Обр. в знач.: о распутной женщине), свидетельствующие, что в китайской картине мира боги не всегда являются святыми и добрыми, наоборот, боги оказываются отрицательными персонажами (фразеологизм *丧门神* (*丧门* – это беда, один из злых духов)).

Рассмотрим содержание лексики со значением «Бог» в китайской языковой картине мира.

В составе фразеологических единиц с компонентом *神* наблюдается такой феномен: древние китайцы не различали богов и демонов, поскольку и те и другие обладали волшебными силами, совершали чудеса, люди не знали мест их обитания. Значительное количество фразеологизмов, приблизительно 68 единиц, имеющих в своём составе названия бога и чёрта, передают значения «загадочный» и «очень».

Значение «загадочный» зафиксировано в таких устойчивых оборотах, как:

神不知, 鬼不觉 (Даже боги и демоны не почуяли. Обр. в знач.: совершенно незаметно, в глубочайшей тайне);

神出鬼没 (Появляться как боги и исчезать как чёрт. Обр. в знач.: мгновенно и загадочно, как по волшебству);

神鬼莫测 (Ни духам, ни демонам не постигнуть. Обр. в знач.: тайно) и прочие.

Значение «очень» иллюстрируется следующими примерами:

神工鬼斧 (Божественный мастер и волшебный топор. Обр. в знач.: чудесное, нечеловеческое мастерство);

神焦鬼烂 (Боги и черти подгорели. Обр. в знач.: самый страшный и крупный пожар, в огне погибло много людей);

神输鬼运 (Боги и черти перевозят что-либо быстро. Обр. в знач.: сиюминутно перевозить что-л.; в тайне перемещать вещи);

惊天地, 泣鬼神 (Испугать вселенную, заставить даже бесов и богов плакать. Обр. в знач.: очень трогательный и удивительный).

Анализ фразеологизмов с одновременным наличием двух компонентов («Бог» и «чёрт») позволяет выявить очевидную особенность китайской картины мира, сформировавшейся в процессе познания окружающей действительности: отсутствовало строгое разделение сверхъестественных сил на богов и демонов в Древнем Китае.

Изучение фразеологизмов микрополя «Бог» позволяет заключить, что ядерный слой микрополя «Бог» в русском и китайском языках связан, прежде всего, со справедливостью и всезнанием. Значительная часть фразеологизмов с компонентом «Бог» в картине мира русского народа ассоциируется с божьим благословением и защитой. В китайском языке лексика со значением «Бог» обусловлена значением «загадочность», зафиксированным в семантической структуре трети исследованных фразеологизмов.

3.3. Микрополе «богатство»

В экономике *богатство* определяется как «всё, что имеет рыночную оценку и может быть продано за деньги или обменено на иные блага» [Лопатников, 2003, URL:https://economic_mathematics.academic.ru/885/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE].

В религиозно-философском смысле – это богатство духа и моральные качества.

В «Новом словаре русского языка» *богатство* трактуется как:

- «1) а) Материальные ценности, деньги, драгоценности.
- б) Роскошь, пышность, великолепие.
- в) То, что представляет собою ценность лишь для кого-л.
- 2) Обилие, разнообразие природных ресурсов.

3) перен. Многообразие высоких нравственных качеств» [Ефремова, 2000, С. <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>].

Лексема *богатство* в значении «всё, что обладает ценностями», переводится на китайский язык как 财富 [Синхуа словарь, 2017, С. 46], который состоит из двух иероглифов: 财 и 富. Слово 财 подразумевает деньги, основными лексемами, вербализующими концепт 财 (деньги), являются 金 (золото), 银 (серебро), 硬币 (монета), 纸币 (бумажные знаки), 外汇 (иностранная валюта). Иероглиф 富 состоит из трёх основных частей – верхней, средней и нижней: 宀 – графема «крыша» в составе иероглифа «достаток» означает дом, жилище; 一 口 один рот – это человек, живущий в доме; 田 – возделываемое поле – это источник пропитания. Начертание двух иероглифов показывает, что богатство у китайцев ассоциируется с достатком и запасами чего-либо.

П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» указывает, что «общеславянский корень **bogatъ* происходит от *бог*, и это косвенно доказывает, что значение слова **bogъ* установилось не сразу и имело смысл *наделяющий богатством, дарующий благополучие*. Результаты сравнительно-исторических исследований подтверждают, что единицы *богатый* и *бог* могут являться однокоренными. Так, сходные семантические отношения наблюдаются в древнеиндийском языке и в современном хинди: *bhaga-h* – «благосостояние», «счастье», «наделяющий», «дарующий» и эпитет некоторых богов; *bx āgī* – «счастье», *bx ag'vān* – «бог»» [Черных, т. 2, 2006, С. 98-99]. «Библия и церковная словесность средних веков послужили основой так называемой «русской античности»» [Абрамович, 2000, С. 22], следовательно, религиозная интерпретация микрополя «богатство» вносит определённые дополнения в его лингвистические реализации. Этимологический анализ лексем *богатство*, *богатый* показывает, что изначально в них был заложен высший духовный смысл.

В «Православной энциклопедии «Азбука веры»» *богатство*, в аспекте Православия, понимается как:

- 1) духовные и материальные блага, даваемые Богом человеку;

- 2) материальные блага вообще, достающиеся человеку вне зависимости от того, добывает ли он их в соответствии с благоволением Божьим или нет;
- 3) то, что дорого человеку в каком-либо отношении (пример: дети – наше богатство; мои года – моё богатство) [URL: <https://azbyka.ru/bogatstvo>]. (Дата обращения 14.09.2022).

Таким образом, сопоставление лексических значений русского слова *богатство* и китайского 财富 обнаруживает их семантическое сходство и денотативную соотнесённость с материальной и духовной стороной жизни человека.

Цель данной части нашего диссертационного исследования заключается в выявлении и изучении универсальных и национально-самобытных свойств русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов микрополя «богатство». Материалом исследования являются 30 русских фразеологизмов и 71 китайская фразеологическая единица.

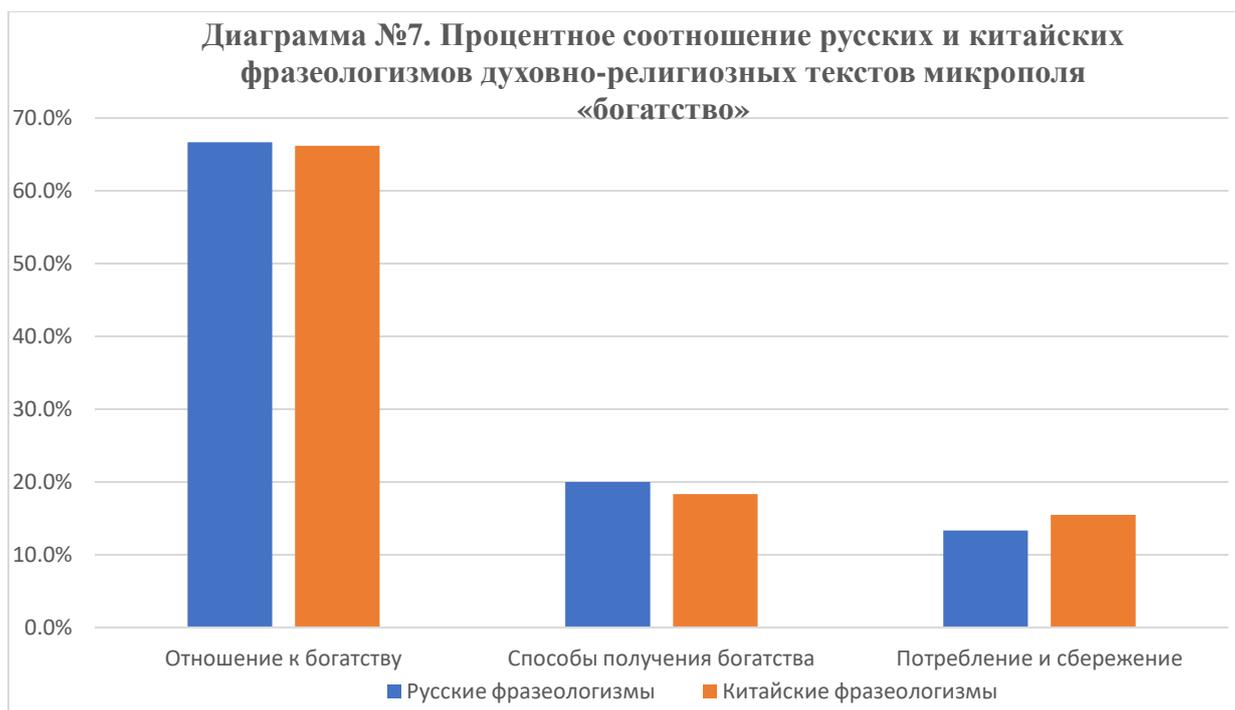
Фразеосемантическое микрополе «богатство» подразделяется на три группы:

- 1) фразеологизмы со значением «отношение к богатству»;
- 2) фразеологизмы со значением «способы получения богатства»;
- 3) фразеологизмы со значением «потребление и сбережение»;

Таблица №6. Количественное соотношение русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов микрополя «богатство»

Группы	В русском языке				В китайском языке				
	Христ. 30	Др. 0	Всего 30		Конф. 41 58%	Дао. 14 20%	Будд. 16 23%	Всего 71	
	Кол-во	Кол-во	Кол-во	%	Кол-во	Кол-во	Кол-во	Кол-во	%
Отношение к богатству	20	0	20	66.7%	25	14	8	47	66.2%
Способы получения богатства	6	0	6	20.0%		0	4	4	5.6%
Потребление и сбережение	4	0	4	13.3%	7	0	4	11	15.5%

Данные, представленные в таблице №6 «Количественное соотношение русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов микрополя «богатство»», демонстрируют количество фразеологических единиц в каждом языке и их процентное отношение к общему количеству фразеологизмов. Итоговые данные, выделенные в таблице оранжевым цветом, представлены ниже в виде столбчатой диаграммы, выявляющей частотность русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов в каждой группе.

В Таблице №6 показано количество русских фразеологизмов микрополя «богатство», имеющих христианские корни (30). Основными источниками фразеологизмов китайского языка данного микрополя являются ведущие религии Китая: конфуцианство, даосизм и буддизм; при этом доминируют конфуцианские представления о богатстве (41 фразеологизм).

Диаграмма №7 демонстрирует практически одинаковое процентное соотношение русских и китайских фразеологизмов в каждой из трёх семантических групп, что подтверждает важность для обоих народов фразеологически закреплённых представлений о богатстве. В частности, к группе «отношение к богатству» относится больше половины фразеологических единиц и в русском, и в китайском языке.

3.3.1. Отношение к богатству

В данном микрополе обобщены три вида отношения к богатству, фразеологически закреплённых в обеих языковых картинах мира:

1) Религия (вера) и богатство несовместимы. Доказательствами данной точки зрения служат фразеологизмы духовно-религиозных текстов в русском и китайском языках:

В библейских оборотах *Служить Богу и мам(м)оне* и *Служить двум господам* заключена антитеза Бога и богатства. *Мам(м)она* – арамейское слово, обозначающее богатство, имение, блага земные. Мамона противопоставляется Богу, то есть богатство противопоставлено Богу, материальное – духовному. Мы также нашли другой библеизм *Легче верблюду пройти сквозь (в) игольное ушко, чем (нежели) богатому попасть (войти) в Царство небесное (Царствие Божие)*, обозначающий «привязанность к земным благам, которая цепко держит человека, не позволяя сделать выбор в пользу вечного блаженства, в пользу спасения своей души» [Дубровина, 2010, С. 335].

В китайском даосизме имеется устойчивое выражение с религиозной спецификой *圣人无积* (Постигший Дао не запасает себе богатства), восходящее к цитате «*圣人不积，既以为人已愈有，既以与人已愈多。天之道，利而不害；人之道，为而不争*» (Постигший – не запасает. Уделяя людям – сам обретает. Содействуя людям – Своё ширит. Дао Небес – благодееяние, но без вреда. Дао постигшего – деяние, но без соперничества) [Юэ Чанцян, 2019, С. 238].

Китайский буддизм поддерживает идею *六根清淨* (Освобождённый от человеческих страстей), считая золото ядовитой змеёй.

В традиционных китайских представлениях о богатстве конфуцианство главенствует над другими религиями. Жэнь (仁) рассматривается в качестве высшей добродетели в числе пяти постоянств (пяти добродетелей) конфуцианства, к которой должен стремиться каждый благородный муж. В философии конфуцианства богатство противопоставляется добродетели жэнь, что нашло лингвистическое отражение во фразеологических единицах:

为富不仁 (Жадные до богатства бесчеловечны; жадный и жестокий);

为仁不富 (Быть гуманным и справедливым, но бедным).

2) Материальные блага необходимы человеку.

Исследование фразеологизмов духовно-религиозных текстов данной группы показало, что религиозные источники этой фразеологии содержат сходные воззрения на богатство: материальные блага являются основой человеческой жизни. Поиски материальных благ и их приобретение считаются нормальной деятельностью человека. В Библии апостол Павел сам добывал свой хлеб насущный: «сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20:34). Конфуций в сочинении «Лунь юй» утверждал: «富与贵，是人之所欲也...；贫与贱，是人之所恶也... (Люди желают богатства и знатности...; Людям ненавистны бедность...)» [Ян Боцзюнь, 2018, С. 46]. В высказывании Конфуция подчёркивается, что стремление к богатству и ненависть к нищете – это природные склонности человека. Более того, богатство занимает важное место в китайской системе ценностей, что подтверждается цитатой из книги «И Цзин»: «崇高莫大乎富贵。备物致用，立成器以为天下利，莫大乎圣人。(Среди почтенного и высокого нет ничего более великого, чем богатство и знатность. Из тех, кто запасает вещи, необходимые в жизни, и ставит, где нужно, мастеров своего дела, чтобы принести пользу Поднебесной, нет никого более великого, чем совершенномудрые люди)» [Лукьянов, 2018, С. 328].

Но неуёмное стремление к обогащению порицается во всех религиях, так как развращает душу его обладателя, делает его алчным, бессердечным, жестоким. Апостол Павел считает источником всех бед сребролюбие, отвращающее человека от истины и веры: «ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1Тим. 06:10). Отсюда вытекает библейский оборот *Корень зла*, в современном употреблении развивший коннотативное значение «основа, главная причина чего-либо дурного, плохого, неприятного; источник всех бед, неудач» [Дубровина, 2010, С. 315].

Следующие китайские фразеологизмы обозначают наживу и стяжательство:

唯利是图 (конф. Стремиться только к наживе);

贪得无厌 (конф. Безмерная жадность; ненасытный, стяжательство);

见钱眼开 (будд. При виде денег даже у слепого глаза раскрываются. Обр. в знач.: быть жадным, алчным к деньгам, богатству; по пословице: 瞎子见钱眼也开, 和尚见钱经也卖 – при виде денег даже у слепого глаза загораются, а монах продаёт даже священные книги);

刀头舔蜜 (будд. Лизать мёд на кончике ножа. Обр. в знач.: лишиться жизни за сребролюбие и женолубие).

3) В традиционных религиях духовные богатства считаются более ценными, чем материальные.

В христианстве, по словам Иисуса Христа, существует богатство небесное и земное: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мат. 06:19-20). «Кроме материальных интересов, у человека имеются и духовные потребности, которые более важны, чем земные ценности. О том свидетельствует русская пословица: *Не хлебом единым [не о хлебе едином, устар.] жив человек*» [Дубровина, 2010, С. 415], извлечённая из Евангельского рассказа об искушении Иисуса дьяволом в пустыне. В высказывании Иисуса: «И сказал ученикам Своим: посему говорю вам, – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: душа больше пищи, и тело – одежды» (Лк. 12:22-23) – призыв к духовной жизни и предостережение от стяжательства, поскольку жизнь в духе не зависит от изобилия земного имущества. Библиизм *Как Лотова жена* восходит к рассказу о праведнике Лоте и его семье, служащем отрицательным примером, «об этом и напоминает Иисус своим ученикам: тот, кто будет очень беречь свою телесную жизнь, погубит свою душу, а тот, кто готов на самопожертвование ради Сына Человеческого, спасёт её» [Дубровина, 2010, С. 275].

Конфуций, являясь благородным мужем, определил соотношение нравственности и богатства следующим образом:

«君子义以为上 (Направляющую роль в жизни совершенного мужа сыграло 仁义 (гуманность и справедливость))» [Переломов, 1998, С. 148];

«君子喻于义 小人喻于利 (Учитель сказал: – Благородный муж знает только 道义 (нравственность и мораль), низкий человек знает только выгоду)» [Переломов, 1998, С. 27].

Принцип жэнь является для последователя конфуцианства конечной целью нравственного развития. Богатство, как большое искушение для тех, кто жаждет наживы, должно игнорироваться благородным мужем. Поэтому конфуцианство выступает за 见利思义 (При виде выгоды не забыть о принципе; не предпочесть выгоду чести) – этот фразеологический оборот употребляется для передачи восхищения человеком, обладающим столь превосходной добродетелью. В традиционном представлении богатство сравнивается с плывущими облаками, что закреплено во фразеологизме 富贵浮云 (Богатство и полёт подобны уплывающим облакам), выражающем презрительное отношение к несправедливому богатству.

Необходимо отметить, что даосизм и конфуцианство сходятся в идее «добродетель / Дао превыше богатства», зафиксированной фразеологизмом 安贫乐道 в значении «Мириться с бедностью и находить радость в соблюдении норм поведения; или довольство бедностью и утешение в морали». Иными словами, главными моральными ценностями для даосов и последователей конфуцианства являются не богатство или бедность, а твёрдое следование своим убеждениям.

В буддизме принята раздача милостыни (пиндапата) буддийским монахам с целью достижения истинной Дхаммы во взаимной зависимости. Пиндапата «(в переводе с пали... звучит как «сбор подаяний»; тайск. ปิ่นฑาต – бинтхабат; бирм. сонкхэ) – традиционный сбор подаяний в виде пищи, совершаемый буддийскими монахами для пропитания. Обычай пиндапаты – один из древнейших обычаев в мире и основан на буддийском каноне Типитака (кодекс Виная)» [Пиндапата — Википедия (wikipedia.org), дата обращения: 09.10.2023].

В китайском языке эту традицию передаёт фразеологизм буддийского происхождения *沿门托钵* (Подносить чашку (патру) для милостыни (санскр.: патра, пали: патта); жить на подаяния; о нищенствующем монахе), в современном китайском обществе приобретает отрицательную окраску, используется по отношению к беднякам, например, «却说仲勋穷途落魄，流入乞丐道中，终日在街头沿门托钵，到了夜间，就在人家屋檐底下歇宿。（清·彭养鸥《黑籍冤魂》第二十回）» (*Чжун Сюнь, потерпев неудачу и попав в безвыходное положение, весь день бродил по улице и просил подаяния, ночью лежал под чужой крышей*) [URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/wenxueyishu/heijiyuanhun/107603.html>, дата обращения: 14.04.2024].

Кроме проанализированных выше совпадающих представлений о богатстве, отражённых во фразеологии духовно-религиозных текстов русского и китайского языков, были выявлены расхождения в отношении к богатству у двух народов.

В этой связи представляет интерес анализ русской лексемы *убогий*, особенно в аспекте её этимологии и лингвокультурного своеобразия. «Семантика лексемы *убогий* актуализирует ряд признаков (бедный, жалкий, немощный, убогий умом, увечный телом) ... лексема *убогий* встречается, как правило, в значении бедный, не имеющий материальных благ: *Богатый носит что хочет, а убогий – что может*» [Даль, 1993, т. 1, С. 162]. Можно сказать, что «небогатый – не с Богом (нет милости Божьей), а богатый – под покровительством Бога (как у Бога за пазухой)» [Гриченко, 2016, С. 32]. Отсюда прослеживается важная идея упования на Бога, иными словами, в некотором смысле получение богатства зависит от Бога, кто подаёт нам всё богатое для наслаждения. Эта идея вербализуется в таких библейских выражениях, как *Бог дал, Бог взял; Бог даст день, даст и пищу; Всё в руке Божией; Овому талант, овому два (иному талант, иному два)*.

В Библии Господь, сравнивая верующих с птицами небесными и с лилиями, обращает взоры верующих не на нужды и богатство, а на Царство Божие. Выражение *Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают* употребляется, прежде всего, как символ беззаботности, а с иронической окраской

– для описания людей, не работающих, живущих за чужой счёт. Этим значением также обладают обороты *Жить, как птицы небесные; Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда*. Второе значение данного выражения зафиксировано в словаре К. Н. Дубровиной: «Не нужно постоянно беспокоиться о своём будущем, о завтрашнем дне (об этом позаботится Господь Бог); лучше думайте о дне сегодняшнем, живите настоящим» [Дубровина, 2010, С. 549].

Богатству противопоставлена бедность. Богатство и бедность – неразрывно связанные понятия, мерил жизненных стандартов различных обществ.

В сознании русского народа бедность нередко ассоциируется с бедой и голодом, а богатство – с материальным изобилием: *Беден как Лазарь; Беден как Иов; Бедный Лазарь; Золотой [златой] телец; Реки, текущие молоком и мёдом*.

В китайской лингвокультуре бедность в большей степени связана с голодом и плохими жилищными условиями, а богатство – с избытком и знатностью:

并日而食 (конф. Растягивать дневной паёк на два дня);

嗟来之食 (конф. Подачка, милостыня; досл. пища, предложенная презрительным тоном);

蓬户瓮牖 (конф. Дверь, сплетённая из соломы, вместо окна – битый глиняный кувшин (обр. в знач.: убогое жилище; быть крайне бедным));

食不兼味 (конф. Есть только одно блюдо (обр.: есть скромно, экономно));

数米而炊 (даос. Стряпать, пересчитывая зёрна риса (обр. в знач.: мелочный; бедность));

安富尊荣 (конф. Добиваться спокойствия для народа, богатства для государства и пользоваться уважением и славой (о благородном человеке));

绰有余裕 (конф. Ничем не стеснённый, широкий, свободный);

绰绰有余 (конф. Широкий, нестеснённый; без стеснения (напр. в средствах); с избытком, за глаза хватит);

金玉满堂 (даос. Дом – полная чаша, богатство и роскошь);

达官贵人 (конф. Высокопоставленные сановники и родовитая знать, знатные и высокопоставленные лица; сильные мира сего).

Необходимо отметить, что одним из показателей и мерой богатства является роскошный наряд. Поэтому микрополе «богатство» реализуется в лексемах тематической группы «одежда». Одежда древних зажиточных китайцев, отличаясь дороговизной ткани (мягкий мех, парча, шёлк, бархат), свидетельствовала о социальном статусе и материальном благополучии: 轻裘肥马 (конф. Мягкий мех и упитанные лошади – роскошная жизнь). Как известно, раскрашенная в ярко-жёлтый цвет скульптурная композиция Будды в буддизме символизирует мудрость. Статуя Будды может быть выполнена из золота или бронзы. Роскошный внешний вид Будды в китайском народном сознании проецируется и на простого человека. Эта проекция вербализована в пословице со значением «встречают по одежке»: 佛是金妆, 人是衣装 (будд. Золото украшает статую Будды, одежда украшает человека. Обр. в знач.: человеку необходимо наряжаться). Данному выражению синонимична пословица буддийского происхождения 只看衣衫不重人 (Обращать внимание лишь на одежду человека, а не на его личные качества), в которой отражается искажённая оценка человека в зависимости от его общественного положения. В русском языке имеется схожая по семантике пословица – *Встречают по одежке, а провожают по уму*, означающая, что человека воспринимают прежде всего по внешнему виду (лицо, фигура, одежда). Но это лишь первое впечатление, которое может измениться в зависимости от впечатления от внутреннего мира человека, его ума, то есть внутренний мир человека важнее его внешности.

Символами относительного материального благополучия выступали дорогие ткани, роскошные одежды, а холст, изношенные сандалии символизировали бедность:

布衣蔬食 (Одеваться в (суровую) бумажную одежду и питаться растительной пищей; одеваться скромно и питаться скромно; вести скромную (бедную) жизнь);

蒙袂辑屨 (Прикрыть лицо рукавами и натянуть сандалии на ноги).

3.3.2. Способы получения богатства

На протяжении тысячелетий в китайской народной религии и даосизме поклоняются «богу богатства» Цай-шэню, богу материального благополучия и процветания. Изначально Цай-шэнь был один, но позже, с разделением китайских чиновников на гражданских и военных, он также был разделён на несколько типов. Согласно китайской традиции, божества богатства избавляют от бедности, способствуют накоплению имущества, развитию бизнеса. Поэтому «статуэтки и изображения Цай-шэней встречаются повсеместно в частных домах, офисах коммерческих предприятий, мелких лавочках, парикмахерских, ресторанах и ремонтных мастерских» [Горобец, 2017, С. 128]. Симпатии китайцев к божествам материального благополучия и процветания отражаются в следующих пословицах:

财神爷戴乌纱帽 – 钱也有, 权也有 (Бог богатства носит шапку из тонкого чёрного шёлка – иметь деньги и власть);

财神爷发慈悲 – 有的是钱 (Бог богатства смилостивился – очень много денег);

财神爷敲门 – 福从天降 (Бог богатства стучит в дверь – счастье спустилось с неба);

财神爷招手 – 来福了 (Бог богатства манит рукой – счастье пришло).

В произведении «Китайские Цай-шэни» Чэнь Цзяньпин подразделил всех даосских богов богатства на гражданских и военных. Среди них гражданский бог Би-гань и военный бог Чжао Гун-мин олицетворяли справедливость и честность в коммерческой деятельности; Гуань Юй, относившийся к деньгам как к праху, почитался как бог преданности; Фань Ли является воплощением мудрости. Каждый бизнесмен должен обладать положительными качествами, свойственными всем Цай-шэням. Максима даосского представления о Цай-шэне заключается в том, что благородный человек зарабатывает честным путём.

Конфуцианство и буддизм также придерживаются принципа законного приобретения богатства и осуждают недобросовестные методы; доказательством этих принципов служат такие фразеологические единицы, как:

生财有道 (конф. Уметь обогащаться, придерживаясь принцип);

悖入悖出 (конф. Неправдой нажитое неправдой и отнимется (прахом пойдёт); как нажито, так и прожито);

佛面刮金 (будд. Скоблить золото со статуи Будды. Обр. в знач.: стремиться к прибыли, ничем не брезгуя).

«Пристрастие к богатству хуже тиранства: оно влечёт за собой зависть и ненависть окружающих, коварство, обман и пороки...» [Макеева, 2008, С. 156]. Иуда, один из учеников Иисуса Христа, за тридцать сребреников выдал Учителя иудейским первосвященникам. «Образ Иуды запечатлён многими художниками христианского мира в сюжетах «Тайная Вечеря» и «Поцелуй Иуды», приобрёл ряд символических значений: это не только предатель и подлец, но также коварный и циничный лицемер» [Дубровина, 2010, С. 262]. Новозаветная история предательства Иуды стала источником ряда фразеологических оборотов: *Иуда – <предатель>*; *Продать (предать) за тридцать сребреников*; *Тридцать сребреников*.

Богатство и власть тесно связаны: в китайском народе бытует пословица *有钱能使鬼推磨* (Когда есть деньги, можно и чёрта заставить жёрнов крутить; обр.: у богатого чёрт детей качает). В современном мире коррупция как социальное явление не изжита: «...коррупционер, раб kleптомании, золотого тельца, наслаждается прелестью своей сытой жизни...» [Кузнецов, 2016, С. 1387]. Проблема современного мздоимства нашла своё отражение в китайском фразеологизме: *贿赂公行* (Открыто давать и брать взятки; открыто заниматься подкупом и взяточничеством).

О негативных последствиях коррупции неоднократно сказано в Библии: «Даров не принимай, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх. 23:8); «Корыстолюбивый расстроит дом свой, а ненавидящий подарки будет

жить» (Прит. 15:27); «Нечестивый берёт подарок из пазухи, чтобы извратить пути правосудия» (Прит. 17:23) и т.д.

Таким образом, русские и китайские фразеологические единицы группы «способы получения богатства» содержат общий для двух языков культурологический компонент – идею обеспечения своего существования собственным трудом, воплощённую во многих фразеологических оборотах. Такие фразеологизмы являются межъязыковыми фразеологическими эквивалентами, например:

1) в русском языке: «*Есть хлеб не даром* (Обеспечивать жизнь собственным трудом; много, усиленно работать, приносить пользу другим людям)» [Дубровина, 2010, С. 194]; «*Кто не работает, тот <да> не ест.* (О недопустимости паразитического существования, тунеядства)» [Дубровина, 2010, С. 323] и

2) в китайском языке: *自食其力* (конф. Кормиться своим трудом; самому зарабатывать себе на жизнь; жить своим трудом).

Подобные фразеологизмы подчёркивают важнейшую национальную черту русского и китайского народов – трудолюбие, уважение к труду и трудящемуся человеку.

В китайском языке имеются антонимичные по семантике, иронично окрашенные фразеологизмы: *不劳而获* (Получать, не работая; получать выгоду без труда) и *无功受禄* (Получить вознаграждение незаслуженно), – характеризующие непорядочного, бесчестного человека.

3.3.3. Потребление и сбережение

В отдельную группу следует выделить фразеологизмы о распоряжении денежными средствами. В обеих лингвокультурах складывается положительный образ богатства, если оно употребляется на помощь обездоленным или способствует духовно-нравственному совершенствованию людей. Благотворительность – традиционная этическая и социальная норма, применимая

не только к христианскому мировоззрению, но и к традиционным китайским религиям и верованиям: конфуцианству, даосизму, буддизму. Основой благотворительности является любовь, милосердие и сострадание ко всему земному. «Такая благотворительность осуществляется чаще всего через пожертвования или подаяния» [Бахмин, 2004, С. 10]. Можно сказать, что «христианская церковь и буддийские храмы, богослужители и монахи были первыми среди тех, кто стал на путь благотворительности...» [Жорж Батай, 2000, С. 36].

О благотворительности свидетельствуют такие фразеологические обороты, как:

1) в русском языке: «*Левая рука не знает, что делает правая.* (хрис. О скромности и бескорыстии при совершении добрых дел)» [Дубровина, 2010, С. 332]; *Лепта вдовицы* (хрис. Скромное, формально малое, но сделанное от всего сердца и потому особенно ценное пожертвование. Также *Вносить / внести свою лепту*). В Библии содержатся призывы к пожертвованиям на нужды других и обещание божественной награды: «чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мат. 6:4); «давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясённою, нагнетённою и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лк. 6:38).

2) в китайском языке:

博施济众 (конф. Оказывать щедрую помощь нуждающимся, заниматься благотворительностью, благотворительствовать);

惠而不费 (конф. Оказать помощь бедствующему без расходов для себя);

乐善好施 (будд. Любить делать добрые дела; делать добро, добрый, добросердечный, доброта).

В исследованном нами достаточно обширном в количественном отношении фразеологическом материале не были обнаружены фразеологизмы данной семантики даосского происхождения. Однако в классическом даосском философском трактате «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы сказал: «金玉满堂，莫之能守；富

贵而骄，自遗其咎 (Ты можешь наполнить весь дом золотом и драгоценностями, но не сможешь их уберечь. Стремясь к богатству, чинам и почестям, ты сам навлекаешь на себя беду)» [URL: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf> (дата обращения: 03.03.2023), С. 8]. То есть не копи себе лишние богатства, а жертвуй нуждающимся с целью достижения Дао.

В китайском языковом сознании под влиянием трёх религий: конфуцианства, даосизма и буддизма – сформировалась традиционная концепция распоряжения денежными средствами: выступать за скромную жизнь 省吃俭用 (конф. Жить скромно, умеренно, бережливо), против расточительного образа жизни 骄奢淫逸 (конф. Расточительный и развратный; праздный и разнузданный; утопать в мотовстве (роскоши) и распущенности).

В китайском языке имеются заимствованные из буддизма фразеологические обороты, подчёркивающие важность накопления и сбережения денежных средств:

聚沙成塔 (будд. Из собранных песчинок соорудить пагоду. Обр. в знач.: а) в малом деле добиться многого; б) копить деньги);

细水长流 (Маленький ручей далеко течёт. Обр. в знач.: а) соблюдать бережливость; копейка рубль бережет; б) настойчивость ведёт к успеху; в) терпеливо, шаг за шагом).

Примечательно, что в китайской лингвокультуре наблюдается типичный феномен накопления и сохранения ценного богатства, что отражается во фразеологизмах конфуцианского происхождения:

良贾深藏 (Мудрый бизнесмен скрывает ценное в глубине, как будто и нет ничего. Обр. в знач.: выпячивать свои таланты, скромничать, держаться скромно);

韞椟而藏 (Прятать в сундуке; держать под спудом. Обр. в знач.: зарывать в землю (свой талант)).

А также в даосском устойчивом выражении 被褐怀玉 (Будучи одетым в сермягу, носить за пазухой самоцветы; таить драгоценность под грубой одеждой.

Обр. в знач.: скрывать свои таланты, не искать признания современников; обладать подлинной учёностью, несмотря на бедное происхождение).

В русском языке существует не полный эквивалентный библеизм *Зарывать / зарыть талант в землю*, имеющий внутреннюю форму «закопать талант в землю. См. *Талант* (греч. *ταλαντον*) – мера веса золота или серебра, использовавшаяся в библейские времена в качестве денежной единицы большого достоинства (~ 5–6 тыс. динариев) в странах Ближнего Востока» [Дубровина, 2010, С. 213], и образную семантику «не использовать, погубить свои способности, знания, опыт; не заботиться о развитии своего таланта, дать ему заглохнуть» [Дубровина, 2010, С. 210].

Данные выражения русского и китайского языков частично различаются по фразеологическому переносному значению – акцент русского фразеологизма делается на том, что «свои таланты, способности, возможности следует реализовывать, воплощая их в слове и деле, а не класть под спуд» [Дубровина, 2010, с. 508]. В китайских эквивалентах содержится хвала скромности мудрого и талантливому человеку.

Таким образом, «в русском и китайском языках могут наблюдаться полные или частичные семантические эквиваленты. Первым и основным критерием, определяющим наличие семантических эквивалентов в составе фразеологических единиц двух языков, является смысловая соотнесённость, которая подразумевает частичное или полное совпадение основного общего значения фразеологической единицы и коннотативного значения. Однако в связи с различиями религиозных факторов, этнических особенностей, разных языковых картин мира и разных литературных источников многие фразеологизмы в микрополе «богатство» содержат некий элемент значения, который понятен только носителям данной, обслуживаемой этим языком культуры» [Кунбуттаева, 2013, С. 10].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

В Главе III, состоящей из трёх параграфов, анализируются семантические и лингвокультурологические особенности фразеологизмов духовно-религиозных текстов, вербализующих три важнейших микрополя: «семейные отношения», «Бог», «богатство». Выявляются связи религиозной этики с материальной жизнью человека и с формированием мировоззренческих представлений двух народов. Подтверждается роль и значение религии в жизни людей.

В первом параграфе «Микрополе «семейные отношения»» подчёркивается значение изучения слова *семья* как базовой ценности русского и китайского языковых сознаний, означающего гармоничное, долгосрочное, незыблемое образование, что находит отражение в различных жанрах фольклора, народного творчества и духовно-религиозных текстов. Анализ дефиниций слова *семья* и 家 в словарях различных типов позволил установить их происхождение, семантику и динамику значений в лексических системах двух языков. В обоих языках *семья* обозначает группу близких родственников, живущих вместе. Кроме того, лексическое значение полисемантического слова *семья* в русском языке богаче, чем в китайском языке.

Отобранные фразеологизмы духовно-религиозных текстов были разбиты на три группы: 1) брачные отношения: муж и жена; 2) кровные отношения: родители и дети; 3) братья и сёстры.

Брачно-супружеские отношения являются основой семьи. Государства прошлого в социальном смысле защищали прежде всего права мужчин, поэтому жене предъявлялось больше требований, чем мужу, что зафиксировано во фразеологизмах обоих языков. В русской фразеологической картине мира акцентируются негативные моральные качества жены: распущенность и безнравственность; бесплодие; жадность к деньгам; красота и, одновременно, коварство. В китайской картине мира – пренебрежительное отношение к жене, имеющей больше обязанностей, чем прав; требование целомудрия женщины;

покорность и подчинённость женщины. Помимо того, также описывается счастливая супружеская жизнь.

Можно сказать, что отношения между родителями и детьми являются ядром семьи. В ходе анализа языкового материала обоих языков были отмечены некоторые различия, например, в русских фразеологизмах, обозначающих отношения между родителями и детьми, подчёркивается отцовская любовь; в китайском языке значительная доля фразеологизмов связана с сыновней почтительностью. И русский и китайский фразеологический фонд сходятся в представлении, что «Долги отца погашает сын».

Семейные отношения между братьями и сёстрами являются неотъемлемой составляющей национальных традиций. В сознании носителей китайского языка доброе братство означает взаимную любовь и поддержку друг друга. Однако во фразеологии описаны и плохие отношения между братьями.

В Библии братское отношение возникает не только на основе кровного родства, и слово *брат* зачастую используется как синоним близкого по духу человека. В китайском фразеологическом фонде также отражается идея возникновения братских отношений не только на основе кровного родства: Конфуций считал, что между четырьмя морями все люди – братья (*四海之内皆兄弟*).

Во втором параграфе Главы III «Микрополе «Бог»» обоснована актуальность изучения микрополя «Бог». Микрополе «Бог» является константой русской и китайской лингвокультур, поскольку объективируется в большом количестве фразеологизмов и вербализуется значительным количеством лексических единиц.

По результатам анализа фразеологизмов с компонентом «Бог» в русском и китайском языках можно заключить, что в представлениях двух наций ядерный слой микрополя «Бог» связан со справедливостью и всезнанием. Единобожие и многобожие сосуществуют в мировоззрении и миропонимании обеих лингвокультур. Значительное количество фразеологизмов с компонентом «Бог» в картине мира русского народа ассоциируется с божьим благословением и его

защитающей силой. Носители китайского языка связывают образ Бога с загадочностью, что иллюстрируется практически третью фразеологизмов с данным компонентом.

Третий параграф Главы III «Микрополе «богатство»» посвящён изучению универсальных и самобытных особенностей микрополя «богатство», отражённых в русских и китайских фразеологизмах духовно-религиозных текстов.

Собраны и проанализированы словарные статьи слова *богатство* в словарях различных типов и других источниках экономического, религиозно-философского, историко-этимологического профиля. «Этимологический анализ лексем *богатство*, *богатый* в русском языке показывает, что изначально в них был заложен высший духовный смысл» [Макеева, 2008, С. 154]. Сопоставительный анализ словарных дефиниций выявил семантическое сходство главных значений слова *богатство* и 财富 в русском и китайском языках: богатство, с одной стороны, обозначает материальные ценности, с другой, – духовные.

Полученные методом сплошной выборки фразеологизмы микрополя «богатство», связанные с христианством и значимыми для китайцев в философско-этическом отношении религиями – конфуцианством, даосизмом и буддизмом, были распределены по трём категориям: «отношение к богатству», «способы получения богатства», «потребление и сбережение». Отметим, что все фразеологизмы русского языка микрополя «богатство» имеют христианское происхождение – мы не обнаружили фразеологических единиц, связанных с язычеством. Это позволяет заключить, что отражённые во фразеологии духовно-религиозных текстов представления носителей русского языка о богатстве имеют исключительно христианские корни.

Анализ источников китайских фразеологизмов данной группы показал значительное влияние конфуцианства на китайскую картину мира о богатстве.

Изучение образно-семантического содержания фразеологизмов двух языков обнаружило морально-этический антагонизм религиозной морали и богатства. Необходимо отметить общность воззрений вышеупомянутых религий на

богатство: материальное благополучие является основой человеческой жизни; стремление к материальному благополучию считаются нормальной деятельностью человека. Но жадное стремление к богатству запрещено во всех религиях, так как развращает душу его обладателя, делает его алчным, бессердечным, жестоким. Традиционные религии утверждают приоритет духовных ценностей и благ над материальными.

Необходимо отметить, что даосизм и конфуцианство сходятся в идее, что «добродетель / Дао превыше богатства». В буддизме приветствуется раздача милостыни (пиндапата) буддийским монахам с целью достижения истинной Дхаммы.

В сознании русского народов бедность нередко ассоциируется с бедой и голодом, а богатство – с материальным изобилием.

Результаты исследования демонстрируют совпадение лингвокультурной семантики русских и китайских фразеологических единиц данной группы в необходимости обеспечения своего существования собственным трудом. В обеих лингвокультурах сформировано положительное отношение к богатству, если оно употребляется на помощь обездоленным или способствует духовно-нравственному совершенствованию человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология – это своеобразный памятник культуры, в котором заключена мудрость народа, многовековая история страны, неповторимые национально-культурные черты, лингвокультурологическое своеобразие.

В диссертации определены теоретические основы исследования фразеологического запаса языка, представлены актуальные положения фразеологии как раздела лексикологии и науки о языке в целом. Проанализированы традиции и этапы изучения фразеологии в русской и китайской лингвистической науке, установлены виды фразеологических единиц в составе обширных фразеологических корпусов двух языков. В работе принято широкое понимание фразеологии; отмечено особое место в русском и китайском фразеологическом фонде пословиц и крылатых слов (крылатых выражений), этимологически связанных с литературно-художественными, публицистическими, философскими, фольклорными, религиозными источниками.

Терминологической основой исследования стало системное рассмотрение понятия «религиозный текст» в разных аспектах. Духовно-религиозные тексты могут трактоваться как тексты, имеющие центральное значение для религиозных традиций различных религий. Они включают в себя «обсуждение верований, ритуальных практик, моральных заповедей и законов, этического поведения, духовных устремлений и наставлений для укрепления религиозной общины» [Соловьёва, 2021, С. 412]. В рамках каждой религии эти тексты почитаются как авторитетные источники руководства, мудрости и божественного откровения. Они считаются священными, репрезентирующими основные учения и принципы, разделяемые их последователями.

Обосновав понимание термина «духовно-религиозный текст», перешли к установлению источников происхождения фразеологизмов духовно-религиозных текстов, изложили историю их изучения в русистике и синологии. Основными религиозными источниками фразеологизмов духовно-религиозных текстов в

русском языке является Священное Писание христианской религии, состоящее из книг Ветхого (50 книг) и Нового Завета (27 книг), оказавших определяющее влияние на русскую духовную картину мира. Помимо того, источниками фразеологизмов духовно-религиозных текстов служат церковные реалии, традиции и ритуалы, христианские праздники, использование в православном богослужении церковнославянского языка, славянской языческой мифологии и т.д.

В формировании китайской языковой картины мира ведущее место занимают следующие источники:

Конфуцианские каноны: «Лунь Юй» («Беседы и суждения», 论语), «Да-сюэ» («Великое учение», 大学), «Чжун-юн» («Гармония срединности», 中庸) и «Мэнцзы» (孟子), «Книга песен» («Ши-цзин», 诗经), «Книга документов» («Шан Шу», 尚书), «Книга Перемен» («И-цзин», 易经), «Книга ритуалов» («Ли-цзи», 礼记) и летопись «Вёсен и осеней» («Чуньцю», 春秋).

Даосские каноны: «Дао дэ цзин» («Лао-цзы», «Канон Пути и Совершенства» 道德经), «Чжуан-цзы» (庄子), «Ле-цзы» (列子), «Баопу-цзы» (抱朴子) и др..

Буддийские каноны: «Алмазная сутра» (金刚经), «Лотосовая сутра» (法华经), «Ланкаватара сутра» (楞伽经), «Сурангама сутра» (楞严经), «Вудэнхуйюань» (五灯会元), «Запись Цзиндэ о передаче лампы» (景德传灯录) и т.д.

Эти религиозные источники воплощают базовые мировоззренческие доктрины, повлиявшие не только на язык народа, но и сформировавшие его культуру и традиции.

В диссертации проанализирована взаимосвязь языка и культуры, становление и динамика термина «лингвокультурология» в диахронии, представлены исторические и современные суждения о языковой картине мира, показана важнейшая функция фразеологии – отражение мировидения и миропонимания того или иного лингвокультурного общества.

В качестве параметров сопоставительного изучения фразеологизмов двух языков выступают компонент-зооним, компонент-фитоним и компонент-

нумератив в составе фразеологизмов духовно-религиозных текстов. Из словарных баз религиозного происхождения (всего 5 источников) нами были отобраны, классифицированы и проанализированы 518 русских и 621 китайских фразеологизмов с данными компонентами в составе. Установлено, что представление одного и того же объекта в разных культурах порождает и разные символы. Отражая общечеловеческие морально-этические доктрины, помимо расхождений, русские и китайские фразеологизмы обнаруживают и определённые черты сходства.

С помощью комплекса приёмов и методов, таких как сопоставительный анализ, классификация, лингвокультурный метод, проанализированы фразеологизмы русского и китайского языков с компонентами-названиями морских животных, птиц, наземных животных. Выделены сходные и не совпадающие образно-символические значения животных в двух лингвокультурах. Проведённое исследование показало, что в китайских фразеологизмах духовно-религиозных текстов животный мир представлен значительно богаче, чем в русских.

Фитонимические фразеологизмы духовно-религиозных текстов являются важным фрагментом языковой картины мира. Исходя из классификации растений, представленной в монументальном труде «Систематизированный свод корней-трав», или «Компендиум лекарственных веществ», 1578 г. (本草綱目 Бэньцао ганму), созданном китайским фармакологом XVI века Ли Шичжэнем, оказавшем огромное влияние на развитие мировой медицины, ботаники, зоологии, в данном параграфе исследованы фразеологизмы, включающие названия таких типичных видов растений, как хлебные зерновые культуры, названия древесных растений, травянистых растений, названия овощей, фруктов. Кроме того, в сферу нашего анализа включены названия цветов. Также рассматриваются русские и китайские фразеологизмы с компонентом «части растения»: *корень, ветвь / сук*.

В русском языке растения *смоковница, терновник, осина* наделены яркими библейскими мотивами, скрытой культурной информацией; в китайском языке

такие растения, как *бамбук, цветы мэй, тутовое дерево, орхидея, персик, лотос*, характеризующиеся богатыми коннотативными значениями, пронизаны китайскими религиозными представлениями.

В результате анализа фразеологического материала с компонентом-нумеративом установлено, что в русской лингвокультуре наиболее частотны числа *один, два* и *семь*, образно мотивированные библейскими текстами, церковно-религиозными ритуалами. В китайской лингвокультуре частотны числа *один, два, три* и *шесть*, наделённые божественными смыслами под влиянием конфуцианства, даосизма и буддизма. Большое количество образно-символических и семантических совпадений демонстрируют фразеологизмы, репрезентирующие символические значения чисел *один* и *три*.

Фразеологизмы с нумеративными компонентами рассматриваются и анализируются в аспекте их семантических структур и лингвокультурных интерпретаций. Яркая образная мотивировка делает фразеологическое значение нумеративных фразеологизмов эмоционально-экспрессивным, оценочным, коммуникативно динамичным.

В работе были проанализированы формальные, семантические и лингвокультурологические характеристики фразеологизмов духовно-религиозных текстов, вербализующих три важнейших микрополя: «семейные отношения», «Бог», «богатство». Выявлены связи религиозной этики с материальной жизнью человека и формированием мировоззренческих представлений двух народов. Подтверждены роль и значение религий в человеческой жизни.

В микрополе «семейные отношения» анализируется семантика слова *семья*, означающего гармоничное, долгосрочное, незыблемое образование, как базовую ценность русского и китайского языковых сознаний, что находит отражение в различных жанрах фольклора, народного творчества и духовно-религиозных текстов. Сопоставительное изучение фразеологизмов группы «Брачные отношения – муж и жена» выявило различия в представлении женщины в русской и китайской лингвокультурах.

Отношения между родителями и детьми – основа семейных отношений. Анализ фразеологического материала двух языков обнаружил различия во взглядах на отношения родителей и детей у носителей русского и китайского языков. В соответствующих русских фразеологизмах сделан акцент на отцовской любви; в китайском языке обнаруживается значительное количество фразеологизмов, обозначающих сыновнюю почтительность. Русские и китайские фразеологизмы совпадают в образно-метафорическом значении «Долги отца погашает сын».

Отношения между братьями и сёстрами также являются важной частью семейных традиций. В лингвокультуре двух народов отмечено совпадение взглядов на братские отношения, основанные на взаимной любви и поддержке. Но во фразеологических фондах обоих языков имеются и фразеологизмы, обозначающие враждебные отношения братьев. И в Библии, и в конфуцианстве подчёркивается, что в основе братских отношений лежит не только кровное родство: брат – близкий по духу человек; по словам Конфуция, между четырьмя морями все люди – братья (*四海之内皆兄弟*).

В исследовании обоснована актуальность изучения константы русской и китайской лингвокультур – микрополя «Бог», объективированного в значительном количестве фразеологизмов, вербализованного большим количеством лексических единиц. В представлениях двух наций ядерный слой микрополя «Бог» связан со справедливостью и всезнанием. Множество фразеологизмов с компонентом «Бог» в картине мира русского народа ассоциируется с божьим благословением и защитой. Треть часть фразеологизмов китайского языка с данным компонентом ассоциирует образ Бога с загадочностью.

Отдельный раздел посвящён изучению универсальных и самобытных особенностей слова *богатство*, отражённых в русских и китайских фразеологизмах духовно-религиозных текстов. Сопоставительный анализ словарных дефиниций выявил совпадение семем полисемантических слов *богатство* и *财富*: «богатство материальное» и «богатство духовное».

Религиозные представления, лежащие в основе образно-символических значений фразеологизмов духовно-религиозных текстов, совпадают в их оценке материальных ценностей (богатства) как основы человеческой жизни и признании приоритета духовных ценностей над материальными. Погоня за материальными ценностями в ущерб духовных осуждается всеми религиями. Так даосизм и конфуцианство совпадают в представлении «добродетель / Дао выше богатства». В обеих лингвокультурах сформировано положительное отношение к богатству, если оно употребляется на помощь обездоленным или способствует духовно-нравственному совершенствованию людей.

В диссертационном исследовании установлено, что лингвокультурологические отличия русских и китайских фразеологизмов духовно-религиозных текстов обусловлены различиями религиозно-нравственного характера, особенностями понятийных и денотативных сфер изучаемых языков, несовпадением их фразеологических систем.

Перспективным направлением дальнейших исследований является, прежде всего, лексикографирование изученных лингвистических объектов. Создание двуязычного русско-китайского словаря библейских фразеологизмов будет не только способствовать развитию нового направления лексикографии, но и познакомит пользователей с реалиями окружающей действительности, будет содействовать развитию культурологической и коммуникативной компетенций, повышению лингвокультурной эрудиции как носителей языка, так и изучающих язык как иностранный.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список использованной литературы

1. Абрамович С. Д. Библия как объект литературоведческого исследования: учеб. пособие / С. Д. Абрамович; М-во образования и науки Украины, Черновицкий нац. ун-т им. Юрия Федьковича. – Черновцы: Рута, 2000. – 54 с.
2. Агузумцян Р. В., Хачатрян Н. Г. Изучение феномена духовности в контексте религиозного знания и психологической науки // Национальный психологический журнал. – 2012. – № (1). – С. 74-80.
3. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. вузов. СПб.: Изд-во филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2004. – 346 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие: 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 282 с.
5. Ашукин Н. С. Крылатые слова: Лит. цитаты, образ. выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М.: Современник, 1996. – 558 с.
6. Базарова Л. В. Отличительные особенности концепта «Бог» в различных религиозных направлениях и их выражение в английских, русских, татарских и турецких фразеологических единицах // Издательство «Грамота». – 2010. – №2 (6). – С.19-22.
7. Балабушевич В. Ю. Религиозный текст: диалектика содержания и интерпретации: дисс. ... канд. филос. наук / В. Ю. Балабушевич. – Новосибирск, 1997. – 153 с.
8. Балакова Д. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках / авторы-составители: Д. Балакова [и др.]. – Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова, 2014. – 208 с. Батулина А. В. К вопросу о

- функционировании фразеологизмов библейского происхождения в современном дискурсе // Вестник НовГУ. – 2010. – №57. – С. 10-12.
9. Бахмин В. И. О фондах в России / В. И. Бахмин. – М.: Логос, 2004. – 160 с.
 10. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В Синодальном переводе. – М.: Российское библейское общество, 2006. – 1690 с.
 11. Братусь Б. С. Психология и духовность – две вещи несовместные? // Психология. Журнал ВШЭ, 2019. №3. – С. 470-478.
 12. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф. И. Буслаев. – М.: Литкон, 1954. – 216 с.
 13. Вайсгербер Й. Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – М.: УРСС, 1993. – №2. – С. 114-223.
 14. Ван Синхуа. Роль символического образа в интерпретации национальной картины мира (на примере анализа образа бамбука в китайской лингвокультуре) // Вестник ТГПУ. – 2021. – №4 (216). – С.111-120.
 15. Верещагин Е. М. Библейская стихия русского языка / Е. М. Верещагин // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 90-98.
 16. Верещагин Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение. – М.: Просвещение, 1990. – С. 89-98.
 17. Ветров П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. – М.: Восточная книга, 2007. – 368 с.
 18. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140-161.
 19. Воробьёв В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьёв. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2006. – №2. – 112 с.

20. Гак В. Г. Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) // Научные труды МГПИ им. В. И. Ленина. Серия Гуманитарные науки. – М.: МГУ. – 1994. – С. 124-136.
21. Гвоздарёв Ю. А. Строки библейской мудрости // Русская речь. 1994. – №3. – С. 113-118.
22. Глушкова Н. М. Особенности реализации религиозной составляющей социокультурного компонента (на материале фразеологизмов русского, английского и испанского языков) // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №2 (293). – С. 84-88.
23. Го Пинтин. Репрезентация традиционных семейных отношений между братьями и сестрами в русской и китайской языковых картинах мира (на материале пословиц и поговорок) // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – №4. – С. 305-311.
24. Го Юй. Речи царств. / АН СССР, Ин-т востоковедения; Пер. с кит., вступ. и примеч. В. С. Таскина; [Отв. ред. М. В. Крюков]. – М.: Наука, 1987. – 471 с.
25. Горобец Л. А. Ценность богатства в культуре Китая: процесс сакрализации / Л. А. Горобец // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сборник научных статей. – Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. – С. 125-138.
26. Гриненко Г. В. Сакральные тексты в сакральной коммуникации // Проблема текста в гуманитарных исследованиях: материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года. – М., 2006. – С. 126-127.
27. Гриченко Л. В. Концептуальная оппозиция «богатство-бедность» в пословичной картине мира русского народа // БГЖ. – 2016. – №3 (16). – С. 31-35.
28. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 304 с.
29. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

30. Гуслова М. Н. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей, семьи: учеб. пособие для нач. проф. образования. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 272 с.
31. Дивногорцева С. Ю. Первые книги Древней Руси и их роль в религиозно-нравственном становлении русского общества // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2013. – №4 (12). – С. 174-180.
32. Донова О. В. Сопоставление символов в культурной семантике фразеологизмов китайского и русского языков // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №3(15). – С. 78-82.
33. Есаян М. В. Перевод библеизмов в буквальном и образном значениях // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – №2. – С. 42-45.
34. Жигулина Д. В. История имени концепта «Семья» (xi-xxi веков) // Филология и человек. – 2014. – №2. – С. 182–187.
35. Жорж Батай. Теория религии / Жорж Батай. – М.: Современный литератор, 2000. – 352 с.
36. Жуков В. П.
Русская фразеология: [учеб. пособие для филол. спец. вузов] / В. П. Жуков. – Москва: Высш. шк., 1986. – 309 с.
37. Зиновьева Е. И.
Лингвокультурология: от теории к практике [Текст]: учебник / Е. И. Зиновьева; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016. – 179 с.
38. Зинченко В. Деятельность. Знание. Духовность // Высшее образование в России. 2003. №5. – С. 81-91.
39. Знаков В. В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 104-115.
40. Золотых Л. Г.
Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: на

- материале русского языка: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Золотых Лидия Глебовна; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. – Астрахань, 2008. – 384 с.
41. И цзин (Канон перемен) / Пер. и примеч. А. Е. Лукьянова. – М.: ИПЦ «Маска»; Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2018. – 392 с.
42. Казимагомедова А. А. Фразеологические единицы с компонентом «ЧУЖУГИАДАН»/ «ЖЕНЩИНА» в аварской и русской языковых картинах мира // Вестник СПИ. – 2021. – №4 (40). – С. 48-52.
43. Кай К. Грамматика русского существительного на фоне китайского языка / К. Кай // Русский язык за рубежом. – 2008. – № 1(206). – С. 58-65.
44. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии / Отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 360 с.
45. Качановская О. Б. Семантико-грамматические типы фразеологизмов библейского происхождения в немецком, русском и белорусском языках // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – №12 (43). – С. 61-67.
46. Кейдун И. Б. Брачный ритуал в Древнем Китае: канонические установления конфуцианства (глава «Хуньи» трактата «Лицзи») // Вестник НГУ. – 2016. – № 15 (4). – С. 80-90.
47. Колесов В. В. Символы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 287–291.
48. Кузнецов В. В., Кузнецова О. П., Гальцева О. В. О социальной сущности коррупции // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 11. – С. 1381-1394.
49. Кузнецова А. И. Бытование религиозного текста в русской православной традиции второй половины XX - начала XXI вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.07. – Москва, 2006. – 36 с.

50. Кунбуттаева А. Ш. Концепт «Богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского, русского и английского языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Кунбуттаева Анисат Шамиловна; [Место защиты: Дагестан. гос. пед. ун-т]. – Махачкала, 2013. – 22 с.
51. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: [Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк. ; Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 380 с.
52. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. – М. Просвещение, 1977. – 224 с.
53. Лёвушкин А. Н. Применение христианских ценностей в регулировании брачно-супружеских отношений: история и современность // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. – 2018. – С. 130-136.
54. Левченко Е. В. Становление принципов семейного права в контексте истории и теории Российского государства: системно-функциональный аспект // История государства и права. – 2014. – С. 32-36.
55. Литвинов П. П. Англо-русский и русско-английский синонимический словарь с тематической классификацией. Продвинутый английский через синонимию: Учеб. пособие для самообразования. – М.: "Яхонт-А", 2002, – 384 с.
56. Ломакина О. В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта. – М.: РУДН, 2020. – С. 81-86.
57. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – №4 (54). – С. 303-317.

58. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
59. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 191–199.
60. Луннова М. Г. Библизмы в современном русском языке / М. Г. Луннова // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2008. – № 13. – С. 40-45.
61. Макеева Н. С. Интерпретация концепта «Богатство» в ранних христианских текстах // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2008. – №1-II. – С. 154-158.
62. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
63. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
64. Матвеева М. В. Концепт «семья» и его репрезентация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. – 249 с.
65. Матушанская Ю. Г. Социальная роль религиозного текста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2012. – № 11. Ч. 2. – С. 134-136.
66. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н. Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 350 с.
67. Мжельская О. К. Актуальные проблемы перевода библизмов / О. К. Мжельская // Омский научный вестник. – 2007. – № 2(54). – С. 151-152.
68. Мжельская О. К. Семантическая специализация английских библизмов, не имеющих аналогов в русском языке / О. К. Мжельская // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2008. – № 4(35). – С. 65-67.
69. Мокиенко В. М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии / Мокиенко В. М. // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 3-13.

70. Мэн Цинжун. Лингводидактическое описание цифр «Семь» и «Девять» в русском и китайском языках // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2008. – №3. – С. 11-15.
71. Мэнцзы. Предисл. Л. Н. Меньшикова. Пер. с китайского, указ. В. С. Колоколова / Под. ред. Л. Н. Меньшикова. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 272 с.
72. Мягкова Л. Г. Фразеологические библиизмы и их реализация в контексте: на материале публицист. и газ. соврем. яз. / Л. Г. Мягкова // Вопросы английской фразеологии: (коммуникатив. и фразеол. аспекты): сб. науч. тр. – Вып. 287. – М.: МГПИИЯ, 1987. – С. 56-65.
73. Назарова И. П. Библиизм в национальной и социокультурной языковой картинах мира // International journal of experimental education. – 2011. – Выпуск № 3 (54). – С. 96-97.
74. Насирова С. А. Влияние конфуцианских ценностей на формирование новых общественно-политических терминов в современном китайском языке // Orienss. – 2022. – № Special Issue 20. – С. 622-631.
75. Нехамкин В. А., Чжен А. О. Доктрины государственного управления конфуцианцев и легистов: сходства, отличия, уроки для современности // Гуманитарный вестник. – 2020. – №5 (85). – С. 1-15.
76. Оноприенко Сабине. Библиизмы современного русского языка: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1997. – 18 с.
77. Павленко Л. Г., Головенко Ю. В. Фразеологизмы-библиизмы как хранители национального и культурного в моральном сознании русских и англичан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №1-2 (79). – С. 352-354.
78. Переломов Л. С. Конфуций «Лунь Юй»: Исслед., пер. с кит., коммент. / Л. С. Переломов; Факс. текст «Лунь Юя» с коммент. Чжу Си; РАН. Ин-т Дал. Востока. – М.: Вост. лит. РАН, 1998. – 588 с.

79. Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику / М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 220 с.
80. Пичко Н. С. Духовность и религия: культурологический аспект // Наука и современность. – 2011. – №11. – С. 110-114.
81. Пономаренко В. А. Психология духовности профессионала / В. А. Пономаренко. – Москва : ПЕР СЭ, 2004. – 256 с.
82. Попова З. Д. Введение в когнитивную лингвистику / З. Д. Попова И. А. Стернин В. И. Карасик [и др.]. – Кемерово : Издательско-полиграфический комплекс «Графика», 2004. – 207 с.
83. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – 2-е изд. – Харьков: Унив. тип., 1914. – 245 с.
84. Праведникова Э. Б. Фразеологизмы библейской этимологии в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Башкирск. ун-та. – 2013. – №2. – С. 483-486.
85. Пэн Лин. Сходства и различия конфуцианства, даосизма и буддизма // Вестник БГУ. – 2015. – №S14. – С. 22-26.
86. Ромеро Интриаго Д. И. Религиозная картина мира в русской и китайской фразеологии / Д. И. Ромеро Интриаго, Н. В. Щербакова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. – № 9(180). – С. 191-195.
87. Рухленко Н. Н. Концепт «семья» в жанре семейных родословных: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2005. – 22 с.
88. Сабурова Н. А. Структура фразеосемантического поля пространства / Н. А. Сабурова // Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 81-88.
89. Садыхова Г. Р. Сопоставительный анализ образов животных в Коране и Библии (фразеологический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – №4. – С. 135-144.

90. Сарач Х. Природно-ландшафтный код культуры: на материале русского и турецкого языков: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Сарач Хакан; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – Москва, 2016. – 24 с.
91. Седых А. П., Бондарева М. М. Фитонимическая фразеология и национальный дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №5-1 (83). – С. 155-159.
92. Сепир Э.
Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А. Е. Кибрика. – Москва: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. – 654 с.
93. Смит Л. П. Фразеология английского языка. – М.: Высш.шк., 1959. – 234 с.
94. Соловьёва А. В. Влияние религиозных текстов на сознание человека / А. В. Соловьёва, Н. А. Пилипенко // Междисциплинарные исследования современности: Материалы XXXII Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 16 июня 2021 года. Том Часть 1. – Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), ООО "Издательство ВВМ", 2021. – С. 411-416.
95. Сомкина Н. А. Историческая морфология китайского феникса / Н. А. Сомкина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 4-2. – С. 288-292.
96. Степанова Е. А. Новая духовность и старые религии // Научно-теоретический журнал «Религиоведение». – 2011. – № 1. – С. 127–134.
97. Сун Цзя. Анализ русских религиозных фразеологизмов в аспекте лингвокультурологии // Liaoning University. – 2014. – С. 67-70.
98. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.

99. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1983. – 269 с.
100. Теория общей фразеологии: учебное пособие / Сост.: Глотова Т. А., Бекоева М. Т., Цакалиди Т. Г. Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – 138 с.
101. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 215 с.
102. Хостай И. С. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Москва, 1997. – 255 с.
103. Ху Янисинь. Лексико-семантическая группа существительных части растения как фрагмент биоморфного кода культуры: лингвокультурологический аспект // МНКО. – 2022. – №3 (94). – С. 390-394.
104. Чжуан-цзы. Внешний раздел. / Перевод, коммент. и вступ.ст. – Малявин В. В. – Иваново: Издательство «Роща», 2017. – 198 с.
105. Шакирова Т. В. К вопросу о роли и специфике фразеологии в пространстве языковой картины мира / Т. В. Шакирова, Е. Б. Еренчинова. – Текст: непосредственный // Молодой учёный. – 2015. – № 3 (83). – С. 990-993.
106. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации: монография / В. М. Шаклеин. – М.: Флинта, 2012. – 301 с.
107. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Либроком, 2012. – 272 с. (Лингвистическое наследие XX века).
108. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». – 4-е., изд., испр. и доп. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
109. Шоева Д. Х. Китайские фразеологизмы в современной китайской литературе на примере романа Юй Хуа «Жить» // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №6. – С. 258-264.

110. Эммонс Р. А. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. Москва: Смысл, 2004. – 414 с.
111. Юджин Нида. Социоллингвистика перевода канонических религиозных текстов // American Bible Society. том 7, 1994. – С. 194-195.
112. Якимов П. А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник ОГУ. – 2013. – №9 (158). – С. 66-68.
113. Яковлева Е. С. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1996. – 103 с.
114. Ян Фан. Концепт «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия ТПУ. – 2013. – №6. – С. 250-255.
115. Янгутов Л. Е. Религиозные аспекты конфуцианства в социокультурном и политическом контексте традиционного китайского общества // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2014. – №4. – С.114-122.
116. James L. The varieties of religious experience. Moscow: Russian thought, 1902. – 374 с.
117. Legere T. A spirituality for today // Studies in formative spirituality. – 1984. – № 5 (3). – С. 75-84.
118. 丁昕. 俄语成语研究. 军事谊文出版社, 2001. Дин Синь. Русская фразеология // Military Yiwen Publishing House. – Пекин, 2001. – 375 с.
119. 丁福保. 金刚经[M]. 上海: 上海古籍出版社, 2020. Дин Фубао. Алмазная сутра // Shanghai Old Books Publishing House. – Шанхай, 2020. – 160 с.
120. 丁莉. 汉语佛教成语中的思想文化[J]. 文理导航·教育研究与实践, 2017(1):164. Дин Ли. Языковая картина мира в китайско-буддийских фразеологизмах // Liberal Arts Navigation and Educational Research and Practice. – 2017 (1). – С. 164.

121. 丁迪蒙. 汉语语言文化学教程. 上海大学出版社, 2012. Дин Димэн. Китайская лингвокультурология // Shanghai University Press. – Shanghai. 2012. – 308 с.
122. 于海英. 易经. 北京: 华龄出版社, 2017. Юй Хайин. И Цзин // Издательство Хуалин. – Пекин, 2017. – 213 с.
123. 于鑫. 俄语成语中的宗教色彩[J]. 俄语学习, 1995, (3):42-44. Юй Синь. Русские фразеологизмы с религиозной окраской // Learn Russian. – 1995. – №3. – С. 42-44.
124. 俞理明. 太平经 [M]. 成都: 巴蜀书社, 2001. Юй Лимин. «Тайпинцзин» // Bashu Bookstore. – Чэнду, 2001. – 593 с.
125. 傅勇斌,李岗. 源于《圣经》的英语成语、谚语[J]. 西北民族大学学报 (哲学社会科学版), 1995(1):107-115,127. Фу Юнпин. Английские идиомы и пословицы из Библии // Journal of Northwest University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition). – 1995. – №1. – С. 107-115, 127.
126. 冯国超译注. 周易. 华夏出版社, 2021. Фэн Гочао. Перевод произведения «Чжоуи» // Издательство Хуася. – Пекин, 2021. – 284 с.
127. 刘亚洲. 中国人到底有没有信仰[J]. 青年博览, 2015(22): 49-49. Лю Ячжоу. Есть ли у китайцев вера // Youth Expo. – 2015 (22). – С. 49.
128. 刘应德. 英语成语探源[J]. 西南政法大学学报, 2002, 4(1): 55-57. Лю Индэ. Происхождение английских фразеологизмов // Journal of Southwest University of Political Science and Law. – 2002. – №4. – С. 55-57.
129. 刘永红. 俄汉成语的文化分析[M]. 湖北: 华中师范大学出版社, 2002: 282. Лю Юнхун. Культурный анализ фразеологизмов в китайском и русском языках // Central China Normal University Press. – Hubei, 2002. – 282 с.
130. 刘超. 论基督教价值观与源自《圣经》的俄语成语[J]. 中国俄语教学, 2012(3): 76-79. Лю Чао. Христианские ценности и библейская фразеология // Teaching Russian in China. – 2012 (3). – С. 76-79.

131. 吴军. 现代语言学视角下的俄语成语学[M]. 北京: 首都师范大学出版社, 2006. У Цзюнь. Русская фразеология в современной лингвистике // Capital Normal University Press. – Пекин, 2006. – 333 с.
132. 周子靖. 论《孟子》成语格言中的儒家文化精神[J]. 淮海工学院学报 (人文社会科学版), 2019, 17(3): 86-88. Чжоу Цзыцзин. Философы-конфуцианцы во фразеологизмах и афоризмах, извлечённых из книги «Мэнцзы» // Journal of Huaihai Institute of Technology (Humanities and Social Sciences Edition). – 2019, 17(3). – С. 86-88.
133. 声滔. 《圣经》成语拾零[J]. 现代外语, 1985(1): 14. Шэн Тао. Некоторые фразеологизмы библейского происхождения // Modern foreign language. – 1985 (1). – С. 14.
134. 孙萌萌. 四字格佛经成语的汉化研究[J]. 文学界 (理论版), 2012(12): 88-89. Сунь Мэнмэн. Анализ китаизации четырёхсловных буддийских фразеологизмов // Literary World (Theoretical Edition). – 2012 (12). – С. 88-89.
135. 宁欣. 浅析源自《圣经》的俄语成语[J]. 今日湖北 (下半月), 2011(6): 132. Нин Синь. Анализ русской фразеологии из Библии // Hubei Today (second half). – 2011 (6). – С. 132.
136. 宋增民. 《道德经》中的八个成语,洞见老子养生的智慧[J]. 长寿, 2018(11): 12. Сун Цзэнмин. Восемь фразеологических единиц из трактата «Дао-дэ-цзин» // Longevity. – 2018 (11). – С. 12.
137. 岳昌强. 道德经. 成都: 四川人民出版社, 2019. Юэ Чанцянь. Дао Дэ Цзин // Сычуаньское народное издательство. – Чэнду, 2019. – 241 с.
138. 张复星. 英语习语渊源及用法举例[J]. 外语教学, 1984(3): 101-104. Чжан Фусинь. Источники английских идиом и их использование // Foreign language teaching. – 1984(3). – С. 101-104.
139. 张海燕. 俄语中圣经成语的语义演变及其特征[J]. 中国俄语教学, 2004, 23(4): 43-46. Чжан Хайянь. Структурно-семантические эволюции русских

- библейизмов и их особенности // *Teaching Russian in China*. – 2004(23). – С. 43-46.
140. 张湛, 卢重玄, 殷敬顺, 陈景元, 陈明. 列子. 上海: 上海古籍出版社, 2014. Чжан Шэнь. Ле-цзы / Чжан Шэнь, Лу Чжунсюань, Инь Цзиншунь, Чэнь Цзинюань, Чэнь Мин // *Shanghai Ancient Books Publishing House*. – Шанхай, 2014. – 254 с.
141. 张玉娥. 对俄语 фразеология (-измы)于汉语成语(熟语)概念之关系的梳理分析. 科技人文社科报. 2002. Чжан Юйэ. Исследование отношений между понятиями русских фразеологизмов и китайских чэньюй (成语) // *Гуманитарная социальная газета науки и технологии*. – №41(4). – 2002. – С. 127-131.
142. 张琳. 儒家思想和基督教对中美价值观的影响比较[J]. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2013(2): 27-29. Чжан Линь. Как конфуцианство и христианство влияют на китайско-американскую картину мира // *Journal of Qiqihar University*. – 2013. – С. 27-29.
143. 张立平. 论熟语中的佛教文化[J]. 昭乌达蒙族师专学报(汉文哲学社会科学版), 2004(2): 50-52. Чжан Липин. Буддийская культура в идиомах // *Journal of Zhaowu Damon Teachers College (Chinese Philosophy and Social Sciences Edition)*. – 2004(2). – С. 50-52.
144. 张释之. 论语. 吉林大学出版社, 2021. Чжан Шичжи. Беседы и суждения // *Издательство Цзилиньского университета*. – 2021. – С. 68.
145. 张香竹. 《论语》中成语内涵分类研究[J]. 华中师范大学学报(人文社会科学版), 2011(S2). Чжан Сянчжу. Классификация фразеологизмов из книги «Луньюй» по их смыслам // *Journal of Central China Normal University (Humanities and Social Sciences Edition)*. – 2011(S2). – С. 24.
146. 徐敏. 圆觉经[M]. 北京: 中华书局, 2010. Сюй Минь. Сутра совершенного просветления // *Zhonghua Bookstore*. – Пекин, 2010. – 119 с.

147. 戴圣. 礼记. 河南科学技术出版社, 2013. Дай Шэн. Ли Цзи // Henan Science and Technology Press перевод. – Чжэнчжоу, 2013. – 278 с.
148. 文子. 文子[M]. 长春: 时代文艺出版社, 2008. Вэнь-цзы. Вэнь-цзы // Times Literature and Art Publishing House. – Чанчунь, 2008. – 147 с.
149. 曾昭聪. 汉语成语的佛教渊源[J]. 嘉应学院学报, 2004, 22(2): 123-126. Цзэн Чжаоцун. Буддийское происхождение китайских идиом // Journal of Jiaying University. – 2004, 22(2). – С. 123-126.
150. 朱正觉. 佛教成语在社会使用中的语义变化—以一些高频四字格佛教成语为例[J]. 青年作家 (下半月中外文艺版), 2011(3): 50-51. Чжу Чжэнцзюэ. Семантические варьирования буддийских фразеологизмов в социальном употреблении на материале популярных четырёхсловных буддийских фразеологизмов // Young Writers (Second Half of Chinese and Foreign Literary Edition). – 2011(3). – С. 50-51.
151. 朱达秋. 俄罗斯宗教与俄语成语[J]. 外国语文, 1996(4): 52-56. Чжу Дацю. Религия в России и русские фразеологизмы // Иностранная филология. – 1996(4). – С. 52-56.
152. 朱风云. 成语翻译与文化特征[J]. 淮阴师范学院学报 (哲学社会科学版), 1991(3): 99-102. Чжу Фэньюнь. Вопросы перевода фразеологизмов и их культурные особенности // Journal of Huaiyin Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 1991(3). – С. 99-102.
153. 李伯毅. 天主教第二次入华与利玛窦的贡献[J]. 中国天主教, 2004(4):39-43. Ли Бои. Распространение христианства в Китае и вклад Ли Мадоу // Chinese Catholicism. – 2004(4). – С. 39-43.
154. 李时珍. 本草纲目. 二十一世纪出版社, 2017. Ли Шичжэнь. Систематизированный свод корней-трав // Издательство двадцать первого века. – Наньчан, 2017. – 348 с.

155. 李欣. 《道德经》成语之哲学解析[J]. 时代文学, 2015(22): 112-113. Ли Синь. Толкование фразеологизмов из трактата «Дао-дэ-цзин» в аспекте философии // Literature of the Times. – 2015(22). – С. 112-113.
156. 李玉叶. 从《论语》中的成语看儒家文化之“仁” [J]. 常州工学院学报 (社会科学版), 2015(2): 61-64. Ли Юйе. Рассмотрение конфуцианского «Жэнь» во фразеологизмах в книге «Луньюй» // Journal of Changzhou Institute of Technology (Social Sciences Edition). – 2015(2). – С. 61-64.
157. 李磊荣. 中国文化[D]. 上海:上海外语教育出版社, 2015. Ли Лэйжун. Культура Китая // Shanghai Foreign Language Education Press. – Шанхай, 2015. – С. 76.
158. 杜娟. 佛经汉译与《圣经》英译对汉英语言影响的相似性[J]. 中国科教创新导刊, 2009(17): 56. Ду Цзюань. Перевод буддийских канонов на китайский язык и перевод Библии на английский язык. – Влияние религий на языки // China Science and Education Innovation Guide. – 2009 (17). – С. 56.
159. 杨伯峻. 论语. 岳麓书社, 2018. Ян Боцзюнь. Беседы и Суждения // Книгоиздательство Юэ Ми. – Чанша, 2018. – 275 с.
160. 杨喜玲. 汉语四字格佛教成语研究[D]. 宁夏: 宁夏大学, 2010. Ян Силин. Изучение китайских четырёхсловных фразеологизмов буддийского происхождения // Ningxia University. – Ningxia. – 2010. – 39 с.
161. 杨培云. 文化语言学视野下的《论语》成语[D]. 内蒙古:内蒙古大学, 2010. Ян Пэйюнь. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов в книге «Луньюй»: дис.... магистр. филол. наук: 05.01.03. // Inner Mongolia University. – Внутренняя Монголия, 2010. – 52 с.
162. 杨爽. 浅析语言世界图景理论下俄汉语中带有宗教色彩的成语[J]. 青春岁月, 2017(16): 60-62. Ян Шуан. Анализ фразеологизмов религиозной тематики в русском и китайском языках в аспекте языковой картины мира // Молодые годы. – 2017 (16). – С. 60-62.

163. 杨秀杰. 语言文化学的观念范畴研究. 黑龙江人民出版社, 2007(2): 244. Ян Сюэце. Концепты в лингвокультурологии // Heilongjiang People's Publishing House. – Heilongjiang, 2007(2). – 244 с.
164. 柳萍. 诗经[M]. 北京: 民主与建设出版社, 2020. Лю Пин. «Ши-цзин» // Пресса о демократии и строительстве. – Пекин, 2020. – 249 с.
165. 梁庆寅 释译. 理惑论[M]. 上海: 东方出版社, 2020. Лян Циньинь [переводчик]. Лихолунь // Восточное издательство. – Шанхай, 2020. – 276 с.
166. 梁晓虹. 汉语成语与佛教文化[J]. 语言文字应用, 1993(1): 91-98. Лян Сяохун. Китайские фразеологизмы и буддийская культура // Language and text. – 1993 (1). – С. 91-98.
167. 樊军. 英语教学中的英语典故[J]. 宜宾学院学报, 1997(3): 77-79. Фань Цзюнь. Прецедентные цитаты, используемые при преподавании английского языка // Journal of Yibin University. – 1997 (3). – С. 77-79.
168. 段濛濛. 宗教对汉英语言中动物词汇的影响[J]. 新乡教育学院学报, 2006, 19(1): 58-60. Дуань Мэнмэн. Влияние религии на лексику с зоонимным компонентом в китайском и английском языках // Journal of Xinxiang Institute of Education. – 2006, 19(1). – С. 58-60.
169. 汤仕普. 佛教成语源流考辨六则[J]. 贵州文史丛刊, 2012(3):110-115. Тан Шипу. Анализ источников шести фразеологизмов буддийского происхождения // Guizhou Literature and History Series. – 2012(3). – С. 110-115.
170. 漆良燕. 整合视野下的成语佛缘[J]. 教学月刊 (中学版), 2009(11): 64-65. Ци Лянъянь. Анализ происхождения буддийских фразеологизмов // Teaching Monthly (Secondary Edition). – 2009(11). – С. 64-65.
171. 潘爱锋. 老子《道德经》中成语的哲理内涵[J]. 科技创新导报, 2011(12): 256-256. Пань Айфэн. Даосская мудрость во фразеологизмах из трактата «Дао-дэ-цзин» // Science and Technology Innovation Herald. – 2011(12). – С. 256.

172. 牛香兰. 从《周易》成语窥探儒家入世精神[J]. 西南科技大学学报 (哲学社会科学版), 2017: 24-30. Ню Сянлэн. Философы-конфуцианцы во фразеологизмах в книге «Чжоуи» // Journal of Southwest University of Science and Technology (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2017. – С. 24-30.
173. 王兴松. 从圣经成语看基督教对俄罗斯民族的影响[J]. 山海经 (故事), 2016(11):130. Ван Синсун. Влияние христианства на русскую нацию на материале библейских выражений // Classic of Mountains and Seas (Story). – 2016 (11). – С. 130.
174. 王冉. 汉语佛教熟语文化背景研究[D]. 内蒙古:内蒙古大学, 2008. Ван Жань. Изучение культурного фона буддийских фразеологизмов в китайском языке // Inner Mongolia University. – Внутренняя Монголия. – 2008. – 44 с.
175. 王彬 注释. 法华经[M]. 北京: 中华书局, 2010. Ван Бинь. Лotosовая сутра // Zhonghua Bookstore. – Пекин, 2010. – 534 с.
176. 王淑杰. 不同宗教信仰影响下的俄汉成语[J]. 科技信息, 2009(7): 531, 553. Ван Шуцзе. Фразеологизмы в русском и китайском языках под влиянием разных религий // Научная технология. – 2009 (7). – С. 531, 553.
177. 王祯. 农书. 浙江人民美术出版社, 2015. Ван Чжэнь. Нун шу или Книга земледелия // Zhejiang People's Art Publishing House, 2015. – 967 с.
178. 王英男. 佛教成语研究[D]. 江苏:扬州大学, 2012. Ван Иннань. Буддийская фразеология // Yangzhou University. – Jiangsu. – 2012. – 44 с.
179. 甄永志, 郎久英. 《圣经》中的成语释义[J]. 赤峰学院学报 (汉文哲学社会科学版), 2000(6): 64-68. Цзэн Юнчжи. Толкование фразеологизмов из Библии // Journal of Chifeng University (Chinese Philosophy and Social Sciences Edition). – 2000 (6). – С. 64-68.
180. 石利华. 佛教词语的汉化[D]. 重庆:西南大学, 2008. Ши Лихуа. Китаизация буддийских слов // Southwestern University. – Chongqing. – 2008. – С. 38.

181. 胡智勇, 黄怡俐, 赵金萍. 浅谈英语中的谚语和习语及其对汉语的影响[J]. 许昌学院学报, 1995(1X). Ху Чжиюн. Влияние английских фразеологизмов на китайский язык // Journal of Xuchang University. – 1995 (1X). – С. 25.
182. 苏渊雷 点校. 五灯会元[M]. 北京: 中华书局, 2023. Су Юаньлэй [редактор]. Вудэнхуйюань // Zhonghua Bookstore. – Пекин, 2023. – 258 с.
183. 葛兆光 译者. 祖堂集[M]. 广州: 佛光文化事业有限公司, 1996. Гэ Чжаогуан [переводчик]. Цзу тан цзи // Fo Guang Cultural Business Co., Ltd.. – Гуанчжоу, 1996. – 302 с.
184. 董振楠. 《周易》中的成语. 上经. 线装书局, 2017. Дун Чжэннань. Фразеология в «Чжоуи» // Wire-bound bookstore. – Пекин, 2017. – 158 с.
185. 蒋栋元. 梵汉文化的合璧—试析汉语佛教成语的一个构成特征[J]. 中国矿业大学学报 (社会科学版), 2005, 7(1): 124-127. Цзян Дунюань. Сочетание индийской и китайской культуры – одна особенность формирования буддийских фразеологизмов в китайском языке // Journal of China University of Mining and Technology (Social Science Edition). – 2005, 7 (1). – С. 124-127.
186. 蔡心交. 越汉成语对比研究[D]. 上海: 华东师范大学, 2011. Цай Синьцзяо. Сопоставительный анализ фразеологизмов в китайском и вьетнамском языках // East China Normal University. – Шанхай. – 2011. – 274 с.
187. 薛欢, 徐卓琦, 杨雪莲等. 道教类四字成语的语言和文化分析[J]. 学语文, 2020(3): 93-96. Сюэ Хуань. Лингвокультурный анализ идиом даосского происхождения // Learn languages. – 2020 (3). – С. 93-96.
188. 谢军. 英语成语的文化内涵[J]. 吉首大学学报(社会科学版), 1999(2): 58-61. Се Цзюнь. Культурный смысл в английских фразеологизмах // Journal of Jishou University (Social Science Edition). – 1999 (2). – С. 58-61.
189. 谢红芳. 俄语成语与外来文化[J]. 新疆石油教育学院学报 (教育社科综合版), 2002, 6(4): 116-118. Се Хунфан. Русская фразеология и иностранная культура // Journal of Xinjiang Petroleum Education Institute (Comprehensive Edition of Education and Social Sciences). – 2002 (6). – С. 116-118.

190. 谭林. 俄语语言国情学. 吉林大学出版社, 1997. Тань Линь. Русское лингвострановедение // Jilin University Press. – Цзилинь, 1997. – 718 с.
191. 赖永海. 楞严经[M]. 北京: 中华书局, 2012. Лай Юнхай. Сурангама сутра // Zhonghua Bookstore. – Пекин, 2007. – 472 с.
192. 赵建成. 源自《圣经》的俄语名言[J]. 才智, 2016(23): 228-228, 230. Чжао Цзяньчэн. Русские изречения из Библии // Intelligence. – 2016 (23). – С. 228, 230.
193. 赵朴初. 俗语佛源 [M]. 上海: 上海人民出版社, 1993. Чжао Пучу. Поговорки буддийского происхождения // Shanghai People's Publishing House. – Шанхай, 1993. – 272 с.
194. 赵爱国. 俄语语言与文化研究, 黑龙江人民出版社, 2007 (10): 402. Чжао Аиго. Русская лингвокультурология // Heilongjiang People's Publishing House перевод. – Heilongjiang, 2007 (10). – 402 с.
195. 赵野. 俄语成语中宗教因素的表达[J]. 学园 (教育科研), 2011(21): 50. Чжао Е. Фразеологизмы с религиозным компонентом в русском языке // Gakuen (Education and Research). – 2011 (21). – С. 50.
196. 赵鑫. 文化语言学视野下的《庄子》成语研究[J]. 青年文学家, 2014(14): 160-160. Чжао Синь. Анализ фразеологизмов из «Чжуан-цзы» в лингвокультурном аспекте // Young Writer. – 2014 (14). – С. 160.
197. 邓国均. 青牛与老子形象的神仙化 – 以老子出关故事为考察中心[J]. 哈尔滨工业大学学报 (社会科学版), 2022, 24(2): 90-97. Дэн Гоцзюнь. «Зелёный бык» и образ Лаоцзы // Journal of Harbin Institute of Technology (Social Sciences Edition). – 2022, 24 (2). – С. 90-97.
198. 邹梦香. 从语义学角度分析圣经成语[J]. 青年时代, 2015(10): 169. Цзоу Мэнсян. Семантический анализ библейских идиом // Молодые годы. – 2015 (10). – С. 169.
199. 郑建斌. 中国财神[M]. 北京: 工人出版社, 2007. Чэнь Цзяньпин. Китайские Цай-шэни // Workers Publishing House. – Пекин, 2007. – 269 с.

200. 释道士. 法苑珠林[M]. 北京: 团结出版社, 2015. Ши Даоши. Фа юань чжу линь // Unity Publishing House. – Пекин, 2015. – 2709 с.
201. 钟乐平. 英语成语溯源[J]. 镇江市高等专科学校学报, 1993(3): 39-42. Чжун Лэпин. Источники английских идиом // Journal of Zhenjiang College of Higher Education. – 1993 (3). – С. 39-42.
202. 阮氏玉华. 越南语佛教词语研究[D]. 湖北: 华中科技大学, 2011. Жуань Шиюйхуа. Буддийские фразеологизмы во вьетнамском языке // Huazhong University of Science and Technology. – Hubei. – 2011. – 274 с.
203. 陈岩. 成语 *зарыть талант в землю* 的由来[J]. 俄语学习, 2004(5): 88. Чэнь Янь. Происхождение фразеологической единицы *закрыть талант в землю* // Learn Russian. – 2004 (5). – С. 88.
204. 陈绂. 浅析嵌有数字的成语—兼谈对外汉语教学中的文化内容[J]. 语言文字应用, 2009(4): 106-112. Чэнь Фу. Фразеологизмы с числительными-компонентами на уроках китайского языка как иностранного // Language and text application. – 2009 (4). – С. 106-112.
205. 陈金润. 现代俄语中源自《圣经》的成语的语义结构特点和修辞特点[D]. 内蒙古: 内蒙古大学, 2011. Чэнь Цзиньжунь. Семантические структуры и стилистические особенности библеизмов в современном русском языке // Inner Mongolia University. – 2011. – 62 с.
206. 陈锵明. 文化语境与成语解读—对几个源于《圣经》的英语成语的含义辨正[J]. 福州大学学报 (哲学社会科学版), 2003, 17(4): 69-73. Чэнь Цзанмин. Фразеологизмы в культурном контексте // Journal of Fuzhou University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2003, 17(4). – С. 69-73.
207. 顾宏义 译者. 景德传灯录[M]. 上海: 上海书店出版社, 2009. Гу Хуньи [переводчик]. Цзиндэ Чуаньдэнлу // Shanghai Bookstore Publishing House. – Шанхай, 2009. – 2521 с.
208. 马国凡. 俗语. 内蒙古人民出版社, 1997. Ма Гофан. Поговорки // Народное издательство Внутренней Монголии. – Хух-хото, 1997. – С. 1-21.

209. 高列过. 成语佛源举例[J]. 语文学刊, 2007, (14): 124-126. Гао Лего. Примеры фразеологизмов буддийского происхождения // Journal of Philology. – 2007(13). – С. 124-126.
210. 高永旺. 维摩诘经[M]. 北京: 中华书局, 2010. Го Юнвань. Вималакирти нирдеша сутра // Zhonghua Bookstore. – Пекин, 2010. – 210 с.
211. 魏彦莉. 源于《圣经》的俄语成语及其使用特点[J]. 西伯利亚研究, 2017, 44(2): 61-64. Вэй Яньли. Русская фразеология и особенности её употребления // Siberian Studies. – 2017, 44(2). – С. 61-64.
212. 黄依美. 汉泰佛教成语研究[D]. 湖南: 湖南师范大学, 2013. Хун Имэй. Сопоставительное исследование буддийских фразеологизмов в китайском и сиамском языках // Hunan Normal University. – Чанша. – 2013. – 44 с.
213. 齐昆. 浅析佛教成语的源流及结构[J]. 语文学刊 (高等教育版), 2003(4): 67-68. Ци Кунь. Происхождение и структура буддийской фразеологии // Journal of Philology (Higher Education Edition). – 2003 (4). – С. 67-68.

Список использованных словарей

1. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии [Текст]: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петербур. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
2. Большая советская энциклопедия [Текст]: [В 30 т.] / Глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Сов. энциклопедия, 1969. – 631 с. URL: <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D1%8F>
3. Грановская Л. М. Словарь имён и крылатых выражений из Библии: Ок. 400 имён: Более 300 крылатых выражений / Л. М. Грановская. – М.: Астрель: АСТ, 2003 (ОАО Рыбин. Дом печати). – 287 с.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа в 3-х томах. Т.1. – М.: Русская книга, 1993. – 640 с.

5. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 808 с.
6. Ермаков Н. Я. Пословицы русского народа / Н. Я. Ермаков. – Санкт-Петербург : тип. С. А. Корнатовского, 1894. – 48 с.
7. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000. – 1084 с. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B1%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE>
8. Загот М. А. Ищите и найдёте, или Англо-русский словарь библеизмов для всех и каждого / Михаил Загот. – М.: Р. Валент, 2004 (Калуж. тип. стандартов). – 278 с.
9. КБЛ – Китайский большой словарь / сост. Сюй Чжуншу. – Шанхай: Издательство шанхайского большого словаря, 2011. – 2677 с. : ил. «汉语大词典».
10. Королёв К. М. Китайская мифология. Энциклопедия. – М.: Эксмо; – Санкт-Петербург: Мидгард, 2007. – 301 с.
11. Кочедыков Л. Г. Краткий словарь библейских фразеологизмов / Л. Г. Кочедыков. – Самара: Бахрах–М, 2006 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). – 175 с.
12. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь соврем. экон. науки / Л. И. Лопатников; Под ред. Г. Б. Клейнера. – 5. изд., перераб. и доп. – Москва: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2003 (Калининград: ГИПП Янтар. сказ). – 519 с. URL: https://economic_mathematics.academic.ru/885/%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE

13. Мокиенко В. М. Толковый словарь библейских выражений и слов: около 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – Москва: АСТ: Астрель, 2010. – 639 с.
14. Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи [Текст]: словарь-справочник / Н. Г. Николаюк. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Санкт-Петербург: Вібліополіс, 2012. – 380 с.
15. Новейший философский словарь / [Гл. науч. ред. и сост. Грицанов А. А.]. – Минск: [Изд. В. М. Скакун], 1999. – 877 с.
16. Новиков Л. А. Русский язык: энцикл. / Л. А. Новиков; под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Высшая школа, 2003. – 912 с.
17. Пэн Цзайи. Этимологический словарь русской фразеологии / The Commercial Press. – 1-е изд., испр. – Пекин: СР, 1983. – 239 с. «俄语成语释源».
18. Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002. – 1999 с.
19. Словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – Москва : Русский язык, 1985-1988. Т. I. А – Й. 1985. – 696 с.
20. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В. И. – М. : РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я. – 672 с.
21. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и образование, 2015. – 1375 с. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28436>
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. СПб., 1996. Т. 3. – М.: Прогресс, 1986-1987. – 573 с.
23. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2-х тт. – М. : Рус. яз., 1999. Т. 2. – 559 с.
24. Чжан Цзяньхуа. Русско-китайский словарь. – Пекин: Издательство русского языка, 1998. – 1367 с. «俄汉词典»

25. Чжоу Цзишэн. Большой китайско-русский Словарь. – Пекин: Коммерческое издательство, 1984. – 1178 с. «大汉俄词典»
26. Чжэн Цзяньхуа. Новый русско-китайский словарь / Под ред. Чжао Вэньняня. – Пекин: Изд-во «Иностранные языки», 2008. – 1304 с. «现代俄汉双解词典».
27. Чэн Шупу. Новый большой китайско-русский словарь. – Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2019. – 899 с. «新大汉俄词典»
28. Шведова. Н. В. Словарь фразеологизмов с компонентом «Бог» / Под ред. Н. Б. Усачевой. – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2005. – 111 с.
29. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / [авт.-сост. Вадим Серов]. – М.: Локид-пресс, 2005. – 877 с.
30. 学生新华词典. 湖南教育出版社. 2017. Синхуа словарь // Hunan Education Press. – Чанша, 2017. – 656 с.
31. 小马车丛书编委会. 学成语 读庄子. 中国地图出版社, 2021. Редакционная коллегия серии "Тележки для пони". Изучать фразеологизмы, читать Чжуанцзы // Издательство карт Китая. – Пекин. – 2021. – 137 с.
32. 张建超. 读老子 学成语. 江西: 江西人民出版社, 2016: 190. Чжан Цзяньчао. Читать Лао-цзы, изучать фразеологию // Jiangxi People's Publishing House. – Jiangxi, 2016. – 190 с.
33. 徐亚斌. 《论语》中的成语解读. 上海社会科学院出版社, 2021. Сюй Япинь. Интерпретация фразеологии в «Луньюй» // Shanghai Academy of Social Sciences Press. – Шанхай, 2021. – 165 с.
34. 徐美华、韩兴娥. 读论语 学成语. 江西人民出版社, 2014. Сюй Мэйхуа, Хай Синэ. Читать «Луньюй», изучать фразеологию // Jiangxi People's Publishing House. – Jiangxi, 2014. – 123 с.

35. 朱瑞玟. 中华成语探源大全集. 中国华侨出版社, 2010. Чжу Жуйвэнь. Большой этимологический словарь китайской фразеологии // Издательство китайских эмигрантов. – Пекин, 2010. – 1163 с.
36. 朱瑞玟. 佛教成语. 格致出版社, 2006. Чжу Жуйвэнь. Буддийская фразеология // Издательство Гэчжи. – Шанхай, 2006. – 432 с.
37. 朱瑞玟. 成语与佛教 [M]. 北京: 北京经济学院出版社, 1989. Чжу Жуйвэнь. Буддизм и фразеология // Beijing University of Economics Press. – Пекин, 1989. – 367 с.
38. 许慎. 说文解字. 杭州: 浙江古籍出版社, 2016. Сюй Шэнь. Толковый словарь китайских иероглифов // Zhejiang Ancient Books Publishing House. – Ханчжоу, 2016. – 544 с.

Список Интернет-ресурсов

1. 《杂阿含经》 | 佛经 (quanxue.cn) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://quanxue.cn/ct_fojia/zaahanindex.html
2. <http://www.wenwolai.com/God.aspx?id=7342> 与道教有关的成语.
3. <https://wenda.so.com/q/1362580390062939> 与释迦牟尼创立佛教有关成语.
4. <https://zhidao.baidu.com/question/30049160.html> 源于宗教的成语.
5. [List of religious texts - Wikipedia \(turbopages.org\)](#) Список религиозных текстов.
6. Богатство – православная энциклопедия «Азбука веры» (azbyka.ru) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://azbyka.ru/bogatstvo> (Дата обращения 14.09.2022).
7. Большой Китайско-Русский Словарь онлайн. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://bkrs.info/> (Дата обращения 02.12.2022).
8. Бык – Энциклопедия знаков и символов (symbolarium.ru). – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:

- <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%91%D1%8B%D0%BA> (Дата обращения 14.04.2022).
9. Источники русских фразеологизмов | Образовательная социальная сеть (nsportal.ru) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2013/06/12/istochniki-russkikh-frazeologizmov?ysclid=13fcqr6bke> (Дата обращения 01.12.2021).
 10. Мамаево побоище | это... Что такое Мамаево побоище? (academic.ru) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – <https://kurl.ru/sfgjM> (Дата обращения 01.06.2022).
 11. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 15.04.2023).
 12. Основы языческого мировоззрения. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.tvoyhram.ru/slavrelig/slavrelig02.html>. (Дата обращения 14.05.2022).
 13. Основы языческого мировоззрения. (tvoyhram.ru) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/vsZxs> (Дата обращения 03.05.2022).
 14. Перевод книги «Чжоуские ритуалы» – URL: <http://ewenyan.com/articles/zl/2/3.html> (Дата обращения 08.04.2024).
 15. Результаты поиска (zhonga.ru) 三世如來像. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/KvbYg>
 16. Религия в России. – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/eEiUS>
 17. СЕМЬЯ — Большой энциклопедический словарь (gufo.me) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%AF> (Дата обращения 09.04.2024).
 18. СЕМЬЯ – Новейший философский словарь (gufo.me). – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL:

<https://gufo.me/dict/philosophy/%D0%A1%D0%95%D0%9C%D0%AC%D0%AF> (Дата обращения 09.04.2024).

19. ФРАЗЕОЛОГИЯ | Энциклопедия Кругосвет (krugosvet.ru) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/RZGvb> (Дата обращения 01.12.2022).
20. Число – Википедия (wikipedia.org) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/UrWqQ>
21. Читать онлайн электронную книгу Сон в красном тереме – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://librebook.me/son_v_krasnom_tereme/vol3/25 (Дата обращения 03.06.2022).
22. Шесть миров – Википедия (wikipedia.org). – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://kurl.ru/zIqGA>
23. 五蕴| Translation 五蕴(academic.ru) [Electronic resource]. Retrieved from <https://kurl.ru/XmArQ> (Дата обращения 07.07.2023).
24. 第二十回 得钱过瘾乞丐穷凶 指东话西店商受辱_黑籍冤魂_彭养鸥_在线阅读_中华典藏 (zhonghuadiancang.com) – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.zhonghuadiancang.com/wenxueyishu/heijiyuanhun/107603.html>, (Дата обращения: 14.04.2024).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом

В русском языке		
	Христианство	Другие религии (язычество)
1	Агнец Божий (непорочный)	Не всё коту масленица
2	Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби	Красного петуха пустить (на крышу посадить)
3	Валаамова ослица	Подложить свинью
4	Волк в овечьей шкуре	
5	Всякой (каждой) твари по паре	
6	Голубь мира	
7	Заблудшая овца [овечка] (душа)	
8	Заколоть [заклать] <упитанного> агнца (теляца)	
9	Змий [змей] искуситель	
10	Золотой [златой] телец	
11	Как птица небесная (Божия)	
12	Козёл отпущения	
13	Конь бледный	
14	Легче верблюду пройти сквозь (в) игольное ушко, чем (нежели) богатому попасть (войти) в Царство небесное (Царствие Божие)	
15	Метать (рассыпать) бисер <перед свиньями>	
16	Отделять / отделить овец [овнов] от козлищ	
17	Оцеживать комара, <а верблюда поглощать>	
18	Питаться акридами и <диким> мёдом	
19	Поклоняться (поклониться) зверю	
20	Прикидываться / прикинуться агнцем <Божьим>	
21	Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают	
22	Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда	
23	Фараоновы тощие коровы. Семь тощих коров	

24	Семь коров тучных	
25	Напиваться / напиться до зелёного змья	
26	Из порося в карся; порося превратить в карся	
27	Поклоняться золотому тельцу	

В китайском языке			
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм
1	割鸡焉用牛刀	白驹过隙	象牙之塔
2	轻裘肥马	不免虎口	香象渡河
3	驷不及舌	初生之犊不怕虎	牛头阿旁
4	鸿鹄将至	鹑居鷃食	牛头马面
5	为丛驱雀	呆若木鸡	牛鬼蛇神
6	为渊驱鱼	得鱼忘筌	河东狮吼
7	以羊易牛	断鹤续凫	对牛弹琴
8	缘木求鱼	害群之马	画龙点睛
9	哀鸿遍野	呼牛呼马	天上麒麟
10	暴虎冯河	见弹求鸇	驴鸣犬吠
11	嗷嗷待哺	鹤鹑一枝	雁行鱼贯
12	蚕食鲸吞	井底之蛙	孤云野鹤
13	凤鸣朝阳	井蛙之见	虾兵蟹将
14	鹪鹩在原	枯鱼之肆	心猿意马
15	螭首蛾眉	目无全牛	单枪匹马
16	教猱升木	庖丁解牛	狗急跳墙
17	鹊巢鸠居	鹏程万里	骑驴觅驴
18	鼠牙雀角	如蚊负山	一朝被蛇咬，三年怕草绳
19	螭蟾沸羹	如蚁附膻	指雁为羹
20	投畀豹虎	鼠肝虫臂	佛口蛇心
21	三牲五鼎	隋珠弹雀	悬驼就石
22	熊罴入梦	探骊得珠	飞蛾投火
23	鹰扬虎视	螳臂挡车	屠所牛羊
24	鱼网鸿离	屠龙之技	盲人摸象(摸象众盲)
25	爱屋及乌	夏虫不可语冰	衣冠枭獍
26	百兽率舞	偃鼠饮河	龟毛兔角
27	凤凰来仪	已陈刍狗	狮子搏兔，亦用全力
28	归马放牛	鸟尽弓藏，兔死狗烹	鹦鹉学舌
29	虎尾春冰	覆蕉得鹿	鸦雀无声
30	牝鸡司晨	歧路亡羊	君子一言，快马一鞭(快马加鞭)
31	狐死首丘	渊鱼之察	泥牛入海
32	苛政猛于虎	猿鹤虫沙	猢猻入布袋
33	素车白马	鸡犬升天	臭肉来绳
34	羝羊触藩	青牛道士	见兔放鹰
35	尺蠖之屈	登蟾宫	驴前马后
36	风虎云龙	蟾宫折桂	雁过长空

37	鹤鸣之士	松鹤延年	人穷智短(马瘦毛长)
38	虎视眈眈		降龙伏虎
39	即鹿无虞		人中狮子
40	龙蛇之蛰		羊毛出在羊身上
41	龙吟虎啸		龙蛇混杂
42	群龙无首		羚羊挂角
43	信及豚鱼		
44	车辙马迹		
45	风马牛不相及		
46	封豕长蛇		
47	蜂虿有毒		
48	蜂目豺声		
49	河鱼腹疾		
50	狐裘羔袖		
51	困兽犹斗		
52	狼子野心		
53	厉兵秣马		
54	良禽择木		
55	鸾凤和鸣		
56	马齿徒增		
57	马首是瞻		
58	匹马只轮		
59	象齿焚身		
60	蹊田夺牛		
61	燕巢于幕		
62	谈虎色变		
63	生龙活虎		
64	打蛇打七寸		
65	素丝羔羊		
66	三阳开泰		
67	爱礼存羊		

Приложение 2. Соотношение фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках

Виды животных	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 31		Др. 3		Всего		Дао. 34		Будд. 41		Конф. 65		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
бык 牛	5	16.10%		0.00%	5	14.30%	4	11.80%	6	14.60%	5	7.70%	15	9.50%
овца 羊	7	22.60%		0.00%	7	20.00%	1	2.90%	2	4.90%	4	6.20%	7	4.40%
змея 蛇	3	9.70%		0.00%	3	8.60%		0.00%	4	9.80%	3	4.60%	7	4.40%
осёл 驴	1	3.20%		0.00%	1	2.90%		0.00%	3	7.30%		0.00%	3	1.90%
конь 马	1	3.20%		0.00%	1	2.90%	4	11.80%	6	14.60%	9	13.80%	19	12.00%
свинья 猪	3	9.70%	1	33.30%	4	11.40%		0.00%		0.00%		0.00%	0	0.00%
лев 狮子	1	3.20%		0.00%	1	2.90%		0.00%	3	7.30%		0.00%	3	1.90%
слон 象	1	3.20%		0.00%	1	2.90%		0.00%	3	7.30%	1	1.50%	4	2.50%
верблюд 骆驼	2	6.50%		0.00%	2	5.70%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
собака 狗	1	3.20%		0.00%	1	2.90%	3	8.80%	1	2.40%		0.00%	4	2.50%
тигр 虎		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	5.90%		0.00%	10	15.40%	12	7.60%
олень 鹿		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%	1	1.50%	2	1.30%
петух 鸡		0.00%	1	33.30%	1	2.90%	1	2.90%		0.00%	2	3.10%	3	1.90%
заяц 兔		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	3	7.30%		0.00%	3	1.90%
утка 鸭		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
гусеница 尺蠖		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
муравей 蚂蚁		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
мышь 鼠		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	5.90%		0.00%	1	1.50%	3	1.90%

богомол 螳螂		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
обезьяна 狢狢		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
лебедь 天鹅		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
шелкопряд 蚕		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
птица 鹁鸽		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
мартышка 猯		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
медведь 熊		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
лиса 狐狸		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	2	3.10%	2	1.30%
скорпион 蝎子		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
волк 狼		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
кот 猫		0.00%	1	33.30%	1	2.90%		0.00%		0.00%		0.00%	0	0.00%
птичка 鸟雀	3	9.70%		0.00%	3	8.60%	4	11.80%	1	2.40%	2	3.10%	7	4.40%
гусь белолобый 雁		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	3	7.30%	1	1.50%	4	2.50%
орёл 鹰		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
голубь 鸽子	1	3.20%		0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%		0.00%	0	0.00%
комар 蚊子	1	3.20%		0.00%	1	2.90%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
журавль 鹤		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	5.90%	1	2.40%	1	1.50%	4	2.50%
дракон 龙		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	5.90%	3	7.30%	5	7.70%	10	6.30%

цилинь 麒麟		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
мотылёк 蛾		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%	1	1.50%	2	1.30%
филин 梟		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
попугай 鸚鵡		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
муха 蒼蠅		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
перепел 鹑鹑		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
сова 猫头鹰		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%	1	0.60%
феникс 凤凰		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	3	4.60%	3	1.90%
сорока 喜鹊		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
горлица 斑鸠		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
ворона 乌鸦		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
пчела 蜂		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	2	3.10%	2	1.30%
ласточка 燕		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%
саранча 蝗虫	1	3.20%		0.00%	1	2.90%		0.00%		0.00%		0.00%	0	0.00%
рыба 鱼	1	3.20%		0.00%	1	2.90%	4	11.80%	1	2.40%	5	7.70%	10	6.30%
черепаша 龟		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%
рак 虾蟹		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%	1	2.40%		0.00%	1	0.60%

лягушка 蛙		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	5.90%		0.00%		0.00%	2	1.30%
кит 鯨		0.00%		0.00%	0	0.00%		0.00%		0.00%	1	1.50%	1	0.60%

Приложение 3. Фразеологизмы с компонентом-фитонимом

В русском языке		
	Христианство	Другие религии (язычество)
1	Адамово яблоко	Лук от семи недуг
2	Бесплодная смоковница	Плакать на цветы
3	Вкушать / вкусить от дерева познания <добра и зла>	
4	Вкушать / вкусить (пожинать / пожать) плоды <чего, чьи>	
5	В чужом глазу сучок (соломинку) видим, а в своём <и> бревна не замечаем	
6	Древо жизни	
7	Древо познания <добра и зла>	
8	Запретный плод	
9	Запретный плод сладок	
10	Масличная (оливковая) ветвь	
11	Неопалимая купина	
12	Отделять / отделить плевелы от пшеницы	
13	Под своей смоковницей	
14	Продаваться / продаться за чечевичную похлёбку	
15	Райские кущи	
16	Терновый венец [венки]	
17	Фиговый листок [листочек]	
18	Что посеешь, то и пожнёшь	
19	До морковкина заговенья	
20	Дрожать / Задрожать как осиновый лист	
21	Прикрыться фиговым листком	
22	Отцы ели (кислый) виноград, а у детей на зубах оскомина	
23	Как горчичное зерно	
24	Корень зла	

В китайском языке			
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм
1	苗而不秀	根深蒂固	刀山剑树
2	匏瓜徒悬	槁木死灰	种瓜得瓜种豆得豆
3	岁寒知松柏	山木自寇	步步莲花
4	朽木不雕	芹曝之献	火树银花
5	朽木粪墙	声振林木	出淤泥而不染
6	寸木岑楼	夫大寒至，霜雪降， 然后知松柏之茂也	世外桃源
7	旱苗得雨	水积而鱼聚 木茂而 鸟集	镜花水月
8	视如土芥		黄花晚节
9	揠苗助长		枯木逢春
10	不稂不莠		捏花微笑
11	不遗葑菲		叶落归根
12	三年之艾		花花世界
13	一介不取		竹报平安
14	采兰赠芍		天花乱坠
15	故宫禾黍		心花怒放
16	投瓜报玉		香花供养
17	投桃报李		天女散花
18	天桃秣李		昙花一现
19	竹苞松茂		锦上添花
20	风吹草偃		攒花簇锦
21	桑弧蓬矢		依草附木
22	拔茅连茹		落花有意流水无情
23	金兰之友		节外生枝
24	不辨菽麦		借花献佛
25	华而不实		六根清静
26	一薰一莸		人非草木孰能无情
27	斩草除根		舌灿莲花
28	不蔓不枝		
29	一草一木		
30	别生枝节		
31	粗枝大叶		
32	有枝添叶		
33	失枝脱节		

Приложение 4. Соотношение фразеологизмов с компонентом-фитонимом в русском и китайском языках

Виды растений	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 25		Др. 2		Всего 27		Конф. 33		Дао. 7 11%		Будд. 26		Всего 66	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
хлеб 谷类	2	8.00%		0.00%	2	7.40%	6	18.20%	0	0.00%	1	3.80%	7	10.60%
дерево 木	14	56.00%		0.00%	14	51.90%	7	21.20%	5	71.40%	9	34.60%	21	31.80%
травы 草	3	12.00%	0	0.00%	3	11.10%	7	21.20%	0	0.00%	2	7.70%	9	13.60%
овощи 蔬菜	1	4.00%	1	50.00%	2	7.40%	2	6.10%	1	14.30%	1	3.80%	4	6.10%
цветы 花		0.00%	1	50.00%	1	3.70%	6	18.20%	0	0.00%	17	65.40%	23	34.80%
фрукты 果	5	20.00%		0.00%	5	18.50%	3	9.10%	0	0.00%	1	3.80%	4	6.10%

Приложение 5. Фразеологизмы с компонентом-нумеративом

В русском языке		
	Христианство	Другие религии (язычество)
1	Беда <никогда> не приходит одна	Лук от семи недуг
2	Десять <библейских> заповедей	Семь пятниц на неделе у кого
3	До второго пришествия	
4	За семью замками	
5	Как один <человек>	
6	Лить (проливать) слёзы (потоки слёз) <в три ручья>	
7	Муж и (да) жена – одна сатана	
8	Ни на <одну [единую]> йоту	
9	<Ни один> волос не упадёт с головы чьей, кого	
10	Ни одна <живая> душа	
11	Ни одна йота	
12	Ни <одной [единой] живой> души	
13	Бог любит троицу	
14	Овому талант, овому два (иному талант, иному два)	
15	Первые будут последними, <а последние первыми>	
16	Продать (предать) <i>кого</i> за тридцать сребреников	
17	Семь смертных грехов	
18	Слуга двух господ	
19	Служить двум господам	
20	Тридцать сребреников	
21	Фараоновы тощие коровы. Семь тощих коров	
22	Семь смертных грехов	
23	Книга за семью печатями	
24	Семь коров тучных	
25	Одним миром мазаны	
26	На седьмом небе быть	
27	Всякой (каждой) твари по паре	
28	Одиннадцатый час	
29	Три перста крест кладут	
30	Без пяти просвир обедни нет	

В китайском языке			
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм
1	十目所视, 十手所指	目迷五色	半路出家
2	半途而废	千里始足下	无事不登三宝殿
3	人一己百	华封三祝	五蕴皆空
4	一轨同风	喙长三尺	救人一命胜造七级浮屠
5	一孔之见	鹤鹑一枝	一佛出世二佛涅槃
6	一言而尽	鹏程万里	一尘不染
7	举一反三	七窍生烟	道高一尺魔高一丈
8	六尺之孤	学富五车	百尺竿头更进一步
9	三纲五常	一日千里	一面之缘
10	三思而行	一饮一啄	一生一世
11	四海之内皆兄弟	朝三暮四	三生有幸
12	四体不勤	六神不安	两世为人
13	闻一知十	六神无主	万劫不复
14	无求备于一人	三魂七魄	三灾八难
15	一仍旧贯	十室九空	十八层地狱
16	一日之长	万世师表	四大皆空
17	一言以蔽之	三尸暴跳	丈六金身
18	一以贯之	七返灵砂	一手遮天
19	彼一时此一时	六亲不和	七情六欲
20	拒人于千里之外		冠绝一时
21	三年之艾		哼哈二将
22	事半功倍		三教九流
23	五十笑百		一字师
24	一傅众咻		千差万别
25	一介不取		一把钥匙开一把锁
26	一毛不拔		三头六臂
27	一曝十寒		六尘不染
28	百身何赎		一弹指顷
29	二三其德		万籁俱寂
30	千仓万库		一落千丈
31	三星在户		千辛万苦
32	声闻九皋		得其三昧
33	天保九如		游戏三昧
34	万寿无疆		当头一棒
35	一唱一和		四面八方
36	一日三秋		一念之差
37	一苇可航		大千世界

38	亿万斯年		一朝被蛇咬十年怕井绳
39	知其一，不知其二		六根清净
40	百兽率舞		做一日和尚撞一天钟
41	反戈一击		森罗万象
42	功亏一篑		一厢情愿
43	济济一堂		不二法门
44	日理万机		昙花一现
45	一心一德		一箭之地
46	失之毫厘差之千里		五体投地
47	二姓之好		一丝不挂
48	加人一等		一心一意
49	五毒俱全		一动不如一静
50	三从四德		三平二满
51	三牲五鼎		一瓣心香
52	十全十美		一波三折
53	四郊多垒		万家生佛
54	天无二日		君子一言，快马一鞭
55	五湖四海		六耳不传
56	一成不变		一口吸尽西江水
57	一张一弛		七颠八倒
58	从一而终		好事不出门，恶事传千里
59	二人同心，其利断金		女大十八变
60	利市三倍		张三李四
61	一索得男		横三竖四
62	一阳复始		千奇百怪
63	一朝一夕		半斤八两
64	背城借一		打成一片
65	不一而足		七零八落
66	不以一眚掩大德		千了百当
67	二惠竞爽		一刀两断
68	二竖为虐		八字没一撇
69	季路一言		七手八脚
70	九五之尊		独一无二
71	三折肱为良医		一笑置之
72	投诸四裔		一了百了
73	退避三舍		七上八下
74	一彼一此		千里迢迢
75	一鼓作气		一往无前
76	一国三公		三姑六婆
77	一见如故		一笔勾销
78	一薰一莸		不经一事，不长一智

79	一言为定		一客不烦二主
80	一之谓甚		日上三竿
81	一字褒贬		无缘一面
82	有死无二		一箭之地
83	又弱一个		胡说八道
84	再衰三竭		六道轮回
85	一草一木		
86	万紫千红		
87	一己之私		
88	丁一确二		
89	十病九痛		
90	四亭八当		
91	一鞭一条痕		
92	一笔勾销		
93	一路之哭		
94	一团和气		
95	一息尚存		
96	打蛇打七寸		
97	三茶六礼		

Приложение 6. Соотношение фразеологизмов с компонентом-нумеративом в русском и китайском языках

Числа	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 30		Др. 2		Всего 32		Конф. 97		Дао. 19		Будд. 84		Всего 200	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
один	11	36.70%		0.00%	11	34.40%	52	53.60%	3	15.80%	39	46.40%	94	47.00%
два	5	16.70%		0.00%	5	15.60%	9	9.30%	0	0.00%	6	7.10%	15	7.50%
три	2	6.70%		0.00%	2	6.30%	16	16.50%	5	26.30%	13	15.50%	34	17.00%
четыре	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	7	7.20%	1	5.30%	4	4.80%	12	6.00%
пять	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	2	2.10%	2	10.50%	2	2.40%	6	3.00%
шесть	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	3	3.10%	3	15.80%	8	9.50%	14	7.00%
семь	7	23.30%	2	100.00%	9	28.10%	1	1.00%	3	15.80%	6	7.10%	10	5.00%
восемь	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	1	1.00%	0	0.00%	11	13.10%	12	6.00%
девять	0	0.00%		0.00%	0	0.00%	3	3.10%	1	5.30%	1	1.20%	5	2.50%
десять	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	6	6.20%	1	5.30%	1	1.20%	8	4.00%
五十		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	1.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	0.50%
百		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	0	0.00%	4	4.80%	8	4.00%
千		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	2	10.50%	8	9.50%	14	7.00%
万		0.00%		0.00%	0	0.00%	4	4.10%	2	10.50%	6	7.10%	12	6.00%
半		0.00%		0.00%	0	0.00%	2	2.10%	0	0.00%	2	2.40%	4	2.00%
亿万		0.00%		0.00%	0	0.00%	1	1.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	0.50%
十八		0.00%		0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	1	1.20%	1	0.50%
三十	2	6.70%		0.00%	2	6.30%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%
十一	1	3.30%		0.00%	1	3.10%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%	0	0.00%

Приложение 7. Фразеологизмы микрополя «семейные отношения»

В русском языке		
	Христианство	Другие религии (язычество)
1	Бесплодная смоковница	
2	Вавилонская блудница	
3	Блаженны миротворцы	
4	Блудный сын	
5	Брат на (против) брата <восстал>	
6	Братья наши меньшие [меньшая братия; меньшие братья]	
7	Возвращение блудного сына	
8	Евина внучка (дочка) [внучка (дочка) Евы]	
9	Жена Пентефрия	
10	Избиение младенцев	
11	Как зеницей ока дорожить кем, чем	
12	Как зеницу ока беречь (хранить) кого, что	
13	Как Лотова жена	
14	Как «Отче наш»	
15	Кость от кости кого, чьей. Кость от костей кого, чьих	
16	Кровь от крови кого, чьей	
17	Мир вам! Мир дому сему (вашему, твоему)	
18	Муж и (да) жена – одна сатана	
19	Непорочное зачатие	
20	Отцы ели кислый виноград (клюкву, терпкое), а у детей на зубах оскомина	
21	Плодитесь и размножайтесь	
22	Разве я сторож брату моему	
23	Сын человеческий	
24	Сыны Израилевы	
25	Уриева жена	
26	Хамов сын	
27	Как (словно, точно, что) песку [песка] морского кого, чего	
28	<Ни один> волос не упадёт с головы чьей, кого	
29	Носить на руках кого	
30	Плоть и кровь кого, чья	
31	Плоть от плоти кого, чьей	

32	Под своей смоковницей		
33	По образу и подобию кого, чьему		
34	Свой своему поневоле брат (друг)		
35	Ваш брат		
36	Хамовы дети		
37	Чти отца твоего		
38	Водить (держать) за руку [ручку] кого		
	В китайском языке		
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм
1	过庭之训	夫唱妇随	掌上明珠
2	六尺之孤	拔宅飞升	成家立业
3	三纲五常		家丑不可外扬
4	司马牛之叹		情同骨肉
5	四海之内皆兄弟		同床异梦
6	鳏寡孤独		再生父母
7	妻离子散		
8	守身如玉		
9	孝子贤孙		
10	仰事俯畜		
11	养生送死		
12	毕恭毕敬		
13	不安于室		
14	昊天罔极		
15	急人之难		
16	鹳鸣在原		
17	没大没小		
18	琴瑟之好		
19	鹊巢鸠居		
20	如埴如篴		
21	三星在户		
22	天作之合		
23	新婚燕尔		
24	兄弟阋墙		
25	宜室宜家		
26	遇人不淑		
27	爱屋及乌		
28	如丧考妣		
29	冬温夏清		
30	二姓之好		

31	昏定晨省		
32	寢苦枕块		
33	三从四德		
34	丧明之痛		
35	菽水承欢		
36	先意承志		
37	从一而终		
38	反目成仇		
39	枯杨生稊		
40	一索得男		
41	中馈乏人		
42	大义灭亲		
43	二惠竞爽		
44	毁家纾难		
45	鸾凤和鸣		
46	父慈子孝		
47	齐家治国		
48	相敬如宾		
49	众叛亲离		

Приложение 8. Соотношение фразеологизмов микрополя «семейные отношения» в русском и китайском языках

Семейные отношения	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 41		Др. 0		Всего 41		Конф. 49 86%		Дао. 2 3%		Будд. 6 11%		Всего 57	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
родители и дети 父母子女	23	56.10%	0	0.00%	23	56.10%	15	30.60%	0	0.00%	2	33.30%	17	29.80%
муж и жена 夫妻	7	17.10%	0	0.00%	7	17.10%	19	38.80%	1	50.00%	1	16.70%	21	36.80%
братья 兄弟	6	14.60%	0	0.00%	6	14.60%	7	14.30%	0	0.00%	0	0.00%	6	10.50%
другие 其他	5	12.20%	0	0.00%	5	12.20%	8	16.30%	1	50.00%	3	50.00%	5	8.80%

Приложение 9. Фразеологизмы микрополя «богатство»

В русском языке		
	Христианство	Другие религии (язычество)
1	Беден как Иов	
2	Беден как Лазарь. Бедный Лазарь	
3	Бог дал, Бог взял	
4	Бог даст день, даст и пищу	
5	Воздавать / воздать кому, чему должное (по заслугам, по делам чьим)	
6	В поте лица <своего>	
7	Всё в руце Божией	
8	Есть хлеб не даром	
9	Зарывать / зарыть талант	
10	Золотой [златой] телец	
11	Из грязи в князи (попасть, выбиться и т.п.)	
12	Иуда - <предатель>	
13	Как Лотова жена	
14	Кто не работает, тот < да > не ест	
15	Левая рука не знает, что делает правая	
16	Легче верблюду пройти сквозь (в) игольное ушко, чем (нежели) богатому попасть (войти) в Царство небесное (Царствие Божие)	
17	Лепта вдовицы	
18	Не хлебом единым [не о хлебе едином, устар.] жив человек	
19	Обращать / обратить (превращать / превратить; претворять / претворить) воду в вино	
20	Овому талант, овому два (иному талант, иному два)	
21	Получать / получить по заслугам	
22	Продать (предать) кого за тридцать сребреников	
23	Птицы небесные (Божьи) не сеют, не жнут, а сыты бывают	
24	Служить Богу и мамоне	
25	Служить мамоне	
26	Кесарево кесарю, а Божие [Богово] Богу <воздать, отдать >	
27	Корень зла	
28	Пир Лазаря	
29	Вносить / Внести свою лепту во что	
30	Реки, текущие молоком и мёдом	

В китайском языке			
	Конфуцианство	Даосизм	Буддизм
1	悖入悖出	金玉满堂	宝山空回
2	生财有道	被揭怀玉	聚沙成塔
3	生财之道	如蚁附膻	细水长流
4	博施济众	数米而炊	沿门托钵
5	富贵浮云	安贫乐道	佛是金妆，人是衣妆
6	惠而不费	财神爷打官司—有钱就有理	佛面刮金
7	见利思义	财神爷戴乌纱帽—钱也有，权也有	看破红尘
8	轻裘肥马	财神爷发慈悲—有的是钱	沙里淘金
9	韞椟而藏	财神爷翻脸—不认账	抛砖引玉
10	安富尊荣	财神爷叫门—好事临头	见钱眼开
11	绰有余裕	财神爷敲门—福从天降	乐善好施
12	廉贪立儒	财神爷要饭—装穷	六根清净
13	为富不仁	财神爷招手—来福了	香花供养
14	为仁不富	玉皇大帝拜财神—有钱大三辈	点铁成金
15	不伎不求		只看衣衫不重人
16	绰绰有余		刀头舔蜜
17	瓶罄罍耻		
18	千仓万库		
19	无功受禄		
20	恶贯满盈		
21	杀人越货		
22	声色货利		
23	不劳而获		
24	并日而食		
25	布衣蔬食		
26	达官贵人		
27	嗟来之食		
28	良贾深藏		
29	蒙袂辑屣		
30	蓬户瓮牖		

31	蓬门荜户		
32	自食其力		
33	利市三倍		
34	丰年补败		
35	贿赂公行		
36	骄奢淫逸		
37	省吃俭用		
38	唯利是图		
39	荜门闺寇		
40	食不兼味		
41	贪得无厌		

Приложение 10. Соотношение фразеологизмов микрополя «богатство» в русском и китайском языках

Подгруппы	В русском языке						В китайском языке							
	Христ. 30		Др. 0		Всего 30		Конф. 41 58%		Дао. 14 20%		Будд. 16 23%		Всего 71	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Отношение к богатству	20	66.70%	0	0.00%	20	66.70%	25	61.00%	14	100.00%	8	50.00%	47	66.20%
Способы получения богатства	6	20.00%	0	0.00%	6	20.00%	9	22.00%	0	0.00%	4	25.00%	13	18.30%
Потребление и сбережение	4	13.30%	0	0.00%	4	13.30%	7	17.10%	0	0.00%	4	25.00%	11	15.50%